ВОЕННО
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

МАТЕРИАЛЫ

ТОМ III

Высший Военный Редакционный Совет
Москва 1924

E21605

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

323.2 (584), 1918

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

БИБЛИОТЕКА
Инстит. Красн. Профес
Инв № 3567/42

ТОМ
III

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ФЕРГАНСКОГО БАСМАЧЕСТВА И БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ В БУХАРЕ

ЧЕТЫРЕ СХЕМЫ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА 1924

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ № 894

Петрогублит № 10846
Тираж 1500

Военная типография
Штаба Р.-К. К. А.
(Площ. Урицкого, 10)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От редакции 5

Д. Д. Зуев. Ферганское басмачество (1918—1922 г.г.).
(Опыт исторического исследования) 24 приложения.

Глава I. **Введение.** Историко-географическая справка 11
„ II. Период царского управления 15
„ III. Начало басмачества 27
„ IV. 1918—1919 г. (до соединения с центром) 37
„ V. Соединение с центром. Вторая волна басмачества 45
„ VI. Борьба силою оружия. (Военная борьба) 49
„ VII. Попытки привлечь население в борьбе с басмачами 56
„ VIII. Переговоры 63
„ IX. Заключение 71
Приложения 73
Список источников 88

Н. Е. Какурин. Боевые операции в Бухаре (1922 г.).
(4 схемы и 13 приложений).

Введение. Обзор событий, вызвавших появление Красной Армии в Бухаре. Бухарская революция 1920 г. Ее причины. Гиссарская экспедиция 1921 г. Ее результаты. Появление в Бухаре Энвера-паши; его планы и намерения. Причины нового похода Красной Армии в Бухаре. Политическая цель похода 91
Глава I. Краткий обзор театра военных действий и его главнейших особенностей 95
„ II. Силы противника, их распределение на театре военных действий. Наши силы и средства 103
„ III. Подготовка и планы обеих сторон 107
„ IV. Сосредоточение и развертывание сил и средств. Ближайшие задачи в этой области и их разрешение. Операции под Керками, Нур-Атой и Байсуном 112
„ V. Операция против главных сил Энвера-паши, закончившаяся выходом наших войск на фронт Айвадис, Кабадиан, р. Тупоханг-Дарья 120
„ VI. Подготовка к продвижению на новый рубеж. События в обеих колоннах, предшествовавшие началу этого продвижения. Новое продвижение наших войск вглубь Восточной Бухары. Поставленные им задачи и их выполнение. Смерть Энвера-паши. Обстановка перед сдачей мною командования 137
Заключение 142
Приложения и схемы 147

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаемая вниманию читателей книга имеет в настоящий момент почти исключительно исторический интерес. Описываемая авторами борьба с басмачеством периода по преимуществу 1918—1922 годов отошла в область прошлого. Борьба эта не была ликвидирована в 1922 году с нанесением жестокого поражения Энвер-паше. Даже и в 1923 году, когда для нанесения басмачам решительного удара были значительно усилены части Красной Армии, она не может еще считаться ликвидированной.

Когда мы пишем эти строки, подходит к концу военная кампания против басмачей лета—осени 1923 года, организованная по прямым указаниям Главнокомандующего. Успехи этой военной кампании весьма велики. Басмачи и трудящееся дехканство Ферганы воочию убедилось в превосходстве сил Красной Армии. Большое число шаек разбито и сдалось. Еще больше разошлось по домам, отказываясь от дальнейшей борьбы. Десятки курбашей перешли на сторону Советской власти. Военные успехи одновременно охватили и район Восточной Бухары. Неприступный до тех пор Гарм очищен от басмачей. Операции нового вождя басмачей Семи-бея (или Селим-паши) при всем их отличии от операций Энвер-паши, окончились в 1923 г. неудачей.

Мы тем не менее не хотим сказать, что военная борьба с басмачами совершенно закончена. С некоторыми изменениями политического положения, эта военная борьба к весне 1924 г. могла бы вновь возобновиться. Если мы все же говорили выше о почти исключительно-историческом характере прилагаемого Сборника, то это потому, что в корне изменились социально-политические условия борьбы с басмачеством, в первую голову в Фергане.

Первая и самая основная перемена выражается в хозяйственном возрождении этого края. Центральная советская власть, освободившись от борьбы на фронтах и вплотную подойдя к хозяйственному строительству, протянула руку помощи Туркестанской республике. Крупные ассигновки на помощь пострадавшему от голода населению на восстановление разрушенной ирригационной системы и, наконец, на ссуды по расширению посевной площади хлопка—все это дало свои результаты. Увеличение втрое площади посева хлопка—это самый крупный удар по Ферганскому басмачеству—обоснование этого положения читатель найдет в настоящем сборнике. Возможность возвращения к мирному труду под охраной сильных гарнизонов Красной Армии дала резкий перелом в настроении населения. Борьба с басмачеством в Фергане стала общей задачей Советской власти и кишлака, ибо басмачество предстало пред всеми, как единственное препятствие к мирному труду. Соответственно этому вырастает и роль туземной добровольческой милиции в военной борьбе с басмачами.

Что касается Бухары, которая до сих пор питала басмачество и Ферганы, то и здесь произошла существенная политическая перемена. Смена правительства Совета Назиров и привлечение к власти новых элементов обещают, на фоне побед Красной Армии, укрепление революционного порядка и повышение забот о нуждах населения. А это подкопается под басмачей весьма сильно.

Резко изменились и отношения между населением и Красной Армией. Сейчас мы имеем дело с регулярными воинскими частями, прошедшими серьезную политическую школу. Братские отношения с трудящимися—вот основной лозунг. И мы не слышим больше нареканий против Красных частей, кои встречались в прошлом.

Уроки прошлого не прошли даром. Туземное население давно уже участвует в непосредственном строительстве. XII С'езд Российской Коммунистической партии в своих резолюциях по национальному вопросу сделал дальнейшие шаги, которые не замедлили практически отозваться в Туркестане. Чтобы лучше и ярче подчеркнуть всю происшедшую, сравнительно с 1921 годом, перемену, мы дополняем Сборник некоторыми приложениями, характеризующими нынешний момент.

От массового басмачества, как результата слабости Советской власти и разрушенной гражданской войной экономической жизни, к строительству регулярных национальных частей на шестом году Советской власти, путь большой и чреватый вольными и невольными ошибками.

Опыт и ошибки многолетней борьбы с басмачами должны быть тщательно изучены, они имеют и будут еще иметь огромное значение в нашей революционной Восточной политике.

* * *

Редакция признает неполноту выпускаемого в свет материала. В воспоминаниях тов. Какурина басмачество в Бухаре недостаточно освещено с социально-политической стороны. Наоборот, собственно-военная борьба с Ферганским басмачеством мало нашла свое отражение в очерке тов. Зуева. Далее совсем уже не полна картина борьбы с басмачеством, отразившаяся лишь в некоторых отдельных документах в приложениях. Эти дефекты смогут быть восполнены лишь после тщательной проработки всех архивов штабов и если живые участники этих событий примут активное участие в этой работе.

I

Д. Д. Зуев.

ФЕРГАНСКОЕ БАСМАЧЕСТВО

(1918—1922 г.)

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Историко-географическая справка.

Фергана, бывшее ядро Кокандского ханства, составляет по образному выражению первого ее научного исследователя академика Миддендорфа „Провал среди мощных окружающих ее горных масс". Дно Ферганской котловины, бывшей заливом того доисторического моря, остатками которого ныне является Каспийское и Аральское моря, расположено над уровнем океана немного выше 1.000 футов.

Наибольшая ширина долины достигает 150, длина 250 верст, при чем она покрыта сплошным рядом кишлаков и окружающих их садов и полей, прерывающихся лишь участком песчаной пустыни длиной около 60 и шириной около 40 верст, залегающей по левому берегу Сыр-Дарьи и отделяющей Кокандский оазис от Маргеланского.

Почву долины составляет главным образом лесс, отличающийся необыкновенным плодородием, а окружающие долину горные хребты питают значительное количество рек и ручьев, обеспечивающих орошение.

Климат котловины теплый, вследствие защиты от северных ветров, допускает культуру суб-тропических растений.

Горы окружают Фергану могучим кольцом, оставляя лишь незначительный проход на западе, сквозь который прорываются воды Сыр-Дарьи около старинной крепости Махрам. Ширина прохода всего 10 верст. Горные хребты спускаются к долине рядом последовательных террас, обладающих умеренным климатом и покрытых прекрасными пастбищами. Самые хребты зачастую покрыты вечным снегом и проходимы только по небольшому числу перевалов и проходов, открывающихся летом и недоступных зимой.

При общей площади (без памиров) около 82.000 кв. верст, культурная площадь значительно меньше—что зависит от загроможденности горными отрогами и невозможности провести оросительные системы в предгорьях, так как горные потоки прорыли себе слишком глубокие ложа.

Географические условия: замкнутость, труднодоступность, климат и почва создали предпосылки для экономического развития долины. В ней раньше, чем в других областях Средней Азии, развилось и расцвело земледелие. Вместе с тем, накопляемые богатства служили приманкой

для последовательных волн кочевников, хотя Фергана и лежала в стороне от обычного пути новых орд. Поэтому отряды завоевателей, последовательно форсируя Махрамскую теснину, — обычно оседали в долине, прельщенные ее богатством, климатом и пастбищами. Прибавим еще, что на Фергану дважды распространялось влияние китайцев. Через Кашгар на Ош одно время шел мировой караванный торговый путь, соединявший Китай с Европой.

Отсюда понятна та этнографическая смесь, которую представляло население Ферганы к моменту завоевания царизмом.

Миддендорф в своем исследовании [1]) приводит список 8 народностей Индо-Европейской и 17 народностей Тюрко-Монгольской рас, которые при взаимном смешении составили население долины. Смешение это станет еще понятнее, если мы припомним обще-азиатский порядок истребления мужского населения завоеванной страны, с пленением детей и обращением в жены — молодых женщин и девушек.

Получившаяся от этого последовательного смешения масса народонаселения, из землеробов и горожан, ремесленников и торговцев, потерявшая свои основные племенные признаки, известна под наименованием сартов [2]).

Население Ферганы на 90% состоит из оседлых: сартов, таджиков, каракалпаков, русских и т. д. и только на 10% из кочевых: — киргиз, каракиргиз, кипчаков.

Городское население составляет очень значительный процент (до 25%). Кочевое население уменьшается в зависимости от увеличения хлопкового засева. В 1880 году кочевники составляли еще 20% населения.

Долина сплошь покрывается плантациями хлопка. Предгорья занимаются русскими поселками и осевшими кипчаками, культивирующими хлебные злаки, пасеки, сады. Кочевники оттесняются на средний пояс гор, ограниченная площадь которых приводит к постепенному вырождению скотоводства, так что Фергана начинает нуждаться в привозном мясе.

---

[1]) Миддендорф. Очерки Ферганской долины. Спб. 1882. Стр. 286.

[2]) Последнее время вокруг этого наименования возникла ожесточенная борьба и оно всюду заменено в официальном языке — наименованием „узбек". Этнографически это совершенный нонсенс. Узбеки, одна из последних завоевательных орд, — сохранили в значительной мере чистоту типа только там, где они осели и составили подавляющее большинство (Хива, Гиссарская долина — иначе Узбекистан, отчасти долина Зеравшана) или там, где они (в незначительной части) сохранили кочевой образ жизни. Негодование, возникшее против наименования „сарт" вскоре после Октябрьской Революции, об'ясняется тем, что оседлое население считает его обидным прозвищем, данным ему кочевниками-киргизами, от которых это наименование приняли русские з а в о е в а т е л и.

Известный ориентал ст академик профессор Бартольд (см. его „Историю Туркестана" — Туркгосиздат, 1922, стр. 47) говорит: слово „сарт" — индийского происхождения, первоначально употреблялось тюрками в смысле „купец", при монголах оно, сначала в форме „сартакай" и „сартаул" стало представлять вообще пред тавителей мусульманской культуры. Уже при узбеках по мере отуречивания туркестанских иранцев (оседлого населения), сартами стали называть оседлое население Туркестана, говорящее по-турецки (тюркски) в отличие от таджиков (т.-е. тех же оседлых аборигенов — прим. мое Д. З.), сохранивших иранский язык".

Мы нарочно приводим эти выдержки, чтобы не вызывать недоумения у читателя в будущем, так как будем всегда противополагать „узбеков", кочевников или полукочевников, — „сартам" оседлому городскому и сельскому населению, не смотря на ныне принятое, но глубоко не научное обыкновение — именовать всех оседлых — узбеками.

В городах, кроме сартов, осевших чистых узбеков (остатков ханской аристократии и бюрократии) живут: таджики, русские, персы, армяне (значительное число), бухарские евреи, индусы, цыгане.

Количество русских относительно не велико и не превышает вообще 2% всего населения. В городах русские составляют 25% населения.

Экономическая борьба между городом и кишлаком и кишлаком и аулом будет изложена ниже. От прежних времен население сохранило острую племенную вражду между киргизами и сартами и узбеками, на почве непрерывно ведшейся в начале и середине XIX столетия борьбы за власть между уже обосновавшимися в долине узбеками и сжившимися с ними сартами (имя собирательное) и вновь нахлынувшими киргизами. Кипчаки одно время (в 40 годах), составляя единственную организованную военную силу, захватили власть, низвергали и возводили кокандских ханов и грабили всех и вся. Восстание в 1853 году против власти этих азиатских преторианцев уничтожило до 20.000 кипчаков и вырвало у них гегемонию, после чего они были оттеснены в восточные предгорья, где и составили полузависимое от Коканда владение, оказавшее русским наиболее упорное сопротивление.

Борьба за власть—была в сущности борьбой за владение орошенной землей, при чем кочевники в этот раз не одержали победы над оседлым населением, уже вооруженным огнестрельным оружием. Кипчакские роды понемногу осели в предгорьях (первой террасе), распахав там землю. Каракиргизы же, сохранив кочевой образ жизни, поднялись еще выше в горы—не оставляя старой привычки налетами на оседлые кишлаки добывать необходимые им предметы обихода и продовольствия.

Мы особенно подчеркиваем сохранившуюся племенную вражду, так как она и вообще невыродившийся еще обычай родовой мести и непрерывных родовых ссор сыграли громадную роль в вопросе об'единения басмаческих отрядов и постоянных переходов того или иного курбаши на сторону советской власти, переходов, иногда совершенно необ'яснимых без этой предпосылки—племенной вражды.

Чтобы уяснить себе картину социально-политической борьбы в Фергане, надо не забывать, что за 50 лет сохранилось еще много остатков феодальных отношений времен Кокандского ханства.

Кокандское ханство представляло собой государство теократически-феодального типа, с беспредельным господством абсолютной деспотии.

В период кокандского ханства и до самого его падения (в 1876 г.) в Фергане сохранялись все признаки рабского строя.

Ханство было разделено на бекства, на районы, правителями которых были амины и, наконец, сельские общества с аксакалами (белобородыми стариками) во главе.

Аул кочевников жил всецело родовым бытом. Власть старших родовичей, хотя несколько ограниченная адатом (обычным правом), была все же почти беспредельна.

Оседлое же население городов и кишлаков находилось в состоянии полного бесправия, ибо шариат передавал и дела совести и судебную юрисдикцию в руки духовенства и ученых—улемов, всецело поддерживавших ханскую власть, которая предоставляла им широкие возможности эксплоатации „пасомых“ и „наставляемых“.

Верхи—феодальная аристократия—угнетали народ без малейшего удержу—лишь бы своевременно с бекства были собраны назначенные ханом подати и в придачу им соответствующая взятка.

Суд—дорогой и продажный—был доступен только богатым, а бесконечные толкования корана и шариата позволяли ученым судьям (кази) решать дела в пользу богатого просителя.

В заключение отметим еще одно обстоятельство, имеющее большое значение для понимания военной борьбы. Густая населенность и чрезвычайная пересеченность местности (арыки, топкие рисовые поля, постройки, древесные насаждения, дно долины и труднодоступные перевалы, ведущие к уединенным долинам, как предгорий, так и главных хребтов) при отсутствии хороших дорог—создают исключительно благоприятные условия для ведения малой войны активным противником, пользующимся сочувствием и поддержкой населения и привычным к действиям в конном строю.

ГЛАВА II.

Период царского управления.

Завоевание Кокандского ханства в 1876 году явилось логическим завершением русской царистско-буржуазной экспансии в Среднюю Азию. Не останавливаясь на перипетиях этого завоевания, отметим, что царские войска встретили в Фергане упорное сопротивление. Несмотря на разгром ханских полчищ у кр. Махрам, отдельные предводители, как Пулат-хан, племена, как кипчаки, и города—Андижан и Наманган—продолжали борьбу и вызвали ряд добавочных походов под руководством генерала Скобелева.

Превосходство русской военной организации и лучшее вооружение с одной стороны, племенная рознь, забитость народной массы, еще не создавшей своей государственности, взаимные ссоры главарей и заигрывание с могущественным духовенством обеспечили победу и покорность населения. Умиротворение области (беспорядки были очевидно невыгодны для русских капиталистов) и некоторое смягчение произвола чиновников сравнительно с системой ханского управления дали толчек развитию торговли, что примирило известную часть городских и ремесленных кругов с властью завоевателей, так как дало значительно большие барыши.

Сельское население несло меньше налоговых повинностей и тоже отдохнуло и поправилось.

В первый момент после завоевания гражданская администрация отсутствовала. Была введена система упрощенного военного управления, в уезды были назначены лучшие офицеры, знающие местный язык. Население, видя в них сосредоточенной всю полноту власти, привычное и к патриархальным отношениям и к абсолютной власти беков, неграмотное и потому не привыкшее к письменности, первое время с полным доверием отнеслось к новым властям.

Но „идиллия“ длилась недолго. С 1887 года, Петербург счел край окончательно умиротворенным и заменил упрощенное и понятное управление сложной бюрократической чиновничьей системой. Понаехавшие на „вакантные“ места чиновники, совершенно не знающие ни языка, ни местных условий, были вынуждены обратиться к переводчикам. Одновременно, вместо назначения, принята система выборов низшей туземной администрации. В связи с письменным судопроизводством роль переводчиков возросла. Выборы волостных управителей стоили дорого.

Суммы, затраченные на выборы, взыскивались впоследствии с лихвой. Вся система русского управления от народных масс была закрыта стеной жадных обирал, побуждаемых и указаниями свыше, куда перепадали самые лакомые куски. Отсюда—понятна ненависть населения и его презрение к властям, сказавшееся во время избиения 1916 года.

С другой стороны прежнее экономическое равновесие области было в корне нарушено развитием хлопковой промышленности. Лишившееся влияния духовенство и многочисленные ханские чиновники без заработка усиленно разжигали недовольство.

В области постоянно происходили попытки к возмущению, вызываемые преимущественно фанатической проповедью духовных руководителей—ишанов. Наиболее значительной вспышкой было восстание Ишана Мадали в 1898 г. с нападением на воинский лагерь у г. Андижана. Андижанское восстание сильно встревожило царское правительство, убаюканное восточной лестью официальных туземных кругов и мнившее, что Туркестан всецело подчинился русскому влиянию.

Мы считаем весьма полезным привести выдержки из докладов уездных начальников области, которые они представили генерал-губернатору во исполнение приказа из Петербурга—„всемерно выяснить причины восстания".

Из доклада начальника Кокандского уезда.

„....Все население в смысле политической благонадежности возможно разделить на три группы:

1) Недовольные русской властью и русским правительством—группа, как полагаю, немногочисленная. К ней принадлежит духовенство, между ними ишаны с многочисленными при них мюридами, затем ученые, воспитанные в духе мусульманства, и фанатики.

2) Сознательно довольная русской властью и правительством группа почти равная первой. К этой группе принадлежат: все почти торговцы, вполне освоившиеся с нравами и обычаями русских, особенно побывавшие в России, все почти состоятельные классы (!!), не зараженные фанатизмом, все почти лица, состоящие на службе у русских и, наконец, большинство городского населения (??).

3) Не имеющие причин быть недовольными русскими, но и не утратившие мысли о самостоятельности,—группа самая, по моему мнению, многочисленная, к которой принадлежит вся масса кишлачного населения, часть городского, и на сторону которого становятся все безразлично относящиеся к мысли о самостоятельности и готовые принять чужеземное правительство, лишь бы оно было мусульманское.

Духовенство и ученые, принадлежащие к первой группе, недовольны своим настоящим положением, так как влияние их на массу с каждым годом падает все более и более; с этим падает и имущественное положение, разные вакуфные доходы отнимаются из их безотчетного распоряжения и подвергаются правительственному контролю, разные кази, власть коих в былые времена была только в зависимости

от ханов, усматривают для себя стеснения от русского правительства в их сменяемости и в возможности отмены их решений, в ограничении пределов их подсудности, равно и в ограничении доходов. Наконец, баи, наживавшиеся эксплоатацией народной массы, видят стеснение к беспощадному обиранию этой массы во вмешательстве администрации и русского суда в их темные делишки... Первая группа ведет агитацию в третьей"...

В противовес русской администрации, где власть уездного начальника постоянно дискредитируется судебными органами, ведущими ведомственную борьбу за главенство, как бы в противоположность этому в глазах народа высоко держит свое знамя мусульманское духовенство и ученые. Первое ни от кого не зависит. Оно никем не назначается и никем не сменяется. Ишаны, имамы, муллы, ходжи, бродячие святые и всякий сброд не только по домам, но и в мечетях, в медресах и других молитвенных, ученых и учебных заведениях могут беспрепятственно проповедывать, что им заблагорассудится... Таким образом перед народной массой стоят, с одной стороны, почти ни от кого фактически независимое духовенство, имеющее на нее нравственное влияние и народный суд, почти независимый от администрации, а с другой стороны—туземная администрация, бессильная и по своей зависимости от той же народной массы и от представителей русской власти". (Доклад начальника Кокандского уезда 31 мая 1898 г. № 42).

Из доклада начальника Маргеланского уезда.

„Со времени занятия Сыр-Дарьинской и Самаркандской области там никогда у местного туземного населения не бывало попыток к провозглашению „газавата", тогда как в Фергане это есть часто повторяющееся явление. В Ферганской области, можно сказать, постоянно чувствуется брожение идеи—газавата. Не считая дел, захваченных в своем первоначальном зародыше, они открыто выражались: в 1878 году дело Джетым-хана, во главе с Маматом, повешенным за это в Андижане; в 1882 году был об'явлен „газават" с ханом во главе и виновные по этому делу были повешены в Маргелане и Андижане; в 1885 году было заметное движение в Маргеланском и Андижанском уездах, созданное Дервиш-ханом. В 1893 году попытку сделал Сабыр-хан из Кокандского уезда, тоже собравший около себя шайку и развернувший зеленое знамя. Наконец последняя попытка Мадали. При одинаковых условиях жизни этих трех областей естественный вопрос: в чем причины такой особенности Ферганы? Об'яснить это одним фанатизмом нельзя, так как фанатизмом заражены одинаково мусульмане всех трех областей.

Народное волнение само по себе не страшно с какой бы силой оно ни проявилось, но страшна для нас возможность пассивного протеста населения, когда оно, заявляя нам свою покорность, не будет в одинаковой с нами мере заботиться о спокойном состоянии края.

Укажу на факт: в 1896 году в Алты-Арыкской волости приютилось человек шесть разбойников и мы никак не могли их поймать. Разбойники эти пользовались спокойствием до тех пор, пока главному из

них не вздумалось потребовать в жены дочь одного влиятельного лица, после чего население само стало ловить разбойников"... „Как ни мало у нас исторических сведений о политической жизни Ферганы, тем не менее, положительно известно, что она была ареной междоусобий тесно сплотившихся здесь на небольшой культурной площади разных народностей. Дух произвола еще не выродился в Фергане и, главным образом, на левой ее стороне, где он старательно поддерживался сосредоточившимся в Фергане ханским служилым людом. По мере занятия нами провинций быв. Кокандского ханства, сподвижники хана, теряя свое служебное положение, переселялись в Фергану; здесь и сейчас чуть не в каждом кишлаке живут бывшие токсаба, пансаты, юзбаши". (Доклад Маргеланского уездн. начальника 15 июня 1898 г.).

Из доклада начальника Наманганского уезда.

„Не буду настаивать на неумиротворенности Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей, зато твердо убежден, что Ферганская область находится еще в состоянии сильного брожения, и в этом нет ничего удивительного, так как территория последней области присоединена позднее других и население ее состоит из сброда (!!) массы народностей, в виде узбеков, таджиков, киргиз, тюрков, кашгарцев, каракалпаков, кипчаков, калмыков, татар и евреев, в числе коего значительный контингент пролетариата [1]), образовавшегося из бывших сипаев [2]), пользующегося всяким удобным случаем пограбить и этим путем добывать хоть кое-какие средства к существованию". (Записка Андижанского уездного начальника, 1898 г.).

„Население Ферганы за последнее столетие ханского владычества не имея твердой государственной организации и сильной власти, постоянно переживало смутное время борьбы партий, которые, низвергая одного хана и поднимая на белой кошме другого, всякий раз пользовались недовольными лицами, которым нечего терять, и при том наименее уловимых, и неуязвимым в горах кочевым населением, всегда готовым безнаказанно пограбить оседлых, а затем уйти с добычей, даже и при неуспехе восстания, в трудно доступные горы". (Записка Наманганского уездного начальника 30 июня 1898 г. № 6340).

В докладе военного прокурора Т. В.-Окр. суда (август 1898 г.), мы находим еще следующие указания:

„Идея нарушения общего государственного порядка и спокойствия туземному населению повидимому совершенно чужда, так так неразрывной частью целого, что составляет русское государство, оно себя еще не признает...

...Наконец, к восстанию пристал всякий сброд (!!): поденщики (мардекеры), мелкие торговцы, нищие, диваны, нашакуры (курильщики анаши), кумарбасы (игроки в азартные игры), вообще бродячий люд, не имеющий определенных занятий и местожительства,

---

[1]) Лумпен-пролетариата, деклассированного элемента (прим. автора).
[2]) Сарбазов, солдат.

терять которому нечего"... „Если бы масса населения не сочувствовала заговору и считала бы себя материально заинтересованной и нравственно обязанной предупредить о нем русское начальство, то конечно это было бы сделано тотчас же, как стали ходить слухи о заговоре".

При всех оттенках в оценке общего положения разными начальниками уездов можно установить целый ряд общих весьма ценных признаний. Власть чувствует себя совершенно чуждой местному населению. Она—власть оккупационная. Рядом мероприятий она связалась с богатой частью населения, привлекши ее даже к управлению. Народная масса ощущает на себе новый, добавочный гнет и свободно используется недовольными элементами из среды высшего духовенства для выступлений против новой власти. Сколько вместе с тем глубокого презрения к этому „сброду" и „пролетариату" со стороны царских чиновников!

Таковы были внутренние взаимоотношения между победителями и побежденными после 23-летнего управления. Проследим, что же улучшилось за период с 1898 г. по 1916 г., когда Туркестан был потрясен кровавым восстанием, вызванным неосторожным и неподготовленным массовым призывом рабочих в действующую армию.

Когда завоеватели немного осмотрелись в новых землях, они поразились богатству Ферганской долины. Плеяда первых исследователей поет гимны новому приобретению. Наиболее серьезный исследователь Ферганы, Миддендорф дает следующие картины.

„В пределах бесконечно обширной области, занимаемой желтозёмом (лёсс)—Ферганская долина представляет щедро благословенный уголок прекрасной божьей земли.

Южное солнце, несмотря на то, что действие его подкрепляется ясным небом, вполне пропускающим его лучи и потому дающим возможность им вполне проявить свое действие—было бы бессильно произвести эти чудеса, несмотря на желтозём, если бы географическое положение этой замкнутой долины не придавало созиданиям земледелия непреоборимой прочности также и в политическом отношении...

Подошва долины, несмотря на ее положение в средине континента, оказывается однако настолько углубленной, настолько возвышающейся над уровнем моря, что Ферганская долина, расположенная на широте южной Италии, концентрирует, вследствие чрезвычайного континентального положения, солнечные лучи почти до степени тропического зноя и потому, несмотря на холодную зиму, пригодна к возделыванию даже подтропических растений"...

Далее он приводит сохранившиеся описания восточных исследователей, ярко передающих свое очарование.

„Не видишь деревни прежде чем войдешь в нее; ее заслоняют деревья; это прелестнейшая страна, богатая деревьями, изобилующая реками, оглашенная пением птиц. Она словно плащ из зеленой парчи, с вышитыми голубыми лентами проточной воды"... „Фазаны здесь до того жирны, что, по пословице, одним фазаном могут наесться четыре человека"... „Жители Андижана славятся своей красотой, близ Ош воздух восхитителен, проточная вода в изобилии, весна очаровательна. Прелести

Оша уже превозносятся в священных преданиях. По обеим сторонам реки лежат обильно орошенные сады, в которых весной цветут прекраснейшие фиалки, великолепнейшие розы и наикрасивейшие гиацинты" (стр. 11, 12, 13 выдержки из арабского географа Могадесси и султана Бабера, уроженца Ферганы).

Вскоре Фергана была оценена по существу—в качестве хлопкового царства, могущего сыграть громадную роль для метрополии.

Чтобы не задерживать подробностями—обратимся к статистике и проанализируем таблицы, составленные на основании трудов областной статистической комиссии и Ц. С. У. Туркреспублики.

Население (в тысячах).

	1880 г.	1900 г.	1911 г.	1915 г.	1920 г.
Городское . . .	133	302	409	—	401
Сельское . . .	475	1248	1717	—	1210
Кочевое	124	120 (24 т. к.)	75 (15 т. к. [1])	—	55 (11 т. к. [1])
Всего . .	732	1670	2126	2212	1611 потеря 25%

Бросается в глаза рост городского населения, увеличившегося более, чем в три раза, тогда как общее количество прочего населения увеличилось только в 2 5/6 раза, при чем большинство городов восточной Ферганы остались по количеству населения почти неизменными, все же увеличение произошло преимущественно за счет развития Коканда, ставшего центром, хлопковой, промышленной, а, следовательно, и экономической столицей Ферганы.

Заметно также резкое падение числа кочевников, причем последние данные 1911 года даже не дают цифры и она высчитана путем выяснения количества покибиточного сбора. Это падение чрезвычайно характерно, т. к. именно за период 1900—1911 года в кочевые районы проникла волна русского колонизаторства.

Рост русских поселков виден из следующих данных: в 1893 году основано первое поселение—село Покровское, в Ошском уезде. В 1900 г. поселков 5 с 2800 человек. 10 июня 1903 года изданы: „правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей. 1905—1906 годы дали волну самовольнического переселения, усилившуюся к 1907 году—как результат неудачи первой Российской революции и малоземелья в центральной России. В 1911 году поселков 19 с 10.000 населения; в 1915 году—их уже 50. Наконец после восстания 1916 года и его усмирения—прошла вторая самовольническая волна и к 1921 г. в Фергане было до 80 поселков.

[1]) В том числе кочевников, примерно вычислена по суммам покибиточного налога.

Колонизация захватила преимущественно восточные уезды (Наманганский, Андижанский, Ошский), т. к. климат предгорий наиболее подходит для выходцев из России и они совершенно не приспособлены к культуре хлопка и риса (дно долины—западные и центральные уезды). Поэтому волна переселенцев обрушилась не на территорию оседлого,—а на территорию кочевого населения; киргизы лишаясь пастбищ—были вынуждены также оседать на землю, т. к. для скотоводства не хватало угодий.

Кроме появления случайного русского элемента, происходило также и наступление сартовского кишлака на киргизский и узбекский аул, в поисках земли, пригодной для культуры хлопка. Откидывая национальные признаки, играющие второстепенную роль—можно указать, что борьба города, кишлака и кочевника—кончилась победой оседлой части населения. Эта победа в себе таит и ряд поражений, из которых наиболее существенные следующие:

1) уменьшение скотоводческого района и ослабление кочевников ведет к уменьшению запасов мяса в области, а т. к. хлопковая культура, убивая другие, привела к необходимости ввоза хлеба, то оседание кочевников привело параллельно и к необходимости ввоза скота. Процесс этот назревал уже давно; в 1858 году из Ферганы вывезено скота больше, чем в 1867 г. Общее число голов скота в Фергане исчислено в 1885 г.—1506 тысяч, в 1900—2157 тысяч, в 1911 г.—падает до 1885 тысяч, в 1917 г.—1590 тысяч, а к 1922 г. считается всего 775 тысяч, т.-е. 49% дореволюционного количества.

2) Уменьшение кочевого населения ведет к уменьшению торговли мелких базаров и сокращению кустарной промышленности, т. к. кочевник (киргиз) является главным покупателем у оседлого населения.

Это в свою очередь ведет к постепенному замиранию самостоятельной торговли кишлака и к его подчинению городу и постепенному наростанию торгового капитала в руках городской торговой олигархии. В связи с развитием хлопководства, этот процесс привел к зарождению крупной торговой буржуазии, имевшей своим средоточием г. Коканд.

Состояние сельского хозяйства видно из сопоставления следующих данных: основных хлебных злаков (пшеница, рис, просо, ячмень, джугара) засеяно 6 тысяч пудов, в 1900 г., а в 1911 г.—только 1529. Нехватка своего хлеба составляла в 1900 году до 2.500.000 пуд. в особо неурожайный 1911 год ввезено хлебных грузов до 17 миллионов пуд., нормальная же нехватка определяется в 8.000.000 пудов.

Хлопковой горячке приносятся в жертву даже долголетние и высокие виноградные культуры и с 7315 десятин 1900 года площадь виноградников падает до 6339 дес. в 1911 г.

Хлопок уменьшил также количество клеверников, что в свою очередь поставило рабочий скот в зависимость от подвоза, воинские же части старой армии сено получали исключительно из Европейской России, так как оно с привозом обходилось дешевле, чем при заготовке на месте.

Общее состояние Ферганы, как театра военных действий очерчено в труде генерального штаба полковника князя Стокасимова (1912 г.) следующим образом.

1) „Фергана весьма богата естественными произведениями, но не пищевыми продуктами, в которых чувствуется значительный недостаток, пополняемый извне. В случае военных действий и усиленной работы же-

лезных дорог для надобностей войск—подвоз в край если не прекратится вовсе, то во всяком случае сильно уменьшится и население будет поставлено в весьма трудные, если не сказать критические, условия.

2) Скотоводство не настолько развито, чтобы выдержать усиленную поставку мяса войскам.

3) Запасы фуража крайне скудны, чему доказательством служит то обстоятельство, что даже теперь части войск находят более удобным и верным производить покупки и заготовки в Европейской России".

Общий вывод труда, что Фергана базой служить не может.

Мы подробно остановились на этом вопросе, т. к. необходимо решительно подчеркнуть, что всем укладом русской политики Фергана превращена в хлопковую плантацию, потеряв всякое иное значение. Хлопководство явилось организующим началом всех производственных и иных общественных отношений, вызвав рост байства и образование туземной буржуазии. Сельскому хозяйству, не связанному с хлопком, и скотоводству—развитие хлопковой промышленности нанесло сильнейший удар и повело к их постепенному вырождению. Рассмотрим его влияние на другие отрасли народной жизни.

В 1867 г. в Россию (по данным Костенко „Туркестан" том III): ввезено хлопка 3.084.000 п., из коих из Америки 2.536.000 пуд. и из Средней Азии 548.000 п. (82,24% и 17,76%), причем к 1880 году он определяет возможность вывоза из Средней Азии 3.000.000 п., из коих на Бухару и Хиву приходится $2^1/_2$ миллиона пуд., а на Фергану менее 500.000 п.

Начало развития хлопководства в Фергане относится к 1888 году; дальнейший рост виден из таблицы.

	1891 г.	1900 г.	1911 г.	1917 г.	1918 г.	1920 г.
Засеяно десятин в тысячах . .	66	186	345	348 (из 596 культурн. земель)	51	21,8

Параллельно увеличивается и вывоз, достигший в 1916 г. 13 миллион. пудов, что составило около половины всей российской потребности и, соответственно, год за годом уменьшало зависимость нашей текстильной промышленности от Америки.

Увеличение площади с целью вывоза в Россию, куда шел только хлопок американских пород, привело к росту площади засева исключительно таковых. Клин же, засеянный хлопком местной породы для кустарного производства маты и домашнего сбыта не изменился за 20-ти летний период, против 12.000 десятин в 1890 году было 13.000 дес., в 1911 году и та же почти цифра отмечена и для 1922 года.

Одновременно с разрастанием посевов—шло развитие хлопкоочистительной промышленности и производных от нее—мыловаренной, маслобойной. Заводы растут, как грибы: в 1890 г. их 40, 1900—93, 1911—160, 1917—279 [1]).

[1]) На 1 января 1921 г. по спискам числилось: действующих—5, бездействующих—22, закрытых—48, сожженных—50, всего 125 зав.,—сведения явно неполные.

В 1911 году по Фергане значилось: промышленных заведений кустарного типа—3892 при 29.563 рабочих, фабрично-заводского типа 250 при 18.309 рабочих; горных предприятий 14 угольных, 8 нефтяных при 1.392 рабочих.

Развитие торговли (и в большинстве случаев мелкой) определяется числом выбранных свидетельств: 1890—15.118, 1900—30.446, 1911—34.341 (из них 4-го разряда—22.187).

Необходимо твердо запомнить цифры (около 4.000) мелких хозяев предприятий кустарного типа (1—2—3 рабочих) и мелких торговцев (свыше 25.000 чел.), т. к. именно они сыграют большую роль в поддержке басмаческого движения в период проведения политики полного запрещения частной торговли.

Все усилившееся развитие хлопководства быстро дифференцирует, расслаивает население. Взамен ханских чиновников и влиятельного духовенства роль начинают играть люди, создавшие себе состояние на хлопке.

Московские фирмы, требующие сырья, имеют своих представителей—русских, не знающих в большинстве ни языка, ни местных условий. Они создают промежуточный класс посредников, баев, быстро идущих в гору. В несколько десятилетий вырастает, как из под земли, крупная туземная буржуазия, правда еще не пытающаяся конкурировать с Москвой, но уже становящаяся в непосредственные с ней отношения. Баи—посредники—имеют своих агентов—скупщиков, проникающих до глубины кишлаков. Кроме скупщиков, для дехканина больным вопросом является транспорт—доставка своего урожая, и это вызывает к жизни еще один вид промежуточных эксплоататоров—арбакешей.

Культура хлопка чрезвычайно сложна и требует значительного количества рабочих рук; не имея таковых в своей семье и увлеченный сказочной прибылью (урожай хлопка при реализации давал в три раза больше дохода, чем хлеб с той же площади), землероб нанимал рабочих-поденных, мардикеров. Примерно одна десятина хлопка требует наличия одного—двух годовых или сезонных рабочих, а в некоторые периоды (окучивание, поливка, особенно сбор)—до 10 человек на десятину, при чем работа их продолжается один, два, три дня (всего до 150 рабочих дней). Увлекаясь прибылью от хлопка, крестьянин весь свой участок засеивает им, почему нуждается в других продуктах. Оплата мардикеров и расход на пропитание приводит его к займу. Здесь начинается роковое колесо. Скупщики и посредники баи—охотно дают авансы „под урожай", причем отсутствие или незначительность операций местных учреждений мелкого кредита приводит к полному закабалению даже среднего крестьянства. Неплатеж и взыскание приобретают хронический характер (в 1914—15 году пред'явлено ко взысканию на 16.000.000 р.—сумма громадная) и приводят в конечном счете к продаже за долги мелких участков. Постепенно собираемые в руках баев земельные угодья эксплоатируются путем сдачи исполу, в аренду, так называемым чарикерам, не имеющим уже своей земли и всецело находящимся в зависимости от бая.

Социальные изменения, вызванные развитием хлопковой горячки, отмечены еще в докладе генерал-губернатора Куропаткина о восстании

1916 года (доклад датирован февралем 1917 года и не был отправлен в виду революции).

„Проявление беспорядков было направлено против полиции и туземной администрации и имело целью тем или иным образом воспрепятствовать составлению списков рабочих.

В области убит 1 русский стражник, 11 лиц туземной администрации, сартов убито 12, ранено 60".

„. . .Главнейшие из этих причин, (кои в течение последних 30 лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп населения Туркестана) следующие:

У оседлого населения трех коренных областей Туркестана развитие хлопкового хозяйства, особенно в Фергане, вызвало прилив в край огромных денежных сумм. Образовалась небольшая группа очень богатых туземцев на ряду с обеднением мелких землевладельцев. Быстро развивавшееся в хлопковом деле машинное капиталистическое хозяйство сделало кустарный труд мелких земельных участков мало производительным.

Явилась задолженность и потеря этих участков. Происходит скупка земель богатыми туземцами, в том числе и туземными евреями, увеличивая число безземельных. Быстрый рост учреждений мелкого кредита [1]) позволяет надеяться, что этот вредный в государственном отношении процесс обращения в пролетариев еще недавно спокойной и работающей части населения приостановится. Насколько велика задолженность населения видно из того, что только в Ферганской области за 1914 и 1915 г. пред'явлено было ко взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 миллионов рублей. За долги у туземцев продавалось во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь.

Волостные старшины и судьи (кази) стали во многих случаях на сторону богачей и решали дела в их пользу с явным пристрастием. Обедневшая масса населения в значительной степени стала недовольной своими туземными властями и судьями и при возникших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей.

Обилие денег у части населения сопровождалось падением нравственности, особенно у туземной молодежи. Кутежи, пьянство, разврат и азартная карточная игра возмущали туземное духовенство и стариков и вызывали у них недовольство русским управлением, допустившим такое падение нравственности".

Прежде чем свести воедино все изменения, происшедшие со времени завоевания края, следует еще отметить усилившуюся преступность и падение нравственности среди молодого поколения, что всецело об'ясняется пьянством, занесенным сюда оккупантами.

Вот что говорится в официальном издании Ферганского Областного Статистического Комитета: „В 1909 году впервые были открыты в сельских местностях два оптовых винных склада, в 1911 году их было уже 148. Пьянство начало распространяться среди туземцев с угрожающей быстротой, а вместе с тем появилось и шинкарство, водку стали продавать даже во многих туземных чайханэ".

Параллельно пьянству развивается и преступность.

---

[1]) Утверждены только в 1907 году.

Осуждено:

	1890 г.	1900 г.	1911 г.
Окружным судом	88	123	294
Мировым судом	415	564	1974
Народным судом	917	1253	1493
Итого	1420	1940	3761

Особенно сильно поднялась волна преступности в 1911 г., когда было учинено: 245 грабежей, 216 убийств, 300 краж; важно отметить, что этот год был годом неурожая хлопка, зимой стужи и падежа скота и сильнейшего (на 50, даже и 100%) вздорожания хлеба.

Восстание 1916 года, хотя и захватило Ферганскую область не столь значительно, как Семиречье и Самарканд, но все же оставило свое тяжелое наследство. Фергана могла легче, чем другие области, выделить нужных царизму военных рабочих, т. к. она страдала постоянно избытком рабочих рук и к тому же совершенно не имеющих своей собственности и хозяйства, для которых наряд не представлял того ужаса, как для самаркандца или семиреченского киргиза.

В результате волнений взаимоотношения между русскими поселками и коренными жителями обострились до крайности. Весь русский элемент области был напоен ненавистью к „халатникам“ и „орде“ за их „бунт“. Жестокая расправа и экзекуции войсковых частей казались недостаточными; пример семиреченских крестьян и казаков, самовольно захватывавших киргизские земли, поголовное выселение киргиз из Пржевальского района и образование из них горного Нарынского уезда дразнили аппетиты ферганских колонистов.

Неустойчивое равновесие, так метко охарактеризованное еще в 1898 году начальником Кокандского уезда (см. стр. 16) было нарушено.

К моменту революционных потрясений Фергана представляла собой запутаннейший клубок противоречивых интересов. Подчеркиваем еще раз главнейшие из них:

1) Полное господство хлопка и связанная с этим полная зависимость области от привозного хлеба; начинает сказываться все растущая разруха транспорта.

2) Обезземеливание мелкого крестьянства, увеличение кадра поденных рабочих (мардекеров), арендаторов (чарикеров).

3) Образование крупной туземной буржуазии, всецело связанной с Российским капиталом.

4) Обострение отношений между оседлым сельским и кочевым населением.

5) Обострение отношений между кишлаком и городом: мелкий торговец и базар кишлака терял своих главных покупщиков кочевников,

вследствие их ослабления, и потому был вынужден стать поставщиком города, где усилившийся торговый капитал его эксплоатировал.

6) Резкое обострение взаимоотношений коренного населения и русских, которых население целиком относило к оккупантам.

7) Растущая уверенность в слабости Российского государственного организма (призыв военно-рабочих, агитация турецких агентов и германских военнопленных).

8) Усиление преступности, в частности грабежей, принявших организованный характер, образование спаянных шаек „басмачей“, разбойников, пользующихся поддержкой озлобленного против города и русских населения.

На эту вулканическую почву упали громы Февральской и вскоре Октябрьской революции.

ГЛАВА III.

Начало басмачества.

Престиж царской России, сильно пошатнувшийся под ударами Японской войны (победа азиатов над европейцами) был окончательно поколеблен к концу мировой войны и призыв военно-рабочих преломился в умах населения, как признак окончательного ослабления метрополии. Свою роль сыграли панисламистские турецкие и афганские эмиссары и германские военнопленные. Поэтому одновременно с известием о падении царской власти в Туркестане сильно развились центробежные силы, всегда сопутствующие Революции.

Здесь мы вынуждены покинуть Фергану и обратиться к Ташкенту, так как Фергана вскоре стала ареной, на которой разыгрывается пьеса, написанная и срепетированная в Ташкенте.

Комитет Временного Правительства, заменивший генерал-губернатора Куропаткина (к слову сказать, сумевшего остановить вакханалию усмирения 1916 года и связаться с имущей частью туземного населения), играл жалкую роль. Никто ему не подчинялся, а между тем политическая борьба разгоралась все сильней и сильней. Солдатские и рабочие массы революционизировались с каждым днем. Влияние большевиков и их политических союзников и одновременно конкурентов—левых с.-р. все росло и привело к попытке „передать всю власть Советам", имевшей место в середине (11—26-ое) сентября 1917 года. Здесь Ташсовет, возглавивший революционное движение, столкнулся не столько с жалким представителем Временного Правительства, бесславно кончившим свою научную деятельность гражд. Наливкиным, сколько сорганизовавшимися контр-революционными силами и соглашательским Краевым Советом С. и Р. Депутатов.

Реакционная городская дума и городская управа, где большинство принадлежало консервативным туземным партиям духовенства и буржуазии „Улема", и „Шуро-Исламия"—всецело соединились с противо-большевистскими силами. Сентябрьское выступление оказалось преждевременным. Столица была приведена к покорности присланным от Керенского генералом Коровиченко.

Краевой Совет, признав, что атмосфера в Ташкенте препятствует спокойной работе, „переезжает" в Скобелев, один из хлопковых центров, расположенный между Андижаном и Кокандом, место сосредото-

чения интернационального (русского, туземного, иностранного) капитала и крупной туркестанской буржуазии.

Октябрьский переворот передал всю полноту власти в руки Ташкентского Совета, но победа была не полна; правда, Ташкент стал советским, но еще далеко не весь Туркестан подчинился диктатуре пролетариата.

Контр-революционные силы искали опоры в различных слоях. В Семиречьи они опирались на местное казачество. В Самарканде они пытались использовать то же казачество, возвращавшееся из Персидского похода домой. В Закаспии соглашательские партии, базируясь на Кавказ и приняв внешне завоевания Октября, готовили почву, на которой через полгода выросла Асхабадская реакция. Наконец, в Фергане они оперлись на круги соглашательского Краевого Совета и с его помощью созвали Чрезвычайный Всетуркестанский мусульманский с'езд в Коканде.

С'езд этот в громадном большинстве своем выражал волю туземной буржуазии. В последней ярче всего к тому времени господствовала идея спасти свое достояние от социальной экспроприации, а на этой почве окрепло стремление к автономии, к отделению от большевистской России. Действительно, первым своим постановлением с'езд 1-го декабря 1917 года декретировал автономию. Кроме того, с'езд постановил войти в Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (Сафаров, стр. 72).

Акт об автономии оказал громадное влияние на все последующие; он является тем корнем, от которого проистекли все дальнейшие события. Автономия стала лозунгом, об'единившим чисто разбойничьи проявления первых басмаческих шаек, идея автономии возглавила разросшееся широкое движение, одно время приобревшее в полной мере значение народного.

Народившаяся на баррикадах молодая Советская власть не имела под собой почти никакой опоры; промышленности, кроме хлопковой, в крае не было; солдаты старой армии, уроженцы Сибири и Центральной России, жили одной мыслью: вернуться возможно скорей домой. Оставался только железнодорожный пролетариат. В его послужном списке значились значительные революционные заслуги в период 1-й революции. Велики заслуги железнодорожников и в гражданской войне в Туркестане, которую они значительным образом вынесли на своих плечах. Но вся эта база Советской власти была чисто-русской. А колонизаторская политика старого правительства ставила каждого русского, хотя бы последнего поденщика в привилегированное положение. Он—„тюря", господин для массы презираемых им сартов или „киргизни". Это наследство заразило не только железнодорожную, вообще более привилегированную рабочую массу, но и широкие революционные круги.

1-й Совнарком (из 7 большевиков и 8 левых с.-р.) был выбран при следующем лозунге: „Включение в настоящий момент мусульман в органы Высшей Краевой Революционной власти является неприемлемым, как в виду полной неопределенности отношения туземного населения к власти ССР и КД, так и в виду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций, представительство которых в органе Высшей Краевой власти фракция [1]) приветствовала бы". (Сафаров, стр. 70).

[1]) Резолюция об'единенной фракции большевиков и максималистов 3-го с'езда Советов.

Сознавая всю необходимость сохранения хлопкового района за РСФСР, особенно в условиях ее полной блокады, вожди Туркестанской республики боялись широкого движения мусульманских масс под руководством туземной буржуазии, так как знали, что мусульманская буржуазия, имеющая через духовенство почти неограниченное влияние на эту массу, не остановится ни перед чем, для сохранения за собой накопленных богатств.

Поэтому, с первых же дней проявив выдающуюся энергию в борьбе против надвигавшейся со всех сторон контр-революцией русской, выказав выдающиеся организаторские способности в борьбе на кольцевом фронте гражданской войны, без военной промышленности, без денег, без хлеба, пережив такое потрясение, как Осиповское восстание, сломив своих самых опасных и страшных врагов—Дутова и асхабадцев,—вожди Туркестанской революции неправильно оценили свои отношения с коренным населением.

Верхов они боялись, верхам они с полным основанием не доверяли, а к низам, к массе туземного населения они не сумели подойти, вызвав с ее стороны недоверие к новой власти.

Эти последние настроения лучше всего выражаются в словах т. Джурабаева, произнесенных на заседании Турцика 13 июля 1918 г. в момент чрезвычайно острый, когда казаки и чехо-словаки шли от Оренбурга, а асхабадцы стремились в Чарджуй.

„Мусульманский пролетариат хочет идти с вами с первого дня Революции, но вы не хотите его пустить".

И действительно, всколыхнувшаяся было масса туземной бедноты, эксплоатируемая и русскими и своими баями, не найдя поддержки у русских, осталась в стороне, взирая на разыгравшуюся борьбу, как на внутреннюю русскую распрю, а впоследствии под влиянием причин, о которых мы скажем ниже, даже поддалась увещеваниям своих буржуазных кругов, поймавших ее на националистических лозунгах, и приняла участие в борьбе, но уже на стороне басмачества.

С другой стороны Российская контр-революция сделала все, чтобы использовать любое выступление коренного населения в своих целях. О дружественной связи крупной буржуазии мы не говорим, так как космополитичность денежных королей всем известна.

Об'явление Кокандским с'ездом автономии 1-го декабря 1917 года вызвало 13 декабря манифестацию в Ташкенте. Манифестация эта имела всенародный характер. В ней проявились чаяния широких масс коренного населения, которое напряженно ждало от новой власти новых слов, которые непреложно показали бы, что не только для русских, но и для всего населения Туркестана, покончено со старым строем.

Море чалм, по характерному выражению очевидца, покрыло площади и улицы Старого города и в полном порядке двинулось в Новый город. До 60.000 человек приняло участие—почти все взрослое мужское население Старого Ташкента.

Русские белогвардейцы решили использовать мирную манифестацию в своих целях, для свержения ненавистной им Советской власти, для чего вошли в связь с наиболее реакционными улемистами и активно настроенными шовинистами и сепаратистами организаций „Шуро-Исламия". Поэтому они направили часть манифестантов к тюрьме и освобо-

дили наиболее активных черносотенцев—Доррера, Бека и др., а во главе другой колонны, шедшей от Шейхантаура стал генерал Смирнитский, окружной интендант—известный организатор выступления некоторых тыловых частей старой армии против новой власти.

Освобожденные из тюрьмы на автомобиле прибыли к главному митингу у памятника Кауфмана и призывали к свержению власти; стали раздаваться одиночные выстрелы, толпа оказала сопротивление при вторичном аресте Доррера и его автомобиля. Были вызваны красно-гвардейские отряды, дальнейшее проникновение новых толп в Новый город было воспрещено, что вызвало столкновение на Урде, во время которого залпом был убит ген. Смирнитский и многие из шедшей за ним толпы демонстрантов.

Манифестация, благодаря участию белогвардейцев, приняла антисоветский характер и ухудшила отношения между новой властью и туземным населением; события же 13 декабря внушили еще большее недоверие к коренному населению, в котором оно стало видеть оплот реакции.

Кокандские события в феврале 1918 года (с 12 по 19) только усилили эти взаимные впечатления. Для уяснения сущности Кокандских событий необходимо предварительно выявить, что политическая революция, затронувшая русское население и туземные верхи,—сопровождалось экономическими потрясениями, всей тяжестью своей легшими именно на коренное население и на его широкие народные низы.

Революция, связанная с параличем транспорта, образованием внутренних фронтов (Дутовская, Оренбургская пробка) и остановкой деятельности крупных центров текстильной промышленности принесла для Туркестана, а особенно для Ферганы, полный хлопковый крах.

Одновременно зима 1917—1918 г.г. привела, вследствие своей суровости и весенней гололедицы к полному краху скотоводство. К неблагоприятным, грозным условиям климатическим и обще-политическим прибавилось еще одно, роковое, завершающее, экономические ошибки нового правительства.

28 февраля 1918 года в № 37 „Нашей газеты“ (официальный орган) был опубликован следующий декрет:

„Весь хлопок, находящийся в Туркестанском крае, в каком бы виде он ни был и где бы ни находился в настоящий момент, конфискуется и об'является собственностью рабоче-крестьянского правительства Туркестанского края.

Все Советы края и революционные железнодорожные комитеты края выделяют сейчас же своих уполномоченных на предмет немедленного проведения настоящего декрета в жизнь, организации подвоза всего хлопка к станциям и немедленного его продвижения на ст. Ташкент. Ответственность за исполнение возлагается на председателей означенных организаций.

В случае противодействия владельцев—применять меры вплоть до расстрела на месте.

Председатель Совета Народных Комиссаров Туркестанского края Федор Колесов.

Секретарь Совета Павел Чегодаев“.

Декрет этот громовым ударом разразился над Ферганой, вся жизнь которой, как мы видели, до самых народных низов была основана на хлопководстве. Ошибка тов. Колесова была очевидна, тем более, что опубликование декрета вызвало ряд решительнейших протестов различных организаций. Поэтому, за от'ездом Колесова в Бухарский поход,—в № 41 „Нашей газеты" от 5 марта 1918 г. опубликованы следующие акты:

„Приказ по Туркестанскому краю. 2 марта 1918 года № 32.

Для проведения в жизнь декрета о конфискации хлопка, распубликованного в № 37 „Нашей газеты" от 28/II—1918 года, при Совнаркоме Туркрая организуется Хлопковый отдел. Комиссаром по хлопку назначается тов. Шмидт, который для этого кооптирован в СНК.

— Председатель СНК—Успенский. Секретарь Совета—П. Чегодаев."

„Совет Народных Комиссаров Туркестанского края. 2 марта 1918 г. № 34.

В дополнение об'явленного в № 37 „Нашей газеты" от 28/II—1918 года декрета о конфискации хлопка—об'является для руководства, что дальнейшее проведение в жизнь этого декрета будет выполняться каждый раз исключительно по указанию Комиссара хлопка, через ЦК Хлопмасмыл.

Интересы мелких крестьян декханов—будут соблюдены.

За председателя Сов. Нар. Ком. Агапов.

Секретарь Совета Павел Чегодаев".

Всем, кто помнит эпоху расцвета „власти на местах", а особенно в Ферганских условиях, при отсутствии связи, возможности связаться с ЦК Хлопмасмыл и т. п.—совершенно ясно, что из трех приведенных актов исполнялся только первый, тем более, что прочие два не имели подписи—Колесова. До какого произвола могли дойти местные власти, опираясь на злополучный декрет от 28/II, какая широкая возможность открылась для сведения личных счетов (особенность Востока) и всевозможных злоупотреблений—легко себе представить. Хлопководство мелкое, к которому приходилось длительно приучать консервативного по существу декханина—было этим декретом совершенно уничтожено.

Не смотря на малый урожай—на руках хлопководов, особенно же у мелких хлопкоробов, остались значительные количества волокна, так как уже урожай 1916 г. не был полностью скуплен и вывезен не был.

Выше мы подробно указывали, насколько Фергана нуждалась в привозном хлебе и мясе (из России и Семиречья); Оренбургская пробка отрезала надежду на вывоз хлопка и привоз хлеба. Туркестану грозил голод. Оренбургский фронт (хлебный) был оценен правильно и на него брошены первые силы. Но вместо Дутова пришли Чехословаки, потом снова Дутов, потом Колчак...

Следовательно, хлеб, кроме незначительного количества, буквально добытого кровью отрядов Продиректории и Красной гвардии Актюбинского района—получить было неоткуда. Мясо, пригонявшееся из Семиречья, тоже исчезло, так как суровая зима 1917—1918 г. и гололедь весною 1918 г. вызвали громадный падеж скота у кочевого населения. Голод, самый неприкрашенный голод охватил север Туркестана, загля-

нул и в Фергану, не пощадил и Ташкента, $^2/_3$ скота погибло, смертность среди киргиз дошла до 30% взрослого населения, а были районы, где вымерло до 75% жителей.

И здесь вдобавок к стихийным бедствиям—декрет о хлопке, уничтожающий последнюю валюту, оставшуюся в руках хлопкороба и именно мелкого.

Хлопок, стоивший раньше в три раза дороже самого лучшего привозного хлеба, теперь ничто, так как твердая цена, об'явленная на хлопок, не могла меряться с быстро взвинчивающимися ценами на местный хлеб. Многие с голоду идут в город—и здесь видят странную картину. Хлеб (закупленный с великим трудом на Кавказе или доставленный из Тургайской области)—распределяется по карточкам только в новых (русских) городах, для европейского населения. Кишлачник же—парий, ему остается только умереть.

— В делах судебных органов того тяжелого времени есть несколько дел по зарегистрированному людоедству.

* * *

Хлопковый декрет и отсутствие хлеба привели к следующему: вместо 348.000 десятин засева 1916 года и 153.000 десятин 1917 г. (влияние разрухи транспорта и т. д.), в 1918 г. зарегистрировано 51.000 десятин. И это еще до развития басмачества. Последнее только довершило разруху, родившись в момент перехода от хлопковой культуры к прежней культуре хлеба. Почва для развития движения—и раздражение народных масс, и главари движения—были налицо. Лозунги носились в воздухе, не хватало основы—солдат. Они появились весною 1918 г., когда население перешло на засев хлеба. Выше мы говорили о количестве рабочих рук, нужных для обработки десятины хлопка, для засева же пшеницы, риса и других злаков довольно 3-х годовых рабочих на 5 десятин, причем обычно число рабочих рук в семьях позволяло большинству декхан обойтись вовсе без наемного труда. Прибавим к этому безработных арбакешей, скупщиков, рабочих приостановившихся хлопковых заводов,—железнодорожных грузчиков—и мы получим тот людской резервуар, откуда движение черпало главным образом свои силы. Точно подсчитать число выброшенных кризисом за борт обычно бездомных людей, нельзя,—но можно предполагать, что число их весьма велико и доходит до нескольких десятков и даже сотен тысяч человек.

Сафаров приводит цифру безработных (считая, однако ее преувеличенной) в 400.000 чарикеров, 300.000 обезземеленных декхан и 50.000 рабочих ставших заводов—всего 750.000 человек.

Кто же явился для басмачества кадром, в который влилось людское пополнение? Кто стал вождем? Какие лозунги собрали басмаческую силу, которая и посейчас еще не уничтожена?

Обратимся опять к политике и проследим ход Кокандских событий.

Расстрел манифестации 13 декабря, хотя и вызванный провокационной работой контр-революционных сил—оставался все же фактом [1]);

[1]) Автор несомненно преувеличивает и абсолютное, и относительное значение этого частного эпизода гражданской войны.

непризнание IV с'ездом советов в Ташкенте полномочий Кокандского с'езда, и следовательно, изданных им актов и выбранного „автономного правительства". (Приложение № 1); создание в Коканде параллельного мусульманского рабочего с'езда (с 26 декабря 1917 года) и выявление лица „чрезвычайного с'езда", как буржуазного, не имевшего вовсе представительства от совдепов, и крайне ограниченное представительство от городских самоуправлений—и, наконец, перевыборы Кокандского Совета, во главе которого до конца 1917 г. стояли меньшевики,—все это показывало ясно, что соглашение достигнуто быть не может.

Совет Народных Комиссаров готовился к борьбе, но перед ним стояли гораздо более страшные враги: Дутов и голод на севере и казачьи эшелоны у Самарканда.

Поэтому СНК, отвергший вхождение в свой состав представителей коренного населения и ставивший в первую очередь борьбу против русской контр-революции—ошибочно отложил вопросы автономии „на после". Это несомненно имело большое значение для укрепления среди населения взгляда на власть Советов, как на чисто русскую власть. А между тем правильной постановкой этой национальной проблемы можно было бы отвлечь огромную часть туземного населения из-под влияния туземной контр-революции, чтобы оно перестало смотреть на борьбу с казаками, как на внутреннее русское дело.

В глазах несознательных масс населения Соввласть в Ташкенте и автономное правительство в Коканде враждовали не на классовой почве, как это было по существу, а на национальной, что облегчило положение врагов советской власти.

Борьба должна была привести к вооруженному столкновению: это прекрасно учли обе стороны. Формирование Красной гвардии начато еще с конца октября и к 5 декабря получило окончательную систему; 26 января 1918 года начато образование Красной Армии на добровольческих началах. Широко применялась также система создания партизанских отрядов и привлечения партийных дружин (зловещую известность приобрели армянские дружины партии „Дашнакцутюн", особенно многочисленные в Фергане).

Мы уже говорили о слабости пролетарской базы в Туркестане. В Красную гвардию имели право поступления все граждане, об'единенные в профорганизации; в Красную армию доступ первое время был еще легче. Дисциплины в частях в первое время было еще меньше, чем в центральных губерниях РСФСР, а это между тем были единственные войска в руках Советской власти.

Кокандское правительство, правда, было еще в худшем положении. У него не было даже обученных кадров, военно-образованных начальников и оружия. Но последнее затруднение было самым удобоустранимым. Кокандцы были богаты; в их распоряжении были капиталы об'единенной буржуазии, а за деньги—оружие можно было купить в изобилии, так как стихийный развал частей старой армии сопровождался в Туркестане, также как и всюду—массовой распродажей вооружения и снаряжения.

Во главе формируемой мусульманской армии стал русский офицер-мусульманин—Чанышев. В качестве кадров привлечены были все

БИБЛИОТЕКА
Ин-ст. Красн. Профес

вооруженные и организованные разбойничьи шайки, никогда не переводившиеся окончательно и сильно разросшиеся за бурный и безвластный 1917 год.

Монстров, командующий крестьянской армией Ферганы, речь о котором будет ниже, говорит о них в своем докладе:

„Протестующие не могли не искать вооруженной силы; шайки Ахунджана, Хал Ходжи и т. д., состоящие из конокрадов, кумарбазов (игроки в кости и азартные игры), грабителей, но представляющих известную боевую силу".

„Махкам Ходжа, например, принадлежал к семье, которая занималась грабежами и разбоями уже три поколения. Тогда же на сцену выступил и Ирган, уголовный преступник, выбранный н-ком Кокандской милиции".

Наличие крупных разбойничьих банд, двигавшихся к Коканду, для поддержки автономного правительства и их „сущность" лучше всего подтверждается донесением Ново-Кокандского Совета („Наша газета" от 19 января 1918 года) о том, что 11 января на город двигалась шайка разбойников в несколько сот человек, которая по дороге грабит кишлачное население. 12 января правительственный отряд, высланный против них, подвергся нападению при в'езде в кишлак Ташат в 10-ти верстах от Коканда. Бой продолжался весь день; басмачи последовательно оборонялись в трех кишлаках, пока не были разгромлены, потеряв 20 убитых и 18 арестованных; потери Кр. гвардии—1 убит и 2 ранено.

По мере сбора сил—отношения обострялись и к началу февраля Новый Город, опирался на крепость, во главе с председателя т. Бабушкиным, выставляя сторожевое охранение против Старого Города и мусульманской армии автономистов. Но Ташкент был еще связан с Самаркандом. К 17-му февраля (н. ст.) казаки были разоружены и отряды Красной Гвардии из Ташкента и Самарканда устремились к Коканду, где уже третий день шел форменный бой.

Официальный орган „Наша газета" 19 февраля опубликовывает следующее:

В Ферганской области происходят грабежи населения, раз'езды вооруженных банд раз'езжают по области. Революционная демократия в целях борьбы с этим об'являет:

1) С 14 февраля Ферганская область об'явлена на военном положении.

2) Воспрещаются всякие митинги и шествия как вооруженных, так и невооруженных.

3) Нарушение настоящего распоряжения будет встречено артиллерийским и пулеметным огнем".

После переговоров „о мире", в 11 ч. 20 мин. утра 19 февраля—„войска" Кокандского правительства, состоящие из разбойничьих шаек, наемных персов, таджиков и мобилизованного насильно населения Старого города, густыми колоннами двинулись на крепость и жел.-дорожную станцию. Встреченные огнем 12 орудий и многих пулеметов и контр-атакой Красной Гвардии, войска автономистов бежали. За ними бросились неорганизованные и недисциплинированные отряды Перфильева...

В своем опубликованном в „Нашей Газете" от 6 марта устном докладе Ташсовету Перфильев говорит:

„Необходимо было во что бы то ни стало преследовать те остатки вооруженных мятежников, которые уцелели от нашего огня и которые

направились вглубь края, но в среду наших отрядов проник психоз к захвату чужого, которое в таком огромном количестве было захвачено в городе"...

„Наше дело еще не закончено, так как бежавшие банды не замедлят поднять восстание где-либо в другом месте. Есть сведения, что они ведут пропаганду повсюду, призывая к борьбе с русскими, которые избивают яко-бы туземцев".

И в самом деле, Иргаш ушел с 30 джигитами в Кокандский уезд, Ахунджан и Хал-Хаджа в Маргеланский район. Пополненные новыми элементами, оттиснутыми ходом гражданской войны, положили начало басмачеству, под флагом борьбы против русских за автономию.

* * *

Распространению ложного представления о „войне русских с мусульманами" значительно способствовал неудачный поход-налет Колесова на Бухару, вызвавший ответный взрыв религиозного фанатизма и национальной ненависти, завершившийся разгромом постов пограничной стражи по Аму-Дарье, сожжением русских пристанционных поселков, выселением из Бухарских пределов в Ташкент 10.000 беженцев и другими ужасами и опустошениями гражданской войны.

Прибытие чрезвычайного полномочного представителя Совнаркома РСФСР и ВЦИК в Средней Азии тов. Кобозева, прорвавшегося в Туркестан к 10 апреля 1918 года после удачных операций против Дутова, резко изменило ориентировку Туркестанского правительства.

Приняв единоличное управление краем, Кобозев созывает 5-й Чрезвычайный с'езд Советов (отчет о нем весьма интересен и заслуживает глубочайшего внимания) и 30 апреля 1918 года декретируется наконец долгожданная коренным населением автономия. Туркестанский край об'явлен Автономной Советской Социалистической Республикой, входящей в состав Российской Советской Федерации.

Автономные лозунги должны были по существу после этого отпасть, но действительность повела к дальнейшему обострению, продолжавшемуся в течение всего периода отрыва от центра и особенно ярко выявившемуся к ранней осени 1919 года.

* * *

13 июля на заседании Турцика и Совнаркома, созванном в виду угрожающего положения Республики (Асхабадские неурядицы, нажим казаков с севера, отсутствие боеспособной армии и т. д.), Колесов, касаясь Ферганы, указал, что „разбойничьи шайки разогнаны, но еще не ликвидированы", а обычно выражавшийся очень образно тов. Тоболин заявил: „Есть древнее выражение: „царь, помни об афинянах", и нам приходится сказать себе: „Республика, помни о Фергане". Надо теперь и в первую голову покончить с Ферганой".

Начался новый период вооруженной борьбы, сопровождаемый углублением розни.

На том же заседании, из речи Джурабекова видно, что стремления масс коренного населения удовлетворены не были: „С автономией вы нам

ничего не дали и не даете; нам надо, вместо того, чтобы сидеть вместе, раз'ехаться для организации мусульман по кишлакам". Здесь же встречаются и жалобы на карательные отряды: „В Коканде армянские дружины грабят мусульманский кишлачный пролетариат во время набегов разбойников и шаек Иргаша, отвечая им выстрелами за 50 верст. А потом протестуют перед Военным комиссаром, что им не дают взять в кишлаке одеяла".

В докладе Турцику от 23 ноября 1918 года Турквоенкомат, рисуя общее военно-политическое положение РСФСР и ТССР, указывает: „Значительную помеху и беспокойство доставляет Республике шайка разбойника Иргаша, оперирующая главным образом в Фергане, но вероятно этой шайке скоро будет положен конец".

Конца, однако, не было видно. С одной стороны, лучшие и наиболее организованные военные отряды Республики поглощались наиболее угрожающими Асхабадским и Актюбинским фронтами, почему в Фергане „ликвидация" велась самым кустарным образом, выродившись в неорганизованные контр-набеги малочисленных местных красноармейских отрядов, опиравшихся на города и желдорогу.

С другой—басмаческий стан стал пополняться новым элементом по мере разрушения хлопковой промышленности. По отзыву Монстрова „непродуманный переход к социализации производства, передавший заводы в руки несознательных и зараженных идеями дележа завкомов, подорвал таковые. А проведенная вслед за социализацией национализация—выдвинула бесконтрольных комиссаров, которые при полном политическом безлюдьи были в большинстве авантюристами, не связанными с интересами предприятий и значительно уклонившиеся в сторону личного обогащения".

Власть на местах захватывалась самыми темными элементами, с преступным прошлым. На ответственные должности зачастую выдвигали также лиц, совершенно чуждых новым идеям. Так, комиссаром Земледелия области был одно время статский советник (быв. управляющий государственными имуществами), Председателем Совдепа—бывший уездный пристав и т. п.

Особенно много отрицательных фактов произошло на почве столь излюбленных на Востоке личных счетов (см. приложения №№ 3 и 4), что привело к созданию новых шаек и появлению в Маргеланском районе Мадамин-бека, бывшего начальника Маргеланской угормилиции.

Басмачи, сохранившие еще свои националистические лозунги, с особенной яростью набрасывались на русские поселки, при чем интересно отметить, что инициатором нападения шайки Ахунджана на русский поселок Кетмень-Тюбе явился некто Мад-Мусса-Саркер, активный участник восстания ишана Мадали в 1898 г.

Советская власть того времени распространялась только на города, станции железных дорог и прииски.

В кишлаке полными хозяевами были басмаческие организаторы, а происходившая под влиянием голода и хлопковой монополии замена хлопковых посевов засевом хлебных злаков, выбрасывала кадры безработных в их об'ятия.

Нападение Хал-Ходжи на крестьян Куг-Артской долины и невозможность получить защиту от городов (летом 1918 года по всей Фергане числилось только еще 444 человека вооруженных красноармейцев и красногвардейцев) привели к вооружению крестьян и созданию „Крестьянской Армии".

ГЛАВА IV.

1918 — 1919 г.г.

До соединения с центром.

Краткое ознакомление с историей образования и развития крестьянской армии необходимо для понимания эволюции ферганских настроений, которые за период 1918—1920 г. прошли путь от национальных лозунгов автономии и борьбы с русскими до союза с русскими и борьбы политической против Советской власти и далее к лозунгам религиозным.

Как указано выше, основным стимулом вооружения крестьян была слабость правительственной власти и безнаказанность нападений басмаческих отрядов, из которых особой непримиримостью отличался Хал-Ходжа.

9 июля 1918 года, приказом Облисполкома, Фергана об'явлена на военном положении, в виду усиления деятельности Иргаша и Хал-Ходжи.

12 июля Совет Джелаль-Абадского района на расширенном заседании постановил организовать народную армию Джелаль-Абадского района (самооборону), для чего произвести учет всех жителей русских поселков района от 18 до 50 лет, оружия, шанцевого инструмента и т. д. и избрать командующего и штаб армии, каковым передать всю полноту власти в районе. Председателем штаба (он же временно командующий армией) избран председатель Совета Степан Валяев...

Армия эта состояла из отрядов, выделявшихся отдельными поселками, отряды составляли 4 полка, несшие службу по очереди, в течение 3-х месяцев, соображаясь с сельско-хозяйственными условиями разных поселков. Прочие солдаты составляли резерв, вызывавшийся по мере надобности.

Армия была узаконена Краевой Советской властью: 4 декабря 1918 г. военный комиссар Республики Осипов отдает приказ по Фербласти, которым н-ком военного штаба Джелаль-Абадского района назначается тов. Купленников. Приказ этот явился следствием посещения Ферганы Верховной Коллегией [1]), создавшей наконец к 7 декабря 1918 г. орган, имевший целью организацию и ведение борьбы с разбойниками в области в лице Оперативного штаба при Ферганском Областном Военкомате.

---

[1]) Коллегия состояла из 3 лиц: Фигельского—Предсовнаркома, Войтинцева—Предтурцик и Осипова—военный комиссар, при чем первые двое были впоследствии убиты Осиповым при его восстании.

Составляя часть вооруженных сил, противопоставленных басмачам, подчиняясь оперативному штабу и получая от него кредиты и вооружение, Крестьянская Армия по своей сущности совершенно отличалась от Красной Гвардии и Красной Армии.

Лучше всего ее сущность вскрывается некоторыми документами, полученными Военно-Историческим Отделением Штаба Туркфронта из Дмитровского Сельского Совдепа: „Постановление заседания Военного Совета Джелаль-Абадского Штаба Крестьянской Армии (верховного органа ее) от 2 декабря 1918 года.

§ 1. Крестьянство формируется в армию путем мобилизации с целью предотвратить туземную опасность, грозящую ему в виде национальной вражды, выразившейся в набеге существующих ныне разбойничьих шаек, не преследуя иных целей, как самозащиту".

Отношение к Соввласти по вопросам экономической и внутренней политики определяется следующими документами:

Протокол № 119

Джелаль-Абадского районного Совета Крестьянских и Мусульманских Депутатов, 30 июня 1918 года, в числе 28 русских и 17 мусульман.

Слушали:	Постановили:
2) Вопрос о реквизиции разных зерновых хлебов урожая сего 1918 г.	Большинством голосов, против 3-х воздержавшихся, реквизицию в Джелаль-Абадском районе не допустить вплоть до 1-го сентября. В случае же, если окажется излишек хлеба, то обменять таковой на предметы крестьянского обихода.
3) Вопрос о допущении на зажиточных крестьян и мусульман безотчетных налогов.	Никаких налогов, как на зажиточных крестьян, так и на мусульман не допускать, кроме налогов государственного характера и на содержание личных организаций.

17 июля 1918 года Председатель Джелаль-Абадского районного Совета Степан Валяев присылает за № 146 в село Дмитровку следующий любопытный документ.

„В район является масса организаторов всевозможных комитетов и советов и т. п., которые часто бывают с подложными мандатами, ездят для той цели, чтобы им поживиться на наш мужицкий счет, и чем-нибудь еще околпачить.

А когда мы и дети наши были голодны, то никто не спросил: есть ли у вас хлеб и семена для посева. А теперь увидели, что у нас появился хлеб, то эта саранча не дает нам покоя, которая много говорит, но ничего не делает.

Крестьяне, не принимайте у себя никого без моей подписи на мандате. Вы облекли меня доверием и я стою на страже ваших интересов. Гоните от себя их в три шеи.

Председатель Совета Ст. Валяев.

Секретарь Бутник".

Понятно, что при таком собственническом составе и настроении Крестьянская Армия была армией кулацкой и представляла силу, с которой рано или поздно пришлось бы столкнуться Советской власти, но пока что зимой 1918/1919 г.г. и весной 1919 года операции против Мадамина, Хал-Ходжи, Ахунджана и других происходят зачастую совместно.

Отношения начинают портиться с февраля 1919 года, когда для окончательного об'единения ферганской борьбы создан штаб Ферганского фронта с разделением области на боевые участки. Штаб фронта, оценив по существу крестьянскую организацию, как могущую вооруженной рукой воспротивиться предполагавшимся земельным реформам и проведению хлебной монополии, пытается ее ослабить различными мерами, но неизменно терпит неудачу.

14 мая помкомфронта Коновалов требует мобилизации и прибытия в Андижан в трехдневный срок 1000 человек крестьян, на что получает мотивированный отказ; в конце июля Сафонов пытается обезоружить армию и арестовать штаб, но быстрый сбор отрядов спасает Монстрова, стоящего уже во главе армии.

Настроение обостряется, тем более, что неизбежность хлебной монополии и разоружения становятся очевидными.

С другой стороны действия отрядов Красной Гвардии, Красной Армии и армянских дружин настолько плохи в серьезном бою (Мадамин разбил их у Балыкчи и Кокан-кишлака, взяв два орудия и два пулемета) и сопровождались такими эксцессами, что Мадамин-бек (или его окружающие) постепенно почувствовал правильную для него линию поведения. Он стал бороться „за порядок", одинаково нападая и на Красную Гвардию и на разбойничающих джигитов Хал-Ходжи, какового арестовал, с позором возил на лошади лицом к хвосту и держал в тюрьме до 4-х месяцев [1]), и совершенно прекратил налеты на район, защищаемый Крестьянской Армией.

Монстров в своем докладе упоминает вскользь, что „Крестьянская Армия стала приглядываться к Мадамину еще с весны 1919 г." В делах Дмитровского исполкома имеются более точные данные: „5-го марта 1919 г. на 3-й Крестьянский с'езд Джелаль-Абадского района явилась из Ташкента особо чрезвычайная комиссия, член которой, тов. Волжанский, заявил, что крестьянин села Воздвиженского, Тарасенко, на митинге рабочих ст. Андижан Ферганской железной дороги, сказал, что Крестьянская Армия склонна к соглашению с разбойничьими бандами против Советской власти".

В течение лета 1919 года произошло изменение ориентировки: две до сих пор силы—басмачи Мадамин-бека и кулаки крестьяне Монстрова—на основе общности анти-пролетарских интересов и отчасти под влиянием политических ошибок и экономических мероприятий Совласти соединились вместе и создали противосоветский, белогвардейский фронт. Подробности изложены в приложениях №№ 6, 7, 8; здесь мы приведем только основные пункты постановления 22 августа 1919 г. Военный Совет Крестьянской Армии в составе 10 представителей от каждого отряда и при участии председателя и членов Джелаль-Абадского исполкома и

[1]) За это в мае 1920 г. Хал-Ходжа перерезал Мадамин-беку горло, под видом мести за измену исламу.

штаба, мотивируя свое решение неумелым ведением дел, диктатурой партии, отобранием оружия и хлеба и отправлением крестьян на „братоубийственные политические фронты“ постановляет:

1) Отстранение и перевыборы всех советов с предоставлением мусульманам половины мест.

2) Свобода труда, передвижения и торговли, образования, слова и печати.

3) Свобода школы.

4) Упразднение охранных отделений, ныне именуемых Особым отделом, ЧК и упразднение политических комиссаров.

5) Введение независимого народного суда вместо зависимых трибуналов.

6) Отмена хлебной монополии (в подлинном документе выделено жирным шрифтом).

7) Возвращение крестьян с политических фронтов.

8) Военнопленные, находящиеся в Туркестане, возвращаются на родину, сдав оружие штабу Крестьянской Армии.

„Права и требования свободного крестьянства, в случае нужды, будем защищать силою оружия“.

Далее следует § 2-й „Предложение предводителя мусульманских отрядов Мадамин-бека, присоединиться к Крестьянской Армии, принять на следующих и главных основаниях:

1) Подчинение мусульманских отрядов Штабу Крестьянской Армии с командующим во главе.

2) Мадамин-бек дает своих представителей в штаб не более одной трети.

Мадамин эти условия принял, сообщив Монстрову письмом, где именует себя „Командующим мусульманской белой гвардией“, что „моя цель свергнуть власть большевиков, передать ее истинным представителям народа, избранным на основании всеобщего, равного, тайного и прямого голосования“.

Военные действия не замедлили вспыхнуть. Монстров и Мадамин-бек 8 сентября взяли Ош, к ним немедленно примкнули гарнизоны Гульчи, Иркештама и части Памирского отряда, что обеспечило связь с Кашгаром и русским консулом Успенским. Комферфронтом Сафонов бросился на встречу во главе 500 человек, но был заперт в Араванском ущелье и после трех дней боя прорвался на Ниукат—ст. Федченко, потеряв 70 человек. Спасением своим он обязан „необ‘яснимой“, по мнению Монстрова, ошибкой командовавшего отрядом быв. офицера Кучукова[1]), не закрывшим пути Аравaн—Наукат.

Восставшие бросились тогда к Андижану, где с 21 сентября разгорелся упорный и решительный бой, причем Монстров потерпел полное поражение, которое он об‘ясняет недисциплинированностью мусульманских отрядов. На самом деле причины были глубже. Агитация Казанского полка, защищавшего Андижан—разложила главную массу крестьян и они в ночь на 23 сентября бросили окопы и хлынули домой. Само крестьянство чувствовало, что совершает роковую ошибку, что бесхит-

[1]) Сторонник Соввласти, играл большую роль впоследствии в Муэтдиновском вопросе.

ростно изложено в приговоре жителей поселка Дмитровка —(См. приложение № 9).

Не малую роль сыграли и личные счеты курбашей—дравшихся вследствие этого на разных сторонах—как Ахунджан с красными против помощника Мадамина Сали Маг Зума.

К вечеру 23-го сентября соединенные силы Монстрова и Мадамина были в полном отступлении на Ош. Из 800 человек крестьян—осталось не более 50, полторы тысячи аскеров же Мадамина соединились целиком и даже по дороге усилились до 2000 человек.

Поэтому Монстров должен был уступить фактическую власть Мадамин-беку, имевшему реальную возможность продолжать борьбу. Но для об'единения распадающегося союза и изыскания помощи извне—в ноябре 1919 г. явочным порядком создается в Гульче—„Временное Правительство Ферганы", при деятельном участии Российского консула в Кашгаре Успенского, приславшего 18 ящиков патронов и обещание своего английского коллеги поддержать оружием, снаряжением и деньгами.

Временное правительство из: Мадамина Ахмедбекова—председатель и командарм мусульманской армии, Монстрова—тов. председателя и завполитотделом, Ненсберга (известного Скобелевского адвоката)—заведыв. отделом юстиции и внутренних дел, Хакаманджана Азисханова (крупный хлопковый торговец)—заведыв. финансами—и генштаба ген.-майора Муханова (б. Начальник Памирских постов, б. военный агент в Греции)—заведыв. военным отделом в тылу (Памиро-Алаи)—на которого были возложены все переговоры с Кашгаром.

Период Временного правительства интересен в двух отношениях. Резко выказалась невозможность об'единения курбашей кем-либо из мусульман и выявилась необходимость перемены лозунгов, чем занялись круги панисламистов, вовлекая в Ферганские дела представителей Афганистана.

Мы обладаем характернейшим документом, заявлением 28 курбашей, во главе с Ахунджаном[1]) и Хал Хаджей, поданным Временному правительству 18 ноября 1919 года: „Мы, все курбаши, солдаты и аскеры—Магомет Амин бека Ахмедбекова главным вождем не признаем, потому что он многих из нас много раз разоружал, он нас сильно оскорблял и обижал. Меня Хал Ходжу Ишана, посадив на неоседланную лошадь возил, 4 месяца держал под арестом, много мне причинял оскорблений.....

.... Во главе власти должен быть русский. В этом случае будем работать в согласии. Если же кто-нибудь из нас, мусульман, будет старшим, то между нами всегда будут ссоры и мы никогда большевиков не победим".

Положение было учтено и для придания единения и освящения власти Мадамина—на сцену появляется таинственный Афганский полковник. В декабре 19 года Монстров был неприятно поражен, увидев у ставки командарма зеленое знамя с полумесяцем и звездой на древке".

Появлению знамени и перемене ориентировки—не на русских (Мадамин еще в ноябре писал: „я могу работать только совместно с рус-

[1]) Ахунджан, разбивший Сали Магзума под Андижаном 23 сентября, уже успел уйти от красных, как только был поднят вопрос о переброске его отряда на Закаспийский фронт.

скими), а на религиозную почву—предшествовал ряд закрытых совещаний без участия Монстрова и других и поездка к влиятельному Ишану, провозгласившему Мадамина „верховным вождем мусульманских отрядов". Афганский представитель настаивал на вручении ему письма Эмиру Афганскому с просьбой принять Туркестан, и в частности Фергану, под его „высокую руку"—за что обещал 500 шт. однозарядных винтовок и 180.000 патронов к ним.

Все попытки сохранить единство не привели к желанным результатам. Монстров и русские почувствовали себя лишними, Иргаш и вновь перекочевавший к красным Ахунджан и ряд других курбашей продолжали вести самостоятельную политику и грабить за свои страх и риск.

Главным же, решающим фактором в перемене положения—было прибытие представителей Центральной Советской Власти и прекращение разгула местной власти на местах, который принес самые тяжелые последствия и вызвал к жизни многочисленные басмаческие отряды.

Новые веяния, беспощадная чистка „примазавшихся", установление курса „на коренное население"—не могли не подействовать на Монстрова и Мадамина, при чем на последнего большое влияние оказало прибытие в Фергану Татарской стрелковой бригады, укомплектованной исключительно мусульманами Приволжских районов. Появление этих мусульманских центральных войск явилось ярким доказательством действительного проявления Соввластью провозглашенных лозунгов, что подчеркнуло разницу с прежними взглядами Туркестанских вождей, выражавших упорное нежелание довериться коренному населению и строить национальные части.

Курс действительной Советской власти не мог не оказать своего влияния. Монстров в письме к Ферганскому командованию пишет: „Из сведений, поступающих к нам от разных лиц, бывших в городах, усматривается, что Советская власть за последнее время круто изменила приемы управления страной... Таким образом теперь Советская власть устранила те причины, которые заставили крестьян выступить с оружием в руках.

..... И если теперь власть стала на этот путь, я не считаю себя в праве продолжать войну". После переговоров об условиях—Монстров 17 января 1920 года перешел в расположение 2-й Татарск. Стр. п. (ныне 11 Турк. стр.) и прибыл в Ташкент, где имел длительный доклад РВС фронта.

После военной борьбы с переменным успехом (так под Гарбуа с 4 по 6 декабря 1919 г. Мадамин нанес Красной Армии серьезный удар)—под натиском дисциплинированных Центральных войск выбитый с политических позиций, оттесненный в лишенный продовольствия район, потерявший фактическую власть над разрознившимися отрядами—Мадамин последовал примеру Монстрова. Заявив, что он выступил не против Советской власти, а против недостойных и преступных ее представителей"—он вступил в переговоры с Начдивом 2-го Турк. стр. дивизии Веревкиным-Рохальским и 6 марта 1920 года заключил мир, радостно встреченный и Ташкентом и Ферганой.

Период 1918 и 1919 года создал басмачество. Разрозненные разбойничьи шайки, собравшиеся вокруг Кокандского правительства, создали его кадры. Все видные курбаши, до сегодняшнего дня еще оперирующие

в Фергане—вышли из рядов этих шаек. Экономический крах и преступная личная, авантюристическая политика многих „примазавшихся", грабежи и насилия неорганизованных войск, а самое главное для этого периода—колонизаторский и националистический уклон Туркестанского правительства—дали массу озлобленного пополнения для басмаческих отрядов.

Лозунг—„защиты ислама" брошенный афганским полковником—был подхвачен, лозунг этот заменил и руссофобство и белогвардейство и пышно расцвел в 1920 году.

Для полноты характеристики остановимся на военной оценке Ферганского фронта с точки зрения Главного командования Туркреспублики и на состоянии вооруженных регулярных сил, численность которых в Фергане к октябрю 1919 года представляла 14,6% всех вооруженных сил. Кроме Красной гвардии (до 1000 чел.) и мелких отрядов (до 400—500 чел.) в ведении Ферганского фронта состояло 2219 бойцов пехоты, 439 кавалеристов, 20 пулеметов,—всего 2712 чел.

Составленный Начальником Главного Оперативного Штаба П. В. Благовещенским и доложенный Главкомом Беловым 8-му с'езду Советов 10 сентября 1919 года доклад, так оценивает общее положение:

„Обстановка была такова: рабочий пролетариат, создатель и опора Советской власти, был конечно всецело за свою диктатуру и власть. Крестьянство еще не вполне уяснило требования момента, особенно крестьянство среднее, и стояло на распутьи. Туземное декханство было вполне инертно. Но зато европейская и туземная буржуазии об'единились и вполне организованные ею вспышки сопротивления диктатуре бедноты и ее правительству—происходившие нетолько в корне, в гнезде, Фергане, но и в других частях республики". Определив совершенно правильно создавшиеся фронты—на первом месте фронт Актюбинский—отрезавший Туркестан от хлеба и главное, от базы—Центральной России, на втором—фронт Закаспийский, отрезавший республику от существенно необходимой нефти и угрожавший политически, доклад говорит:

„Фронт Ферганский имел характер чисто внутреннего фронта и его ликвидация имела главное значение—хозяйственное, мы получили бы возможность реализовать ферганский запас хлеба, несомненно весьма значительный и сохранили бы промышленность и инвентарь, теперь нещадно уничтожаемый".

„Ферганский фронт—это наш внутренний фронт, там нет против нас тех организованных к-р сил, с которыми мы имели дело на других фронтах. Нашими противниками являются автономисты, мусульмане, представителем коих можно считать Иргаша, обыкновенные разбойники вроде Ахунджана и Хал Ходжи и откровенные контр-революционеры: наприм. Мадамин Бек и просто спровоцированные незначительные люди, вроде крестьянского населения Кургатской долины. Зачастую разнородные элементы, борясь против нас—ведут борьбу и между собой.

..... Я затрудняюсь изложить Вам последовательный ход военных операций на Ферганском фронте. Они состоят из непрерывных разведок, непрерывных походов, непрерывной слежки за намерениями басмачей и воспрепятствования им проводить неоднократные нападения, которые они обдумывают в своих глухих углах и потайных убежищах".

Указание на возможность реализовать Ферганский излишек хлеба—находится как бы в противоречии с тем, что мы говорили в главе 2-й,

но ведь к осени 1919 года засевная революция уже произошла. Хлопок был заменен хлебом и излишки безусловно имелись. Подобный же пример мы видим и в Бухаре, где после кризиса 1917 г.—к 20 году хлебные излишки достигают нескольких миллионов пудов.

Состояние армии может быть охарактеризовано докладом специальной комиссии Турцика и РВС по очистке 1-го Закаспийского Кавполка от 18 июня 1919 г., при чем, надо отметить, что Ферганские части были по своей нравственности еще ниже Закаспийских.

„Собственно говоря в Туркестане армии в настоящем смысле слова нет и до тех пор, пока принцип организации вооруженной массы останется неизменным—не может быть.

1-й Кав. полк представляет вооруженную банду, полнейший хаос, в которой и уголовный элемент и белогвардейцы чувствуют себя как нельзя лучше, развивая во всю ширь свою деятельность.

А между тем это еще не худший полк. Что вызывает все усиливающееся разбойничье движение в Ферлаге? Безвыходное положение несчастных земледельцев, которых грабят и разбойники и красноармейцы.

И вот беднякам, которые не в состоянии помочь себе сами остается немного выходов, или не получая помощи от настоящих представителей Советской власти умереть с голоду, или вступить в ближайшую шайку разбойников, или, что в их глазах равносильно записаться в Красную Армию.

Заниматься же честным трудом бедняку нет никакой возможности".

Заключительным приговором разобранного периода может послужить мнение тов. Элиавы (председ. комиссии ВЦИК по делам Туркестана и члена РВС Туркфронта), переданное им по проводу из Ферганы 16 апреля 1920 года: „Здесь в смысле Советской власти абсолютно пустое место, а в коммунистическом—большая отрицательная величина. Повидимому, по всей Фергане придется разыграть Советский и партийный погром", и по обыкновению ярко и точно формулированный приказ по войскам Ферганской армейской группы, отданный тов. Фрунзе 23 мая 1920 г.: „Местная Советская власть первое время своего существования делала все возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население.

Власть захватывалась группами авантюристов, желавших половить рыбу в мутной воде. Вместо национализации производства шел открытый грабеж не только буржуазии, но и средних слоев населения. Вместо защиты мусульманского населения от баев—над ним чинились неслыханные надругательства.

Действовавшие здесь части красногвардейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников трудового народа и революции—в орудие насилия над ними.

На этой почве и создалось то движение, которое известно под именем басмачества. Басмачи не просто разбойники—нет, главные силы басмачей составляют сотни, тысячи тех, кого так или иначе задела или обидела прежняя власть. Не видя нигде защиты, они ушли в басмачи и тем придали им небывалую силу.

Вместе с собой они принесли басмачам поддержку мусульманского населения..."

Указанная выше резкая перемена политики благодаря соединению с центром положила начало оздоровлению.

ГЛАВА V.

Соединение с центром.

Вторая волна басмачества.

Переход Мадамина, сдача Монстрова, очищение „власти на местах", упорядочение вооруженных сил, изживание первых острых моментов перехода от хлопководства к хлебно-фуражным засевам, резкий поворот в сторону ориентации на коренное население, представители которого широко привлечены к управлению республикой — от Турцика и Совнаркома до низших советских и партийных ячеек — казалось бы должны были привести басмачество к окончательному крушению, тем более, что единственный крупный курбаши—Ширмат—не обладал ни организаторскими способностями, ни престижем, хотя бы приближающимся к престижу Мадамин-бека.

Между тем, басмачество снова ярко вспыхнуло в середине лета 1920 года и все ширилось и росло, представляя через год грозную опасность, с тенденцией перекинуться за пределы Области, окончательно подорвав ее экономическое благосостояние.

Перейдем к исследованию причин, вызвавших это, на первый взгляд необъяснимое явление, и мы увидим, что оно было совершенно логическим следствием ряда влиявших на него причин, внешних и внутренних.

Внешние причины. Выше уже сказано о перемене лозунга Мадамин-беком, принявшим зеленое знамя от какой-то таинственной афганской делегации. После перехода Мадамина знамя это было подхвачено его соперником Ширматом, упорным фанатиком, принявшим громкий титул „командующего войсками ислама".

Тот же лозунг широко применялся в этот период бухарским эмиром. Став, в результате российских революций, самостоятельным владетелем, он готовился к решительной борьбе за сохранение своего деспотизма.

В ожидании неминуемого столкновения с Туркреспубликой, эмир раздувал всеми доступными ему средствами (фанатическая пропаганда, золото, оружие) ферганский костер, желая оттянуть возможно большее количество войск Красной Армии от своих границ.

Он использовал опыт деда, который в 1866 и 1867 годах, чувствуя назревание конфликта с Ташкентом, пытался отвлечь силы и средства русских действиями своего полководца Рустем-бека в районе долины Ангрена и левого берега Чирчика. В изложении Терентьева (завоевание Средней Азии, том 2-й) эти действия представляют разительное сходство с действиями Ширмата и других крупных ферганских курбашей.

Сильное панисламистское влияние шло несомненно и из Афганистана, где в связи с победой, одержанной над Англией, об'явлением самостоятельности и вообще пробуждением идеи об'единения всех мусульман против неверных сказывались отзвуки борьбы, возглашенной Мустафой-Кемалем в Ангоре.

Нравственную и материальную поддержку имело басмачество и из Кашгара, где английское консульство было заинтересовано в закрытии границ, под предлогом опасности от басмаческих беспорядков, что создавало возможность вытеснить русские товары и, наконец, попытаться завоевать кашгарский рынок для индо-британской промышленности.

Причины внутренние: необдуманное проведение социальных реформ, не согласованных с основным базисом организации коренного населения—шариатом. Отделение церкви от государства, возможное в России, здесь оказалось невозможным по той простой причине, что шариат не столько религиозный, сколько юридический и общественный кодекс, определяющий до последних мелочей (как разламывать хлеб, есть пищу, спать и т. п.) всю жизнь правоверного мусульманина.

Как ясна бы ни была агитация о полном невмешательстве в религиозные верования и обычаи населения, любое мероприятие совласти—как регистрация браков, отмена права наследства, земельная реформа, школа и т. п., вплоть до организации женотделов—неминуемо упиралось в шариат и являлось нарушением религии.

Особенно нетерпимыми распоряжениями были: трудповинность, продразверстка и запрещение частной торговли.

Надо сознаться, что значительная доля вины ложится в этот период на так называемых „центровиков". Прибыв в Туркестан и бегло ознакомившись с тяжелым его положением, старыми замашками новых властей, действующих под именем коммунистов, центровики круто повернули руль.

В противовес чисто русскому составу правительства первого периода—с началом 1920 года выдвигается лозунг—дорогу представителям коренного населения. И здесь руководителями, товарищами из центра, допущена вторая ошибка. Не будучи достаточно научно подготовленными и не зная особенностей той страны, которую приехали реорганизовать, но имея большой организационный (и удачный) опыт центра, они склонны были преувеличивать возможности построения всего аппарата по центральному образцу. Обладая верным чутьем (земельная революция в Семиречьи, проведенная Сафаровым, в результате чего Семиречье единственная область, где нет басмачества), они зачастую проводили свои реформы слишком поспешно, не оценив пассивной сопротивляемости и консерватизма народных масс. Обратная сторона медали реформы тов. Сафарова общеизвестна; он сам ныне признал свои ошибки; „колонизатор", летучее слово, пущенное с его легкой руки, принесло не мало вреда.

Ошиблись и в представителях коренного населения, „коммунистах". Буржуазные круги, преимущественно торговые, единственные способные понять, хотя бы отчасти, значение совершившихся потрясений, решили найти выход из трудного положения. Нам лично известны случаи, когда на семейных советах наиболее пригодные для этой роли представители рода „назначались" для поступления в партию. Там, пользуясь званием „партийного", что в Туркестане давало одно время громадные преимущества и возможности, они ловко проводили свои имущественные дела,

мстили за старое, скрывали родных, покрывали знакомых и сводили в полном смысле этого слова на-нет все мероприятия Советской власти по экспроприации экспроприаторов.

В правительство проникли более опасные люди. Под маской „самоопределения“ и „автономии“ они проводили чисто националистическую и шовинистическую политику. Некоторые из них, как, например, Тюрякул Джуназаков, сумел войти в состав Совета Действия Народов Востока и перейдя впоследствии к басмачам, широко использовал свое звание и свои мандаты.

Когда открылись глаза—а это произошло к осени 1920 года,—то, наоборот, возникло предубеждение против представителей более культурных слоев коренного населения и многие призванные на ответственные посты, особенно на местах, считали своею обязанностью во что бы то ни стало слепо подражать центральным образцам. Вот к чему это привело: обратимся к статье т. Тюрякулова („Военная Мысль“. 1921 год, кн. 2-я, стран. III „Ферганская проблема“).

„Местные органы власти, которые не сумели даже втолковать панически настроенным гражданам о сущности трудповинности, начинали придумывать всяческие хитроумные способы для того, чтобы так или иначе заставить их воспринять „коммунистическое сознание долга“ в той форме, в которой понимал его, скажем, тогдашний председатель Исполкома... Устраивали облавы, окружали мечети, задерживали богомольных, но нетрудоспособных старцев и т. п., т. п. И что же? Игра обходилась дороже свечек. Паника, наведенная арестом каких-либо трех-четырех сотен граждан, охватывала все городское население области и в результате все трудоспособные с ужасом уходили в кишлаки к басмачам. Получался определенный политический эффект не в пользу существующего режима, а контр-революционные группы, воспользовавшись удобным случаем, еще более усиливали всякого рода „слухи“ и делали свое злое дело. Слепые же руководители „власти на местах“ с важным видом говорили, что они де нисколько не отстают от какой-нибудь Московской Коммуны“.

Прибавим от себя, что в представлении населения, трудовая повинность преломилась, как повторение 1916 года, с увозом сотен тысяч людей в холодную, голодную, далекую Россию.

Продразверстка, особенно в районах „опасных“, свелась к форменному грабежу кишлаков. Продорганы настойчиво требовали войсковой охраны; басмачи, в свою очередь, избрали продобозы излюбленным об'ектом для нападений.

Статистика, понятие об учете совершенно отсутствуют и составление всякого рода списков, конечно, упирается в шариат и ему как-либо противоречит. Поэтому, продорганы никакими точными данными не обладали. Определяли размеры разверстки по своему собственному произволу.

„В виду бездействия Ревкома, заведывающий ссыпным пунктом, совместно с баями Наманганского уезда распределил разверстку, которая легла на бедняков. Опродкомпродрай не интересовался, что делается на пунктах, учет не велся. Требуется извлечь из района 75.000 пуд. зерна, а Упродот отпустил всего 50.000 руб. В Кассанском районе созваны все сельские Исполкомы, все пятидесятники и часть населения. Выяснено, что разверстка легла исключительно на бедняков, которые, из страха перед баями, покупали на базаре 10—15 фунтов пшеницы и сдавали на

ссыпные пункты, при чем ни расписок, ни денег не получали". (Из дел военкома 2-й Турк. дивизии за апрель 1921 года).

Принимая во внимание отсутствие жителей (или наличие двух-трех древних, не понимающих русского языка старцев), спешку и далеко не всегда наличие дисциплины и сознательности среди красноармейцев отряда, обычно полуодетых и плохо кормленных, можно себе представить, во что фактически выливался сбор продразверстки и каково было настроение населения по возвращении в свои опустошенные сакли.

Призыв в Красную Армию, проводившийся на местах, по свидетельству тов. Тюрякулова, такими же методами, как и трудповинность бросил в ряды басмачества новую громадную волну людского материала, которую можно лишь сравнить с массой, выброшенной за борт хлопковым Колесовским декретом.

До двух третей призванных, т.-е. до 20.000 человек, ушло в басмачи—сразу или постепенно, ежедневно перебегая с оружием в руках из запасных и полевых частей, в которые они успели попасть, или со сборных пунктов.

Наконец—мера, совершенно неприемлемая для коренного населения—закрытие базаров, запрещение вольной торговли. Есть много донесений войсковых начальников, что именно эта мера превышала терпение населения и оно, призвав ближайшего курбашу, поднимало открытое восстание.

Надо было обладать полным незнанием Востока и его особенностей, чтобы решиться на закрытие базара, служащего центром жизни не только экономической, но и общественной для иногда крупного района.

Подводя итоги сказанному, обратимся к докладу 1898 года Начальника Кокандского уезда и делению им населения на группы, по отношению их к русским. Отметим, что Советская власть в представлении населения осталась безусловно властью русской.

Первая группа—духовенство, ученые и фанатики—враждебно относились к завоевателям. Надо полагать, что ни отнятие вакуфов, ни уничтожение судов казиев, ни разгон организаций улема, ни новометодные школы, ни пропаганда о женском равноправии и снятие паранджи и чучвона (халата и сетки, превращающих женщину, вне пределов ее дома, в мумию), не изменили отношения в нашу пользу.

Вторая группа—сознательно довольная: торговцы, состоятельные классы, состоящие на службе у русских (в администрации и торгово-промышленных заведениях), и городское население. Можно с уверенностью сказать, что к концу 1920 года среди этой группы сторонников Советского строя не было.

Третья группа—„не имеющая оснований быть недовольной"—вся масса кишлачного и часть городского населения. Полагаем, что предыдущим изложением мы доказали, что эта основная масса, толща народная, ныне имела все основания для недовольства.

Хуже того—она имела понятные для нее лозунги, духовных руководителей и военных вождей и организаторов, правда, несовершенных, но своих по крови и по духу.

Под влиянием указанных первопричин, внешних и внутренних факторов, басмачество, разрастаясь в течение лета 1920 года, ярко вспыхнуло к осени и стало наиболее опасным—народным восстанием на экономической почве и с религиозной окраской.

ГЛАВА VI

Борьба силою оружия.

(Военная борьба).

Невозможно осветить все подробности непрерывной военной борьбы с басмачами. Это работа будущего, когда собранный архивный материал Ферганской армейской группы будет окончательно разобран и систематизирован.

Но можно уже теперь подметить, что военные операции имели несколько совершенно отличных периодов, обычно связанных с переменой командования в Фергане.

К оценке этих, если так можно выразиться, систем военной борьбы с басмачеством мы и перейдем.

1918 год, как отмечено выше в докладе Туркглавкома т. Белова, прошел в совершенно бессистемной с широким применением массового террора борьбе, конец которой был положен в феврале 1919 года, образованием Ферганского фронта, разделением Ферганы на два боевых участка, подчинением Красной Гвардии оперативным распоряжениям Комферфронтом, слиянием отдельно действующих партизанских отрядов в красноармейские части и т. п.

Некоторым обоснованием для применения массового террора может служить то обстоятельство, что и басмаческие отряды еще не были организованы, не выкристаллизовались в стройную систему взаимно подчиненных курбашей, разделивших территорию Области на районы, которые представляют типичные феодальные уделы, к которым данная шайка крепко привязана, без права перехода в соседний участок.

С военной точки зрения такая система критики не выдерживает. Поскольку население стоит на стороне басмачей и чувствует, что моральное право на его стороне, применение массового террора приводит к результатам обратным и придает движению ярко национальный и народный характер.

Войска, увлеченные грабежом, неминуемо разлагаются, дисциплина совершенно отсутствует, о военной выучке говорить не приходится, армия становится небоеспособной и при первом организованном сопротивлении оказывается битой. Доказательством тому может служить поражение, понесенное ферганскими войсками в единственном серьезном бою с Мадамином под Гарбуа с 4 по 7 декабря 1919 года, когда новое, центральное командование, пыталось использовать развращенные от гра-

бежа войска по прямому назначению. Потеря орудий и пулеметов не допустимы в азиатской войне, где трофеи играют громадную роль для поднятия духа противника. Разложенные коренные ферганские войска были переформированы, в Фергану направлены прибывшие из центра дисциплинированные и обученные войска.

После кратковременного перерыва (сдача Мадамина) весной 1920 года военные действия возобновились. Энергичное командование (начдив Веревкин-Рахальский) и не менее энергичное исполнение (комбриги Кужелло и Ушаков), широкое применение конницы, система горячего преследования обнаруженного ядра шайки определенного курбаши, оканчивающееся решительным столкновением, дало реальные результаты. Интересующихся подробностями ведения подобных операций (применялись с успехом и зимой и ранней весной 1921 года) отсылаем к № 1 „Военной Мысли", статья тов. В. К-ва „Ферганский район".

Значительную роль сыграли также военно-политические экспедиции, раз'яснявшие принципы Советского строя параллельно с уничтожением активных басмаческих шаек, особенно в виду возглавления их членом РВС Фергруппы тов. Паскуцким, выказавшим уже выдающиеся военные, административные и политические способности во время председательствования им Реввоенсовета Асхабадского фронта.

Подготовка Бухарской операции осенью 1920 года и необходимость поддержать молодую революционную власть в Бухаре оттянули из Ферганы значительные силы, почему осень 1920 года и зима 1921 года прошли под знаком обороны.

Принята новая система распределения войсковых частей по гарнизонам, для поддержания порядка и укрепления Совласти на местах, равно для проведения в жизнь политико-экономических мероприятий, ошибочность которых мы разобрали с достаточной полнотой в главе 5-й.

Система мелких гарнизонов в военном отношении дала самые отрицательные результаты.

Во-первых, командование никогда не имело достаточных резервов, чтобы быстро поддержать подвергавшийся нападению гарнизон или для нанесения удара обнаруженному скоплению басмачей.

Во-вторых, войска, разбросанные мелкими отрядами, неминуемо разбалтывались, так как условия расквартирования, питания, заболеваемости и несения службы были невозможные. На почве участия в продовольственных реквизициях и постоянного недоедания вновь развились грабительские инстинкты, а непрерывные нападения неуловимых для пехоты конных отрядов противника и многочисленные случаи предательства „мирного" населения возбудили в лишенных регулярной политобработки войсковых частях взгляды о национальной подкладке борьбы. Борьба с басмачами и с нашей стороны вылилась в „войну русских с сартами".

Несомненно, что улучшения взаимоотношений с населением в этих условиях ожидать было нельзя и симпатии к басмачам неудержимо росли.

В-третьих, басмачи, имея великолепно организованную агентурную разведку и пользуясь преимуществом знания местности и прекрасного конского состава (загнанная или усталая лошадь немедленно заменялась свежей в первом попавшемся по дороге кишлаке или ауле), всегда уходили от медленно сосредоточиваемых для удара наших сил и в свою

очередь без промаха били по самым слабым гарнизонам, оторванным от подкреплений, или по обозам, продовольственным транспортам и т. д.

Ослабление ферганских сил осенью 1920 года привело к усилению басмачества и с весной оно вновь вспыхнуло, ставя наши части в очень тяжелое положение.

Вот типичные случаи.

„15 января 1921 года из гор. Намангана в кишлак Чартак выступил отряд в 59 сабель для содействия переговорам о сдаче шайки Амат-Палвана, изʻявившего яко бы на то согласие. В результате переговоры не привели ни к чему и отряд повел наступление на шайку, сгруппировавшуюся в к. Уйчи. Но басмачи боя не приняли и стали отходить к горам в северном направлении, столкнувшись по дороге у к. Курган с нашим фуражировочным отрядом, который заставил шайку бежать в горы, где она и рассеялась.

16 января шайка Амат-Палвана, ушедшая накануне в горы, соединившись с другими курбашами, общей численностью до 2000 джигитов, пыталась снять наш гарнизон в к. Кассан, состоящий из 41 бойца и 1 пулемета. Осада началась в 14 часов 16-го и длилась до 17-ти час. 17-го января. Противник окружил гарнизон буквально со всех сторон, засыпая защитников градом пуль и пуская в ход обычный прием поджога окружающих построек.

Несмотря на превосходство сил противника и необходимость все время тушить пожар, гарнизон спокойно выдержал осаду до подхода подкрепления в 25 сабель наших конных разведчиков, которые в 17 час. 17-го января, подойдя вплотную к противнику, лихой конной атакой, сбили басмачей и при поддержке выручennого гарнизона обратили противника в бегство. Потери противника: 35 убито, много ранено; оставлено 8 лошадей и 2 винтовки. Потеря гарнизона: 1 убит и 4 ранено“.

„14 апреля 1921 года из к. Язауан вышла разведывательная партия из 9 человек комсостава и у к. Будкачи встретила шайку курбаши Хусаинджана в 250 человек. Наш отряд устроил засаду и встретил партию противника залповым огнем; шайка ринулась в кишлак по другой дороге, но разведка опередила противника и снова залегла в засаду и вновь встретила колонну залпом, уложив на месте Курбаши и ранив его помощника. Воспользовавшись замешательством противника, захватили тело курбаши, найдя на нем печать, винтовку, карабин и револьвер.

Противник стал ожесточенно нападать на отряд, окружив занимаемый двор со всех сторон. Позиция, наскоро занятая, оказалась неудачной и атакованным пришлось перебираться в соседний дом. Осада продолжалась с 12-ти час. 14-го до 3-х часов 15-го, когда противник, видя непреклонность защитников и потеряв всякую надежду взять их, отступил. Наши потери в этом деле: убит начальник партии, комбат т. Терехов, ранен военкомбат тов. Астраханцев и убито 9 лошадей“ (Ист. хроника 16-го Турк. стрел. п.).

„20 июня 1921 года 8 рота 13-го стрелкового полка, стоявшая гарнизоном в к. Яйнап, была в 12 час. окружена отрядами Ислам-Палвана. Завязался бой. Басмачи ворвались в кишлак и заняли чайхану и дома поблизости крепости были подожжены. После продолжительной перестрелки басмачи несколько раз бросались на штурм, но усиленным

огнем отбивались. Была сделана также неудачная попытка поджечь ворота. С наступлением темноты басмачи снова пытались взять крепость с криками: „сдавайтесь и отдайте пулеметы“. Особенно надо отметить храбрость и распорядительность комроты т. Бреславцева, который несколько раз с пятью-шестью человеками с гранатами выбегал из крепости и разгонял отряды басмачей в 30—40 человек. К 24 часам стрельба стала стихать, и басмачи отступили под влиянием приближения поддержки“.

„12 марта 1921 г. гарнизон к. Пишкаран был окружен шайкой Аман-Палвана, численностью до 1500 чел. Пользуясь расположением жителей и их активным содействием, басмачи незаметно проникли в кишлак во время базара и напали на гарнизон, состоявший из 22 чел. при 1 пулемете. На выручку из кишлака Яны-Курган выступило 20 сабель при 1 пулемете. У к. Беговат отряд был окружен, но смелым натиском противник был сбит и преследовался до к. Пишкаран. Там отряд соединился с выручкой из Чуста в 114 сабель при пулемете. Басмачи были разбиты, потеряли до 200 чел. и бежали. Во время предательского нападения на гарнизон Пишкаран (20-го Турк. стр. п.) убито 15 красноармейцев, 3 продработника, тяжело ранено 5 и пропал без вести 1. Трупы были сильно обезображены и обожжены“.

Поздней весной 1921 года новое командование (тов. Зиновьев) решило применить против басмачей систему крупных, согласованных операций. Об'ективные условия для этого несомненно были. Отряды противника приобрели постоянную организацию. Отряды эти стали многочисленны, имели постоянные районы расквартирования, иногда даже опорные пункты, в виде укреплений азиатского типа или уединенных горных долин с труднодоступными и легко обороняемыми перевалами (к. Ашаба и Рахманкула, Кичик-Алайская долина у Муэтдина, район Гарбуа у Ширмата и т. п.).

Целью таких крупных и „решительных“ операций ставилось обыкновенно или „очищение“ данного района, или „решительное“ поражение данного курбаши. Образцом таких операций можно считать весеннюю операцию в Кокандском и Ходжентском уездах, участие в которой принимало 4 кавалерийских и 4 стрелковых полка, т.-е. более половины расположенных в Фергане войск и „окружение“ Ширмата в сентябре.

Приказом войскам Ферганской армейской группы от 30 мая 1921 г. № 014 оп. ставится цель: „очищение Ходжентского и Кокандского уездов от басмачей и содействие закреплению Советской власти в этих уездах. Наиболее крупные отряды басмачей сосредоточены: Ташбулат (200 ч.) в районе развалин кр. Ляйляк, Сабир (100 ч.) в районе сел. Чарку, Исламкул (500 ч.) в районе ст. Посьетовка—Яйнап—Коканд“.

Операция задумана так: конница широким фронтом двигается сначала с запада на восток (9-я кавбригада) и с востока на запад (8-я кавбригада), очищая полосу между горами и течением реки Сыр-Дарьи. Пехота (19-й, 21-й, 22-й и 24-й Турк. стрел. полки с бригадой и дивизионной конницей) занимает ряд завес, как горных проходов на юг, так и по окраине песков, разделяющих Кокандский и Маргеланский оазисы. Заняв линию Сыр-Дарьи, конница поворачивается на юг и широким фронтом идет к горам. 4-го июня началось выдвижение пехотных частей; 5-го июня двинулась конница; к 11-му июня части обратились

к „прямым“ заданиям. Отдельными эскадронами пройдено по намеченным маршрутам до 300 верст. Столкновений (и то без реальных последствий, с раз'ездом) с намеченным противником было только одно, 5-го мая в 17-м кавполку. Только 15-й кавполк, собираясь к исходному пункту—ст. Маргелан, имел 6-го и 8-го мая удачные столкновения (в районе Гарбуа—Истархан-Суне) с местным феодалом Ширматом, понесшим существенные потери—до 70-ти чел., и, главное, 31 винтовку.

Никаких реальных результатов, кроме двухнедельного спокойствия в пройденных районах, не достигнуто. Важен конечный вывод тов. Зиновьева: „Европейскими частями вылавливание производить не предполагаю, в виду отвратительного поведения их в отношении населения. Последнее совершенно не идет навстречу европейским частям, или вернее, наши части не умеют подойти к населению“. (Переговоры по прямому проводу II/V 1921 года).

„Для уничтожения отрядов Ширмата и подчиненных ему курбашей, сосредоточенных в районе Гарбуа, намечено и приведено в исполнение движение 4, 13, 14, 15 и 16 кав. полков и 14-го Турк. стр. полка с артиллерией и бронепоездами на Гарбуа, причем переправы через Кара-Дарью должны были быть на широком фронте заняты частями 5-й Турк. стр. бригады, наступавшей с севера. После переправы через Дарью части эти должны были принять на себя отходящих на север басмачей.

С востока басмачи были от гор отделены частями пехоты, бронепоездами и броне-отрядами.

Начатое 13 сентября наступление развивалось успешно, Гарбуа занято 14 Турк. стр. полком, конница широким фронтом теснила басмачей на переправы.

Но 14-го сентября, части 5-й Турк. стр. бригады, не произведя предварительной разведки переправ, обнаружили, что вода в Кара-Дарье настолько поднялась, что переправиться было невозможно. Поэтому части стянулись на запад, за 50 верст, на мост у кишл. Пап и в свой район прибыли только к 16-му сентября. За это время главные конные части басмачей переправились через реку и ушли из-под удара. Мелкие части ушли также и на восток. Операция сорвалась и существенного урона басмачам не нанесла“. (Журнал военных действий Туркфронта за 1921 г. стр. 11 и 12).

Как видно, никаких положительных результатов операции не дали. Своевременно предупрежденные о стягивании войск, а весьма возможно и более подробно ознакомленные с предполагаемым планом действий, курбаши ловко уклонились от удара, перекочевали в другие районы, или совершенно слились с местным населением, спрятав оружие и взяв в руки кетмень. Наоборот, одновременно с ведением операции они усилили свои нападения в других районах, откуда были сняты войска для нанесения предполагаемого удара.

Единственное успешное столкновение в районе Шаарихан—Гарбуа произошло, если можно так вольно выразиться, с „чужим“ противником, случайно оказавшимся на пути следования кавполка, шедшего с места своего квартирования на сборный пункт для занятия исходной линии.

Мы не будем утруждать внимания читателей приведением подробностей нескольких подобных операций. Они весьма интересны и поучи-

тельны в зависимости от того, разыгрывались ли они в гористой или равнинной местности, проявил ли противник активность, или только уклонялся от удара—общий вывод остается незыблемым.

Красная Армия перед лицом населения демонстрировала свою полную беспомощность раздавить численно и, главное, технически слабейших басмачей. В своих войсках это сознание порождало неуверенность, недоверие к командованию, изматывало людей и лошадей и окончательно разрушало обоз, обмундирование и обувь. Из неудачного похода войска возвращались усталые и озлобленные и неминуемо вымещали свою злобу на ближайших к месту их стоянки мирных жителях.

Противный стан ликовал. Он не только широко рекламировал свою неуловимость, но пытался даже разложить усталую красноармейскую массу, распространяя самые чудовищные слухи о мятеже в Кронштадте, восстаниях в Москве, голоде, не забывая также и агитации против „жидов".

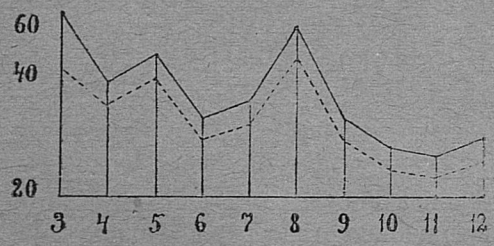
Сознание невозможности уничтожить басмачество путем чисто военной борьбы, покуда оно пользуется полной поддержкой населения, и постепенно принятый правильный учет основных причин движения привели к новой эре, к периоду переговоров и широкому использованию результатов возглашенной центром новой экономической политики с соответствующими местным условиям дополнениями и частичным развитием тактики уступок не только в вопросах экономики, но и политики.

Напряженность боевой работы за 1921 г. в зависимости от внешних факторов (продразверстка, крупные операции, переговоры) видна из таблицы (сведения не полны, зафиксированы лишь данные, вошедшие в „сводки").

МЕСЯЦ.	Столкновений.	По инициативе басмачей.	Наши партии (части) отошли.	Потери.		Примечания.
				Наши.	Противника.	
Март . . .	64	28	6	94	908	Ряд шаек приняли бой и понесли тяжелые потери.
Апрель . .	32	21	5	30	225	Самый неудачный месяц. Басмачи боя не принимали, но нападали на жел. дорогу (разрушено 8 мостов с 23 по 28 апр.), отбили у нас 1 пулемет, 1 авторужье и захватили мирную делегацию.
Май	50	30	4	70	655	Нами потерян продтранспорт.
Июнь . . .	29	13	2	15	165	Басмачами захвачено 40 жел.-дор. ремонтных рабочих.
Июль . . .	32	15	8	25	200	Усиление числа столкновений вследствие охраны продкампании.
Август . .	58	30	3	7	115	Результат мирных переговоров. Ведена операция против Ширмата.
Сентябрь .	28	10	3	10	75	Результат мирных переговоров. Ведена операция против Муэтдина.
Октябрь . .	15	4	1	15	111	Распутица. Ведена операция против Рахманкула. Взята его продбаза.
Ноябрь . .	14	6	2	27	30	
Декабрь . .	19	8	2	15	56	
Итого. .	341	165	36	308	2.540	

Цифры потерь знаменательны: все завоевание Кокандского ханства стоит 119 человек. Потери противника возможно увеличены, хотя число раненых почти не поддается учету; раненых всех, а убитых по возможности,—басмачи выносят из боя и увозят.

Процент активности басмачей, доходящий до 68 (апрель), 52 (август), резко падает с момента начала переговоров на 36 (сентябрь) и 26 (октябрь), повышаясь вновь до средней нормы 45% (декабрь), как результат расстрела Алиара и новой вспышки борьбы.



Число боев по инициативе басмачей.

ГЛАВА VII.

Попытки привлечь население в борьбе с басмачами.

Опыт еще первых боевых столкновений 1918 года показал, что преследование и действительное уничтожение отрядов противника не под силу русским (европейским) частям Красной Гвардии и Красной Армии.

Тогда же, хотя вернее инстинктивно, чем продуманно, было сознано, что противопоставление басмачам „русской" вооруженной силы (крестьянская армия и проч.) несомненно вызовет у населения представление не о классовой, а о чисто национальной борьбе.

Поэтому с самого начала повстанческого Ферганского движения нами делались более или менее организованные попытки создать отряды из коренного населения, именуемые обычно „мусульманскими". Отметим, что до соединения с центром попытки эти носили кустарный характер. Штаб Закаспийского фронта уполномочил самостоятельно некоего Бапишева формировать „мусульманскую армию". Не имея опыта и знаний, Бапишев создал громоздкий штаб, сделал большие заказы, растратил врученные ему средства и был даже, в конечном счете, заподозрен в сношениях с Мадамин Беком. Организация была расформирована, не дав результатов.

В Ташкенте дело шло успешнее и удалось создать батальон (кадр был выделен из милиции), получивший наименование „3-го Интернационала". Батальон был отправлен в Семиречье и послужил основой для одного из ныне существующих стрелковых полков туркфронта.

В самой Фергане коренное население попадало только в Красную Гвардию (члены профсоюзов—на общем основании); создание частей сплошь из туземцев противоречило взглядам тогдашнего Совета Труда и Обороны (выше гл. 4, стр. 28), все еще находившегося под гипнозом „Кокандской автономии".

Только после разгрома Монстрова-Мадамина, распада организованной ферганской контр-революционной силы и соединения с центром, тов. Бригадзе делается в ноябре 1919 г. первая попытка создать регулярного типа войсковые части из отрядов курбашей, перешедших на сторону Советской власти.

По мере перехода всех Мадаминовых войск (кроме Ширмата) из басмачей создаются 4 кавалерийских полка, сведенных в 1-ю и 2-ю Тюркские кавбригады. (Комбриги Умидов и Рафиков).

1-й Тюркский кавполк—отряд Хамдама; 2-й—Туйчи, 3-й—Ахунджана и 4-й—Махкам-Ходжи.

В марте 1920 года начдив 2-й Турк. стрел. в приказе № 62 указывает: „На основании телеграммы РВС туркфронта № 315 приказываю всех сдавшихся и сдающихся мусульман вливать в формируемые под моим наблюдением две Тюркских бригады, сверх которых никаких мусульманских формирований не производить".

В виду некомплекта против штатов и для упорядочений управления (остро стоял вопрос о высшем комсоставе, знающем язык и быт джигитов) приказом Упраформа Туркфронта (Управление по формированию) от 22 марта 1920 года № 141 обе кавбригады с 30 марта должны быть слиты в 1-ю Узбекскую кавбригаду (комбриг Рафиков, военком Туйметов, наштабриг—Петров). 1-й Туркестанский Узбекский кав. полк: комполка капитан пехоты Мирбадалев; 1-й дивизион—б. 3-й Тюркский полк Ахунджана и 2-й дивизион—б. 4-й Тюркский полк—Махкам Ходжи—район Андижана. 2-й Туркестанский Узбекский кав. полк—комполка капитан артиллерии Худоярхан; 1-й дивизион—б. 1-й Тюркский полк—Хамдама; 2-й дивизион—б. 2-й Тюркский полк—Туйчи; район—ст.ст. Посьетовка и Серово.

Одновременно предписано стянуть отряды (дивизионы) и расположить их лагерем в пустых заводах; прием новых джигитов и увольнение старых запрещены помимо комбрига; приказано произвести учет людей, лошадей, оружия, снаряжения и т. д. Распоряжения эти сразу вызвали неудовольствие среди привыкших к своеобразной азиатской дисциплине отрядов; немедленно выявилось нежелание подчиняться армейскому командованию и тяга к старому, привычному начальнику. Приказ по 2-й Турк. стр. див. 10 апреля 1920 г. № 46 должен раз'яснить и опровергнуть: „Неизвестными лицами распускаются слухи, что будто бы Мадамин Бек назначен командующим мусульманской армией и имеет право располагать войска его бывшего отряда по своему усмотрению".

Что же представляли собою новые части Красной Армии туркфронта? Можно ли было на них положиться в такой ответственной и сложной работе, как борьба с басмачеством?

Внутреннее состояние полков характеризуется в докладах подива 2 и штабрига чрезвычайно ярко. „Части, входящие в состав бригады, имея вид советской службы, все же сохранили басмаческий характер. Они состоят из трех элементов: а) 30% бывших разбойников; б) вооружившихся для самозащиты; в) бедноты, обреченной на голод. Отряды территориальные и некоторые из них содержатся за счет населения. Во главе каждого отряда стоит курбаши, пользующийся большим влиянием среди населения.

Из-за курбашей распоряжения высших военно-политических руководителей проводятся очень туго, ибо курбаши во всех мероприятиях военно-политического характера видят ущерб своим интересам и умаление своего влияния на джигитов".

„Люди эскадронов помещались в чайхане, частью, в качестве почетного караула, при квартирах курбашей, а то и просто по кишлакам. К назначенному в полки комсоставу люди относятся подозрительно и недоверчиво. Все это происходит оттого, что курбаши, не желая расстаться с былой властью, действуют на своих людей развращающе.

Используя тяжелое положение Республики в смысле снабжения, на „свои“ средства покупают время от времени скот, солому и даже обувь, которую дарят со словами: „раз русские вам ничего не дают, так я даю“. Средства „свои“ курбаши пополняют налетами на мирных жителей, со стороны которых все время поступают жалобы“.

Отношение к населению, для которого они должны были стать защитниками от басмачей и проводниками новых веяний, оставалось попрежнему разбойническим и контр-революционным.

15 апреля 1920 года в Балыкчинской волости арестован агитатор, за то, что произвел выборы в местный Совет „без разрешения“ курбаши, почему, по его мнению, „выбраны все туртынчи“.

22 апреля приказ по 1-й Узбекской кавбригаде за № 15 гласит: „Об‘являю для сведения и точного руководства всем чинам бригады, что эксплоатация природных богатств, находящихся на территории Республики, принадлежит государственным экономическим органам и что вследствие этого бывшим курбаши отдельных отрядов надлежит срочно аннулировать всякие договоры с населением, если таковые где-либо имели место. Также должны немедленно прекратиться всевозможные сборы и налоги, которые до последних дней берутся в кишлаках бывшими курбашами. Основание: отношение Андижанского Ревкома от 14 апреля № 2533“.

Издевательства, творимые над советскими работниками и жителями крупного кишлака Шахи-Мардан, лично курбашей Туйчи подробно изложены в докладе военкому 2-й Турк. стр. див.—приложение № 10.

Боевая ценность. Очевидно, что наиболее ярко свое лицо бывшие басмачи должны были показать во время боя и боя не со своими личными или племенными врагами, когда они бились „на совесть“, а против, так сказать, „очередного“, указанного им оперативным приказом, противника.

18 января 1920 года частями 2-й Турк. стр. дивизии была предпринята операция против значительно усилившегося (до 1.500—2.000 чел.) Иргаша, опиравшегося на свою крепость у к. Бачкир в 22-х верстах к северо-западу от гор. Коканда.

Средняя колонна (535 шт. 100 саб.) 17-го стр. полка нанесла главный удар, дойдя после упорных боев в течение всего дня к крепости и взяв ее штурмом. Противник бежал крупными (до 500 чел.) массами. Войска колонны были совершенно истощены; конница весь день работала в конном и пешем строю. К моменту взятия крепости, правая колонна Туйчи (350 саб.), пройдя по маршруту, ей указанному (противник не появлялся и только был окружен и взят в плен наблюдательный пост), прибыла в Бачкир и получила приказ преследовать противника. „Достигнув песчаной пустыни, начинающейся в одной версте к востоку от Ак-Тюбе, тов. Туйчи, вследствие утомления лошадей, прекратил преследование и присоединился к средней колонне“.

Отборные басмаческие лошади Туйчи оказались „утомленными“, пройдя за день 25—30 верст? Позволительно сильно в этом усумниться.

Обратимся к левой колонне т. Хамдама (500 сабель) и к словам доклада штадива 2, разбиравшего эту операцию: „Полк тов. Хамдама, вследствие позднего получения приказа отряду и других малопонятных и неизвинительных причин, не успел выступить в указанное время.

Полк в составе 200 всадников, под командой помкомполка т. Мочалова, прибыл на место боя на другой день в 8 часов, т.-е. уже после окончания операции".

Хамдам оказался еще более решительным. Он просто не исполнил оперприказа и даже сам не потрудился побеспокоиться, выслав только часть полка со своим русским помощником.

А Иргаш ушел в оставленные ему ворота (Хамдам должен был отрезать пути отхода на север и запад), сопровождаемый на расстоянии 5 верст „почетным эскортом" „преследующего" на „утомленных донельзя" лошадях Туйчи.

Комедия более чем очевидная.

Итак, картина ясна. Никакой реальной помощи от басмаческой советской конницы ожидать было нельзя.

События конца апреля это блестяще подтвердили.

Убийство Мадамина в стане Ширмата—вызвало взрыв взаимного недоверия.

Не исполнив приказа Комфронтом т. Фрунзе о сборе всего 2-го Узбекского кавполка в гор. Коканд, Командир 2-го дивизиона Туйчи 26 апреля арестовал комполка, военкома и ад'ютанта (все мусульмане) и со всем своим отрядом ушел в горы, при чем, пред уходом, джигиты ею до нитки ограбили всех служивших в дивизионе русских. 1-й дивизион (Хамдама) выгнал всех русских, заявив, что они им не нужны.

1-й Узбекский кавполк бы назначен для переброски в Ташкент, но выполнить приказ отказался, вследствие чего был разоружен, частью оказал сопротивление и бежал к басмачам и всего лишь 92 человека прибыло в Ташкент, в Троицкий лагерь.

Так печально закончилась первая организованная попытка создать местные формирования. Ошибка ясна—взят испорченный материал.

Вторая попытка была организована шире. Штаб фронта предписал мобилизацию 30.000 человек мужского населения для влития в ряды Красной Армии. Упраформ фронта был под впечатлением полного успеха формирования им Поволжской мусульманской татарской стрелковой бригады. Ее благотворное влияние на временное умиротворение Ферганы было налицо и расценивалось политическими работниками, как положительный фактор. Мы не будем останавливаться на выявлении причин, почему эта попытка была безнадежно неудачна. Приведем без всяких комментарий телеграмму от 5-го июля 1920 года, посланную в РВСР: „Ныне в Туркестане производится призыв в ряды Красной Армии местного мусульманского населения, который даст нам до 30.000 бойцов. Однако учить их некому, ибо нет инструкторов, знающих мусульманские наречия. Прошу самом срочном порядке выслать Туркестан инструкторов мусульман из Центральной России" [1]).

Несомненно, что по этой телеграмме равнялись и местные органы; немудрено, что „население мобилизовать не представляется возможным; все принадлежащие призыву лица бегут к басмачам"—как доносят Военкому 2-й Туркестанской стрелковой дивизии.

---

[1]) Курсив автора Д. З.

В этом факте—бегства мобилизованных к басмачам, кроется одна из причин мгновенного взрыва движения летом 1920 года.

Мобилизация 1916 года с ее последствиями была слишком свежа в памяти; насильственно оторванный властью от своей работы призывной—темный и невежественный, фанатично преданный окутывающему его со всех сторон религиозному и житейскому учению—Шариату—бросался, закрыв глаза, в об'ятия Курбаши.

Идти к „гяурам", в Красную Армию, на которую он за два года привык смотреть, как на насильничающую и европейскую—он не мог; понять идею Советской Власти—не мог; раз'яснений и об'яснений, словом и примером—не видел и не слышал. Но будучи внесенным в призывной список, дома оставаться тоже не мог, так как последствия неисполнения приказа власти—ему известны с детских лет и особенно памятны по 1916-му году.

Если первая попытка научила, или, вернее, должна была научить старой истине — „как волка не корми, а он все в лес смотрит" — так вторая принесла резко отрицательный результат — вторично (1-й раз — хлопковый декрет) бросила в басмаческий стан тысячи рядовых джигитов.

Наступивший весной 1921 года период „решительных операций" против Ферганского басмачества привел вновь Ферганское командование к выводу о необходимости создания частей из местного населения. Такие же выводы сделало и Закаспийское командование. Басмачи, уклоняясь от боя или рассыпаясь при первой неудаче, немедленно сливались с местным населением, и полевым войскам, не знающим языка, быта, местности и т. п. нечем было их проследить и выловить.

С разрешения Ташкента весною 1921 года вновь начато формирование „мусэскадронов" и „мусполков", правда, уже под наименованием „территориальных". Материал—старый—все те же кондотьеры, не имеющие ни кола, ни двора, меняющие свое командование, как перчатки—профессиональные басмачи. Это 1-й Фертермускавский полк.

Вместе с тем откол от Киргизского вождя Муэтдина, видного родовича главенствующего кипчакского рода Отуз Оглы-Джаныбека—привело к созданию 2-го полка на несколько других основаниях.

Обратимся к 1-му полку. Он составлен из бывших Мадаминовских басмачей, удержавшихся в рядах в апреле—мае 1920 года, побывавших в составе бригады тов. Кужелло на Южном фронте.

Домой они вернулись по демобилизации; оказались „безрабочими" и почитались надежными, так как за их отсутствие большинство хозяйств было разрушено, а семьи даже частично вырезаны басмачами. Домой, в кишлак—им возвращаться было и некуда и опасно.

Этот основной кадр полка был пополнен добровольцами из такого же материала и должен был быть пополнен мобилизованными коммунистами.

2-й Ферг. тер. мус. кав. полк создан из Киргиз: в основу положены отряды Джаныбека (своего рода самооборона Джелаль-Абадского района), сильные своими родовыми традициями, что особенно возвышало значение Курбашей, пользовавшихся своим родовым влиянием.

При самом рождении своем полк этот был взят под подозрение и им хотели воспользоваться как способом уменьшить путем демобилизации старших возрастных классов — число вооруженных в данном районе, равно понемногу подорвать авторитет Курбашей — родовичей.

Так как основным исложением создания этой „бригады“ был невывод ее из занимавшегося ранее района, что прикрыто наименованием „территориальный“, довольствие отсутствовало, и наряд, данный на большое число коммунистов, необходимых для перевоспитания частей—остался бумажным нарядом, за неимением свободных сил,—то реальных результатов новая попытка поставить против басмачей не Тамбовского парня, а его же сородича—успеха не имела.

Не может иметь успеха создание регулярной части из бывших разбойников-партизан, тем более, что регулярного комсостава, говорящего на их языке и знающего их нравы и обычаи—не было; а комэскадроны и подкомэскадроны—это те же Курбаши.

Уже к сентябрю 1921 года состояние новых формирований обрисовано следующими словами (Доклад Начальника Пофергруппы 10 сентября 1921 г. № 4991/с):

„1-й Фертермускавский полк:.. Во главе этого полка стоит бывший басмаческий Курбаши Хамдам Каландаров, получивший в настоящее время трехмесячный отпуск—благовидный предлог убрать его из полка, куда он был поставлен, как пользующийся громаднейшим авторитетом среди старых джигитов“.

Одновременно с формированием и организацией полка уже наметились определенные элементы разложения, которые приняли в настоящее время угрожающие формы. Полк в экономическом (хозяйственном) отношении находится в таком состоянии, как и остальные части. Во главе эскадронов стоят бывшие Курбаши, так как нет мускомсостава. В полку отсутствует какая бы то ни было дисциплина. Оперирующие против нас басмаческие шайки в то же время прекрасно обуты, одеты, обеспечены всем необходимым, что красноармейцы мусполка прекрасно видят, и им, как бывшим басмачам, безусловно выгоднее быть на стороне противника, чем у нас, так как они определенно деклассированный элемент... Некоторые к-ры эскадронов, превосходно учитывая это психологическое состояние кр-цев, находят следующий путь удержания их в наших рядах: начинают заниматься мародерством, грабежами, наложением контрибуций и т. п. для обеспечения своего эскадрона и самого себя.

В августе перешло с оружием на сторону басмачей до 50 чел.: 1-й эскадрон, наиболее мародерствующий, разоружен.

2-й Фертермускавполк... нужно определенно сказать, что за весь четырехмесячный срок формирования сделано очень мало... Полк несет охрану своего района (Узгенская и Кугартская долины) от нападений Курбаши Муэтдина. Назвать его полком нельзя, так как до сих пор не взяты на учет красноармейцы и оружие, влияния нашего в полку нет, эскадроны разбросаны далеко по горам, командиры эскадронов—старые Курбаши, снабжение полка в некоторых районах производится старым басмаческим способом...

Кроме командира полка тов. Кужелло (старый Ферганец) и военкома полка тов. Файзы (член Турцика), политработников в полку нет и политработа не ведется.

Благодаря осторожной и тактичной линии, взятой в этом полку, „к нему присоединились все мелкие киргизские Курбаши Кугартского, Присуйского и Узгенского районов“.

Осенью 1921 года, после расформирования 1-го эскадрона и под влиянием расстрела Алиара-Курбаши Карабай, бывший командиром 2-го эскадрона—ушел к басмачам, напал на русских, оставшихся от разоруженных 1-го и 3-го эскадронов и уведя 175 человек с 2 пулеметами. Одновременно же и вождь 2-го мустеркавполка об'единился с Муэтдином и вновь рухнула попытка создания регулярных частей из коренного населения.

Стало наконец всем ясно, что, за отсутствием комсостава и подготовленных кадров, мобилизация невозможна, а что прием на советскую службу профессионалов басмачей приводит неизменно к самым отрицательным результатам.

Переговоры с главнейшими басмачами, веденные осенью 1921 г. впервые дали возможность серьезно оценить состояние и внутренние противоречия басмаческого стана, а политическая подготовка лиц, ведших переговоры, обеспечила возможность впервые сделать и правильные выводы.

Эти выводы запечатлены в мартовском (1922 г.) обращении комиссии ВЦИК по делам Туркестана и Турцика „Ко всем Курбашам и басмачам". (Приложение № 11).

С чувством глубочайшего удовлетворения читаются всеми изучившими басмачество и практически с ним боровшимися следующие решительные строки: „Никаких Советских Курбашей и Советских басмаческих отрядов".

Что же касается до способов превращения борьбы с басмачеством в борьбу общенародную, то кроме основных мероприятий политического и экономического характера—приступлено к организации красной вольной милиции и самообороны, основанной на принципах:

1) вспомогательная организация, а не регулярная армия;

2) территориальность комплектования и содержание за счет населения;

3) круговая порука сельского общества за избранного, обмундированного и содержимого бойца;

4) подчинение полевому командованию только в оперативном отношении.

Не входя в оценку вновь принятой системы по существу, можно констатировать лишь факты успешной работы новой вооруженной силы и устойчивости ее в смысле отсутствия переходов на сторону басмачей, с которыми бойцы милиции ведут борьбу не на жизнь, а на смерть.

ГЛАВА VIII.

Переговоры.

Рассмотрим решающее влияние переговоров осени 1921 г. Вообще переговоры служили басмачам для выигрыша времени и для подготовки какой-либо новой операции. Наше же командование также придавало переговорам большое значение, так как они создавали возможность внести разложение в ряды противника.

В первый период прихода центральных войск ими широко применялся метод частных переговоров, дававший такие блестящие результаты во время гражданской войны в России. Но по ранее разобранным мотивам эти частные попытки успеха не имели.

Правда, иногда небольшие отряды басмачей переходили к нам, но исключительно с целью отдыха и пополнения боевых запасов. Масса населения сверху до низу представляла единый фронт—противорусский, противосоветский.

Но по мере изменения сущности басмачества, после поражения эмира и провозглашения Бухарской республики, под влиянием утомления, озлобления против басмаческих поборов, а главное после новых веяний в политике центр. (проведение НЭП), единый фронт раскололся.

К этому же периоду—весне 1921 г. надо отнести и усиление внутри басмаческой розни национальной между киргизами и сартами, феодальной между плотно осевшими в своих уделах курбашами и честолюбивой склоки между наиболее сильными Ширматом и Муэтдином за главенство.

Весна 1921 г. привела к переходу Джаны-бека с киргизами Кугартского и Узгенского района как следствие разрешения в их пользу вопросов землепользования и выселения колонизаторских поселков. Брешь эта усилилась путем создания из Джаны-бековских отрядов самообороны против Муэтдина (база его Иски-Наукат и Кичик-Алаи). Что в свою очередь уронило значение Муэтдина и привело к усилению влияния Ширмата, которому подчинилось все долинное басмачество.

В то же время свобода торговли резко оттолкнула от басмачей все влиятельные торговые элементы. Город и базар мечтают только о наживе. До них доходят слухи о возрождении ташкентского купечества, о его крупных барышах. Стремление к наживе властно захватывает

баиские круги, которые немедленно примиряются с Советской властью, как только она перестает давить на их карман. Басмачество же разоряет кишлак, запрещает подвоз к базарам, накладывает контрибуции, истощает покупную и производительную способность кишлака и аула. Вот маленькие примеры: „Пятидесятнику Матаджанбаю от командира войск ислама Шакира-Ходжа-Гази экстренное распоряжение: Предписываю Ахундбаю-Иликбаши к вечеру понедельника приготовить в пользу войск ислама один миллион руб. Место печати", или „Приказ пятидесятнику Тохтасуну. На основании распоряжения господина Исраил-бека-Гази предлагаю вам немедленно собрать с жителей баиского класса 300.000 р. и предоставить в пользу мусульманских аскеров. В случае промедления их в присылке, подвергну вас строгому наказанию. Приложил печать Командующий аскерами Казак-Бай".

Такие распоряжения сыпались на голову населения десятками. А с другой стороны части войск и продорганы нещадно собирают и разверстку и налог; зарегистрированы случаи, когда фуражировочные отряды забирали в „счет налога" до 200% надлежащего сдаче количества.

Утомление народных масс становилось все более и более серьезным фактором. Его отлично использовало и учло духовенство, „улема", своими экономическими интересами всецело связанное с чающими спокойствия и барышей торговыми кругами. Вот что говорит доклад Политотдела Ферганской группы: „Это превосходно учитывается духовенством, которое, дабы не оторваться от населения, определенно поддерживает нас, предлагая даже свои услуги для пропаганды наших требований".

Руководители басмачества к осени 1921 г. почувствовали, что их положение пошатнулось: лозунги защиты шариата, ислама, автономии значительно потускнели под влиянием неприглядного грабежа „войск ислама". Желание передышки, возможности реализовать урожай высказывалось населением все решительней и решительней.

Выпустив в конце июля ряд широковещательных и наполненных самыми фантастическими сведениями прокламаций (смотри приложение № 12) Ширмат в первых числах августа соглашается на ведение переговоров.

Руководители басмачества полагали необходимым широко выдвинуть вопросы защиты шариата, внутреннего уклада жизни, автономии и т. п. и, расчитывая на отказ представителей власти, надеялись вновь найти поддержку у населения. С другой стороны они расчитывали оставить за собою выгодное для них положение „советских" курбаши, что при сохранении оружия и признании принципа „невывода" оставило бы им фактическую власть над населением. Участник переговоров, член РВС Фергруппы, тов. Березин весьма метко и правильно оценивает затаенную мысль Ширмата в следующих словах: „Переговоры не означали капитуляции басмачества. Это есть с их стороны попытка мирно врасти в общественный организм Ферганы, попытка легализовать свое положение. Для них не важна организация власти, вернее, всякая власть есть враждебная им сила, так как всякая власть будет с ними бороться, не давать им жить за счет населения. Поэтому вопросы высшего порядка мало интересовали басмачей, а главным был вопрос о сдаче оружия, т.-е. о том, будет ли в дальнейшем, правда, под другой вывеской, существовать этот паразитический нарост на теле Ферганы".

Во всяком случае выигрывалась передышка для населения, хотя бы на время переговоров, что важно для реализации урожая.

Обстановка была учтена. Об'единенное заседание Комиссии ВЦИК и РВС Туркфронта 15 августа 1921 г. вынесло историческое решение о переговорах, составившее поворотный пункт в истории ферганского басмачества и всего Туркестана. (Смотри приложение № 13).

Переговоры были обставлены весьма торжественно. Прибыли из Ташкента т.т. Иоффе (член Турккомиссии), Тюрякулов (ЦККПТ), Рахимбаев (Турцик) и, сопровождаемые командующим Ферганской армейской группой тов. Зиновьевым, с военными и политическими представителями выехали навстречу Ширмату и его влиятельному сподвижнику Алиару.

Предварительно был проведен ряд совещаний с представителями духовенства и торговой интеллигенции в Коканде, на которых достигнуто соглашение по вопросам известных уступок по вакуфам, суду казиев и т. п.

Мероприятия эти, предполагаемые в виде опыта в Фергане, должны были окончательно поколебать авторитет басмачей, якобы защитников шариата и выявить перед всей массой населения, что заранее предполагаемый срыв переговоров произойдет вследствие эгоистического отказа курбашей сдать оружие и обратиться к мирному труду.

Духовенство несомненно жаждало вновь обеспечить себе источники дохода и свое положение в суде; басмачи в этом вопросе не считались с мнением улемы и назначали казиев сами, по своему выбору: „Чимбагищскому старшине. Приказ. Настоящим извещаю всех пятидесятников и приказываю, согласно приказа главнокомандующего мусульманскими отрядами, воинственного Ширмат-бека, назначен народным судьей мулла Абдул-Карим, мулла Магомет-Назар-Ахубунов, который будет разбирать дела по шариату. О чем извещаю все население, чтобы обращались к народному судье. Аскар-Алия. М. п. Паитского управления".

Переговоры, как и ожидалось, начались с принципиальных вопросов, выгодных для басмачей. Вот что гласит телеграмма т. Тюрякулова от 4 сентября о результатах переговоров 2-го сентября.

„Во время переговоров выяснилось, что центральным вопросом, на котором должно было произойти столкновение различных точек зрения, явился вопрос не о шариате и автономии, а об оружии. Так или иначе, но басмаческое духовенство и буржуазия вынуждены были пытаться разбить нас на вопросах о национально-культурной автономии всего Туркестана, неприкосновенности шариата, восстановлении суда и юстиции по шариату, частной собственности, права наследования и т. п. вещах.

Полагаю, что, разбив противника по всем этим пунктам и начав сейчас же после переговоров политическую кампанию среди утомленного войной населения в пользу мира и хлеба, мы добились политической изоляции басмачества от влиятельного духовенства. Во время его переговоров представители его были даже удалены из совещательной комнаты по требованию Куршармата.... я считаю, что вопрос о разоружении сам по себе не является для нас главным, а нашей главной задачей было политическое разоружение басмачества, чего мы и добились.

Независимо от исхода переговоров, необходимо произвести решительно, в самом спешном порядке, целый ряд политических и организационных, грубо говоря, переворотов в области советского строительства Ферганы и сейчас же усилить до максимума военную борьбу с басмачеством". В тот же день последовал ответ из Ташкента, в котором тов. Томский, председатель комиссии ВЦИК по делам Туркестана, полагая, что все „в общем правильно и благоприятно", вносит следующие коррективы: „Вопрос о разоружении продолжаю считать основным, что подтверждается и отношением басмачей к этому вопросу. „Семейное право" и „шариат" введен лишь для тех, кто пожелает судиться по нему. Выборность беспартийных народных судей провести немедленно, как демонстрацию, против вакуфов нет возражений, при принятии соответствующих мер против их расширения.... Широко опубликовать заключение нами мирного договора с Афганистаном, упоминая о мирном договоре с Англией. Непременно осторожное отношение к населению и отмена бестолковых арестов. Непременно свобода торговли и право перевоза имущества, скота и проч."

Мы видим, что переговоры привели к реальным результатам: они расслоили единый до сего фронт противников Советской власти и привели власть к правильным мероприятиям, вполне отвечающим действительной обстановке и поставленной цели. Вырвать опору населения из под басмаческого здания можно только путем привлечения населения на сторону власти.

Если городской житель, торговец и кустарь ободрились при НЭП, если декханин рано или поздно почувствует выгоду продналога, то влиятельное духовенство и либеральная полуинтеллигенция и буржуазия удовлетворены сделанными уступками. Басмачество остается в воздухе: ему некого „защищать"—все подзащитные уже удовлетворены.

Неудача переговоров по вопросу о разоружении ставила определенно задачу решительного военного нажима на долинное басмачество Курширмата. Естественно, что явилось вполне целесообразным использовать национальную вражду киргизских отрядов Муэтдина, тем более, что начало уже было положено путем присоединения к нам Джаны-бека и формирования из его отрядов 8-го Фер. Тер. Мускавполка.

Раскол между Муэтдином и Джаны-беком об'ясняется тем, что первый, представитель рода Ичкилик, а Джаны-бек—глава рода Отузоглы, имеющий традиционное родовое преимущество у ферганских кочевников киргиз. Поэтому для Джаны-бека подчинение Муэтдину, авантюристу с темным прошлым невыносимо по двум причинам: унижение своего первенствующего рода и личная гордость, как фактического главы своего племени.

Муэтдин в свою очередь нуждался в передышке и в восстановлении своего престижа равно не прочь был свести счеты с Ширматом, подчиненные курбаши которого нарушали границы „владений" Муэтдина.

10 сентября состоялась встреча т. Тюракулова и Муэтдина и на следующий день переговоры были оформлены на ст. Горчаково, причем согласно гелеграммы Тюракулова содержание соглашения вкратце следующее: „Муэтдин-бек признает Соввласть и безусловно подчиняется ее распоряжениям".

Советская власть—власть трудящихся, стремящихся к осуществлению трудовых прав народа, согласно чему шариат сам по себе неприкосновенен. Общая амнистия муэтдиновцев и невывод их из Ферганы.

Свободный товарообмен и мелкая торговля на рынках, продналог снимается в Муэтдиновских районах по выяснению состояния совместно с представителями населения. Муэтдину предоставляется возможность доказать искренность путем прохождения предварительного искуса....

Этот факт произвел колоссальное впечатление, особенно при встрече муэтдиновцов с куршырматовцами. Среди рядового басмачества, успевшего вкусить удовольствие мирной жизни при домашней обстановке—брожение. Политическая единая антисоветская фронда разбита по двум центробежным силам". Переговоры выявили:

1) Отсутствие единства в басмаческом лагере.

2) Миролюбивое настроение Алиара, по настоянию которого Ширмат не прервал переговоров 28 августа, а протянул их еще до 2 сентября.

3) Личную ограниченность Ширмата, всецело находящегося под влиянием окружающих его советников, определенно буржуазного происхождения.

4) Возможность соглашения с муэтдином.

Ширмат несомненно был вынужден на переговоры общим настроением кишлака; попытка удержать свой престиж не удалась, пышные лозунги и требования оказались ударом по воздуху, т. к. нашими предложениями были предвосхищены. Остались неприкрытые уже шкурные интересы Ширмата и его „кадровых" басмачей, не желающих отказаться от паразитического существования за счет обираемого населения. Кто же удержал Ширмата на непримиримой позиции. Все те же, старые наши знакомые: бывш. кокандские автономисты, разоренные Октябрьской революцией крупные собственники, для которых НЭП является несущественной мелочью, деклассированный элемент, бывшие чернорабочие хлопковой промышленности не имеющие связи с землей, для которых басмачество стало ремеслом, вне которого неприкрытая уголовщина или голодная смерть, наконец оставшиеся за бортом „советские" работники шовинистического толка (Джуназаков и проч.) пытающиеся возродить басмачество в виде национально-политической силы времен Мадамин Бека.

Окончания распри мирным путем добиться не удалось и вновь пущено в ход оружие—комбинированной операцией против Куршырмата, с участием отрядов киргиз муэтдиновцев.

Ферганская область об'явлена с 13 сентября на положении чрезвычайной охраны, и вся власть и руководство борьбой с басмачеством переходит исключительно командующему Ферганской Армейской группой войск. Особым циркуляром (приложение № 14) Реввоенсовет фронта преподает командному и политическому составу группы ряд руководящих указаний. „Всем работникам Красной Армии нужно твердо помнить азбучную истину гражданской войны (а особенно партизанской), каковой является война в Фергане, и к тому же в своеобразных условиях, что без поддержки населения Красная Армия ничего не может сделать... Наша главная задача—добиться полного доверия туземного трудящегося населения, поднять в его глазах авторитет, как Красной Армии, так и Советской власти".

Итак—вновь брошено басмачество на весы военного счастья. Ширмат поставлен в трудное положение. Он политически разбит и изолирован, ряд слоев населения от него отшатнулось, спасительные предгорья и горы для него закрыты—на севере—Рахманкулом, на востоке—Джаныбеком, на юго-востоке—Муэтдином. Его ближайший помощник Алиар вызывает неуверенность и даже заключает сепаратное соглашение с Совластью, перейдя на сторону Красармии с 300 джигитов и обязательством держать нейтралитет.

Вся полнота власти сосредоточена в руках Комбойск группы—казалось бы условия в высшей степени благоприятны для несения действительно сокрушающего удара.

Но мы знаем, что его не последовало, что он пришелся по воздуху и что шайки Ширмата и через год после переговоров все еще отравляли спокойствие измученного населения.

Для достижения военного успеха необходимо иметь боеспособные части, это особенно важно в малой войне, где части войск раздроблены на небольшие отряды и где энергия, знания и мужество младшего начальства и рядовых бойцов играют главную роль.

Каково же было состояние войск?

Чтобы не быть голословным, приведем свидетельство документов. В докладе от 10 сентября 1921 г. № 449/с Начнофергруппы говорит:

„В конце августа, в первых числах сентября, я совместно с членом РВС тов. Березиным производил обследование частей на месте и ознакомление с той обстановкой, в которой живут или вернее прозябают наши красноармейские части.

Приведу один из характерных примеров. Гарнизон „Зеленый мост“ на жел.-дор. линии Андижан—Наманган 5 рота 17 т. стр. п. По списку 22 человека, налицо 11 чел. стрелков и пулемет с 9-ю людьми. Больных один (считается только тот, кто не может совершенно подняться с постели—половина болеет малярией).

Остальные хотя и больны, но службу не оставляют. Гарнизон имеет шесть постов (в том числе один наблюдатель).

В наряды ходят бессменно, в том числе каптенармус, письмоводитель, политрук. Ротный командир бессменный дежурный по „гарнизону“.

Рота совершенно оторвана от внешнего мира, разведка ходит редко, через нее и поддерживается связь с Андижаном. Гарнизон стоит бессменно пять месяцев. О какой-либо широкой политработе говорить не приходится; едва хватает времени прочесть газету, которая туда попадает редко, вследствие плохой связи.

Обуви у большинства кр-цев совершенно нет, половина ходит разутой, другая в каких то опорках.

Шинелей также нет ни у одного. Ночи стоят весьма холодные. Белье тоже почти все порвалось. Красноармейцы производят своим видом весьма грустное впечатление.

А таких гарнизонов, как этот—большинство. Группа фактически разута: 50% совершенно не имеют какой бы то ни было обуви, 25% имеют на ногах какие то опорки, перевязанные тесемочками и веревочками, 25% и то с громадной натяжкой—имеют более или менее сносную обувь. Шинелей нет, зимнего обмундирования тоже нет, летнее поизносилось, в белье ощущается громаднейший недостаток.

В продовольственном отношении дело обстоит не лучше, чем с обмундированием, бьемся изо дня в день, запасов в частях никаких нет, овощей совершенно не получают, мясо тоже большая редкость.

Красноармейцы два месяца не получают жалованья благодаря отсутствию денежных знаков. В частях громаднейший некомплект, полки занимают громадные участки 10—15 гарнизонами. Управление и руководство со стороны полкового аппарата совершенно выпадает, связь между частями весьма слаба".

Доклад о состоянии снабжения войск Феробласти на 1 октября 1921 года гласит: „Принимая во внимание ранее выданное обмундирование и обувь, обеспеченность частей войск в процентном отношении выразится так: шинелями 60%, полушубками 10%, бельем 80%, обувью 75%. Сведения эти составляют результаты книжных цифр, в действительности процентная обеспеченность частей безусловно ниже... Все кавалерийские части снабжены на 75% седлами казачьего и сартовского образца, которые для верховой езды совершенно непригодны вследствие плохого качества материала. Денежным довольствием части удовлетворены за сентябрь 50% и за октябрь 20%. Острый недостаток в частях ощущается в запасных частях к пулеметам и винтовкам, штыках и шомполах, недостаток которых выражается примерно в 25%".

Политсводка за июль дает следующие данные: „дезертировало за месяц 13 человек, наблюдался также переход к басмачам с оружием: 7 человек комсостава и 1 красноармеец. Отношение населения к кр-цам в ряде местностей враждебное.

...В пехоте снабжение продовольствием и фуражем неудовлетворительное, были случаи неполной выдачи. В коннице снабжение продовольствием среднее, фуражем же в частях находящихся в операциях среднее, а в гарнизоне—плохое. С 1 мая по 1 августа пало 200 лошадей. Боеспособность красноармейцев и комсостава удовлетворительная в стрелковой дивизии ниже, на ней отражается недостаток продовольствия и обуви".

Тяжелая картина. Отсюда ясно, как бесконечно трудно обойтись без реквизиции „в счет продналога" и каких усилий должно стоит выполнение директивы РВС: „Необходимо внимательное, предупредительное отношение к кишлачному населению, безусловное недопущение каких бы то ни было насилий, мародерства, бандитизма, со стороны наших частей".

Войсковая масса усталая, не имеющая отдыха, разбросанная мелкими отрядами среди чуждого ему по языку и обычаям населения, полуодетая и живущая в буквальном смысле слова впроголодь—лишена к тому же своевременной политической обработки. Политруков налицо около 40% и то удовлетворительных только 10%. Военком далеко, свой низший командир невольно заражается общим настроением.

Противник, зная удрученное состояние войск, не упускает случая подействовать на них разлагающе. (Прилож. № 15 и 16).

Немудрено, что масса рассматривает борьбу с басмачеством как войну „русских с сартами". Ведь так определенно смотрит противный лагерь. А пока, политическое поражение и „изоляция" басмачества проникнет в недра кишлака—у красноармейца полное впечатление „единого противосоветского фронта", ему противопоставленного.

Басмачи нападают на каждый малый отряд. Выйти за дровами, за фуражем, за водой нельзя. Надо идти целыми партиями и ожидать нападения отовсюду, не исключая и мирных жителей.

В апреле 1921 года исполком села Гава отпустил 20-му Турк. стрелковому полку мясо, отравленное анашей. Пострадало свыше половины полка; благодаря своевременно принятым мерам, смертельных случаев не было. Одновременно произведено нападение басмачей — отбитое здоровыми бойцами. В результате отношение кр-цев 20-го стр. полка к населению враждебное, населения к частям скрыто-враждебное. (Политсводка за 8—15 апреля 1921 г.).

Настроение Н кавполка рисуется так: „3-й год без отдыха, угнетенное настроение, кр-цы угрожают дезертирством"... „35% наличного состава больны", 90% пополнения неграмотно, в обозе N бригады по штату 435 лошадей и 188 повозок, а налицо 14 и 4, когда же мы выйдем из этих проклятых кишлаков?"

Нравственное напряжение в борьбе с сокрушающими условиями падает у самых сильных. Донесение о самоубийстве военкома кавэскадрона указывает следующие причины: „оно вызвано мародерством и безобразием, происходящими в части, чего натура его не терпела и не перенесла". Самоубийство ад'ютанта N бригады вызвано „возложенными на него, как на добровольного работника, непосильными работами".

Прибавим к этому сеть басмаческого шпионажа, буквально опутавшую каждый гарнизон (с 29 на 30 октября 1921 года за шпионаж, скупку оружия и патронов расстреляно 20 человек)—и мы получим яркую картину испытаний многострадальных частей Красной Армии Ферганского фронта.

ГЛАВА IX.

Заключение.

Мы разобрали все факты постепенного зарождения и развития басмачества и, опираясь на многочисленные документы, дали оценку всей системы борьбы с басмачеством.

По нашему убеждению, на правильный путь мы вышли только после того, как в процессе переговоров окончательно выяснили все основные причины сочувствия населения басмачам и, не побоявшись сделать политико-экономическое отступление, решили во что бы то ни стало выбить из-под басмачества этот фундамент. (Прилож. №№ 17, 18).

Этот шаг совершенно правилен и с военной стороны, так как ликвидация отрядов, ведущих малую войну, возможна только при активном содействии самого населения.

Только вкратце остановимся на событиях 1922 г., так как еще нет возможности окончательно об'ективно оценить их.

Басмачество с весны 1922 г. пыталось стать под новое знамя, которым рассчитывало поддержать свой сильно поколебленный авторитет. Это лозунг панисламизма—лозунг, брошенный Энвером-пашей.

Вдохновитель восточно-бухарских повстанцев, бухарской контрреволюции, беспорядков в Самаркандской области—Энвер не мог не обратить внимания на догорающий уже ферганский очаг. Услужливые иностранные радио не раз предвосхищали в своих сообщениях планы Энвера, якобы занявшего Скобелев и наступающего на Коканд. Мы знаем, что до этого не дошло и что под Байсуном на границе между Восточной и Западной Бухарой Энвер был разбит и затем окончательно добит лихой Красной конницей в горных трущобах, где в бою 4 августа сложил свою голову. На Фергане существенно его влияние не отразилось, но можно с уверенностью сказать, что если бы Энвер начал свою авантюру с весны 1921 года, когда массы ферганского населения активно еще поддерживали басмачество, результат был бы другой, гораздо более опасный для Советской власти в Туркестане.

Вырождение идейного басмачества в простое, закоренелое разбойничество—широкое усвоение этого взгляда массами коренного населения составляет крупнейшую победу на басмаческом фронте с 1918 г. по 1922 г. И победа эта одержана комбинированными военно-политическими мероприятиями.

Население стало активно помогать Красной Армии. Красной Армии осталась трудная и почетная задача—помочь истощенному населению окончательным уничтожением шаек профессионалов-грабителей.

Басмачество завершило свой круг. Начавшись разбойничеством, перейдя постепенно стадии: борьба за автономию, контр-революцию, народное восстание, панисламизм, оно вернулось опять к профессиональному разбойничеству.

Всякая идейность от басмачества ныне отпала. Остались преступники, с которыми следует поступить, как с преступниками: возможно скорее и решительней из'ять их из среды мирного населения.

Одной механической борьбы с разбойничеством мало. Необходимо было создать такие экономические условия, в которых оно не могло бы иметь места, которые бы лишили его притока живой силы.

Вспомним, что первым толчком, бросившим массы безработных в ряды басмачей, был крах хлопководства. Возобновление хлопковой культуры в Фергане даст вновь возможность вернуться к производительному труду множеству разоренных и обнищавших дехкан, составляющих еще и по сейчас не малую часть басмаческих отрядов.

В этом отношении весьма знаменателен доклад тов. Сафонова (первый комферфронтом 1919 года) на 1-м с'езде Экосо Туркреспублики, где он выступал в качестве представителя Семирстройки (Семиреченской желдороги).

„История точно устанавливает, что жизнь Ферганы была сплошь заполнена басмачеством и это явление прекратилось потому, что появилось промышленное хлопководство, которое повысило трудоемкость площадей густо населенных земледельческих районов Ферганы".

Заслуживает не меньшего внимания и доклад Хлопкома на том же совещании: „Без восстановления хлопководства Туркестанское хозяйство не будет восстановлено и с басмачеством не будет покончено. Дехкане начнут сеять хлопок лишь после того, как получат хлеб в количестве, превышающем урожай их собственных участков по ценам в 2 с половиной—3 раза дешевле, чем хлопок".

К этому можно прибавить, что подвоз хлеба из России вряд ли осуществим в ближайшие годы, почему решающее значение играет скорейшая достройка Семиреченской железной дороги, для обеспечения Ферганы собственным туркестанским хлебом.

Так, явление, представлявшееся в течение нескольких лет, как продукт религиозных, политических и национальных причин, при детальном его исследовании оказывается всецело основанным на причинах экономических и социальных.

Кто не захочет этого понять, тот долго будет вести „решительные операции" и „ударные кампании" без полезных результатов.

Приложения.

Приложение № 1.

Туркестанские Ведомости (орган Совнаркома) от 12/25 декабря 1917 г., № 192 (254). Местная хроника.

К предстоящей манифестации мусульман 13 декабря.

„На состоявшемся совместно заседании Совнаркома и Исполкома, обсуждая вопрос о предстоящей манифестации мусульман по поводу об'явления Кокандским с'ездом автономии Туркестана, СНК и ИК, приветствуя автономию, как одно из завоеваний революции, считает все же, что пока не закреплены завоевания революции и самой революции угрожает опасность со стороны контр-революционных сил, а следовательно, и опасность самой автономии Туркестана, власть в крае должна быть сосредоточена только в руках революционной демократии, т.-е. Советов, Р. С. и К. Д., и никакая другая власть допущена быть не может.

СНК и ИК решили принять самое деятельное участие в манифестации.

В виду возможных провокационных выступлений со стороны безответственных лиц СНК и ИК постановили, что манифестация должна ограничиться только туземной частью города".

Приложение № 2.

Доклад Сали Макзума Азмеджанова, личного друга и помощника Мадамина, видного курбаши, сделанный им в августе 1921 г. командованию Туркфронтом.

„В конце 1917 года группа буржуазного элемента об'явила автономию Ферганы, выбрав своей резиденцией гор. Коканд. Вокруг автономного правительства Ферганы сконцентрировались все мелкие шайки разбойников, действовавших в Ферганской области, во главе которых стал некто Иргаш, который и положил начало нынешнего басмачества.

В это время я с Мадамин Беком Ахмедбековым были выбраны начальником (Мадамин) и помощником (я) мусульманских отрядов гор. Старого Маргелана, каковое назначение последовало 1 марта 1918 года. Более 10 месяцев служили мы верой и правдой Соввласти, беспрерывно дерясь с противниками власти во главе с Иргашем.

В это время комиссаром в ст. Маргелане был тов. Сугробов, который рядом нетактичных шагов, беспричинными расстрелами и арестами, конфискациями и реквизициями, переходящими в открытый грабеж, опечатанием мечетей и священных книг в высшей степени настроил против себя все население, и мы с Мадамин Беком, считая невозможным работать при подобной обстановке, сдав оружие Соввласти, решили ни во что не вмешиваться и заняться сельским хозяйством. Но нас в покое не оставили, и, разграбив все наше имущество, Сугробов и помощник его Семенов сожгли наши дома.

Решив, что власть нам житья не даст и озлобленные против действий власти, мы организовали отряд и начали с этого момента борьбу с подобными представителями власти. Население целиком было на нашей стороне, т. к. власть рядом действий продолжала настраивать против себя, и население видело в нас своих защитников.

В течение трех месяцев наш отряд достиг 1000 человек. Таким образом, в образовании басмачества в крупном размере целиком виновны тогдашние представители власти, которые, незаконными действиями восстановив против себя население, создали ложный взгляд у него на власть Советов, считая ее угнетателем и врагом мусульманского народа, и нас с Мадамином, служивших Соввласти, сделали главарями повстанцев.

Против нас начали действовать правительственные войска, представлявшие из себя в то время плохо сорганизованные партизанские отряды и „армянские дружины", зачастую избегавшие столкновений с нами и главным образом занимавшиеся грабежами мирного населения, насилием женщин, поджогами и проч., и благодаря таким действиям в короткое время вся Фергана об'ята пламенем восстания. Такие большие торговые центры, как Шаарихан, Балыкчи, Тода, Кокан-Кишлак, Сузак, Базар-Курган, Ош и проч., были уничтожены огнем. Такие меры борьбы безусловно не могли иметь успеха, и отряды повстанцев увеличивались как снежный ком, привлекая в свои ряды всех угнетенных, ограбленных, родственников убитых и др... С начала войны мы держали в городах своих агентов, которые наблюдали за действиями власти, и к концу 1919 года, когда Туркреспублика соединилась с центром, мы заметили резкую перемену политики и оздоровление местной власти.

Начиная с середины февраля мы, по предложению Красного Командования, начали мирные переговоры, и 2 марта был заключен мир, на условиях полной амнистии участникам восстания, неприкосновенности религии, шариата, землепользования и торговли.

Мадамин Беку Ахмедбекову и мне удалось в короткий срок об'единить все мелкие басмаческие шайки и подчинить Соввласти, при чем некоторые ненадежные отряды были обезоружены. Только один главарь шайки Куршермат не подчинился приказу Мадаминбека и ушел в горный район Караул, Дараут-Курган, Алайская долина.

С заключением мира Мадамин Бек был вызван в г. Ташкент, где, представившись власти, полный надежды в успокоении Ферганы и верой в власть, вернулся в Фергану и сейчас же поехал в горный район, с целью уговорить Ширмата подчиниться власти и водворить мир и успокоение среди разоренного населения Ферганы. Но Ширмат и Халходжа отказались подчиниться, предательски захватили в плен Мадамин Бека и умертвили его, как изменника.

Власть, не веря в смерть Мадамин Бека и думая, что он опять ушел к басмачам, частью обезоружила в конце мая отряд Мадамин Бека, часть же во главе со мною вынуждена была бежать до выяснения правды, но правительственные войска, преследуя меня, рассеяли мой отряд и я с частью джигитов явился в Скобелев и сдал оружие... В дальнейшем, после перехода отрядов Мадамин Бека на сторону власти, одним из факторов развития басмачества послужило изменение политики правительства в середине 1920 года, выразившееся в закрытии базаров, хлебной разверстке, установлении реквизиционных цен, а также в поголовной мобилизации мусульманского населения, проведенной в высшей степени неумело, в результате чего отряды басмачей увеличились притоком новых сил и даже мусульманские части, верой и правдой служившие Соввласти (Ахунджан и быв Кара-Киргизский полк), начали разбегаться и усиливать шайки басмачей".

Подпись на узбекском языке

Мухамед Салих Макзум Мухомеджанов.

(Дело № 35 за сентябрь 1921 г.
Опер. Отдела Опер. Упр. Штаба Т/Ф).

Р. С. Ф. С. Р.
9/XI—19 г.
№ 1676.

Приложение № 3.

Председателю Уездного Исполкома Дадабаеву.

Препровождая при сем прошение сартянки Турун-Биби, РВС просит Вас дать по существу этого прошения подробное об'яснение и с таковым возвратить в Реввоенсовет.

Член РВС Слепченко.
Управделами Левашев.

В Р.В.С. Ферфронта.

Сообщаю, что ясно не помню, 9 или 10 месяцев тому назад некоторые граждане мусульмане гор. Скобелева между собою говорили, что по указанию агента Штаба Фронта Мирза Махмуд Кары Абду Кадырова взяг в крепость Улук Бек Бенбаев, где он и был расстрелян. После расстрела жена его обратилась ко мне с заявлением, что мужа в крепости расстреляли и конфисковали наше имущество. Между прочим, жена покойного Бекбаева-Ирматова в то же время говорила, что муж ее взят агентом Абду Кадыровым по злобе, т. к. всем известно, что месяцев пять—шесть тому назад мусульмане ни малейшим доверием не пользовались и достаточно было кому-нибудь указать, что вот этот человек из разбойничьих банд, чтобы этот человек был взят в крепость и там расстрелян. Покойный Бекбаев по роду был извозчик и, могу сказать, один из самых благонадежных тружеников. Он убит из-за личных счетов гр. Уста Камила Атабаева, как мне заявила Ирматова.
10 ноября 1919 года.

Председатель Уездгорревкома Дадабаев.

Военная секция Цуардел.

Дела уполномоченного РВС по Фергане т. Брегадзе.

Приложение № 4.

Из деятельности крестьянской армии.

К-ру и Совету 4-го отряда.

21/VII—1919 г.

1) Сейчас же выслать в Джелалабад 2-х человек для связи (наблюдать).
2) Сейчас же выслать в Ивановское 50 человек, дабы быть готовым защищать свои и другие поселки. Если мы покажем свою силу, может все обойтись благополучно. В Джелалабад прибыло около 450 красноармейцев. Положение серьезное.

Команд. армией Монстров.

Прибыли для ареста штаба и разоружения армии.
Записка на клочке бумаги написана собственноручно, карандашом.

Приложение № 5.

Чрезвычайно экстренно.

Из деятельности крестьянской армии.

Командиру 4-го отряда.

Сегодня в полдень большевики сделали изменническое нападение на село Куршаб. Большевистские отряды, подойдя к Куршабу и видя, что там ведется охрана сторожевыми постами, завели переговоры с этой охраной, а тем временем зашли в тыл и открыли по отряду огонь. Открылась сильная перестрелка, в начале которой один солдат 9 отряда, Степан Мулин, был убит и несколько человек ранено. Дальнейшее неизвестно. Силы противника точно так же неизвестны.

В Джелалабаде имеется лишь небольшая часть 3-го полка, послать в Куршаб некого, т. к. на станции Султанабад также стоит до 300 человек большевистских войск.

Поэтому приказываю:

Всех солдат 2-го и 3-го полка в полном боевом вооружении и с запасом белья выслать в Джелаль Абад немедленно.

Помните, что если мы сдадим Куршаб—могут быть разгромлены все поселки. Противник берет только нахальством и обманом, но если мы не соберем своей силы—он может нас разгромить.

Наша новая союзница, мусульманская армия, ушла, получив специальные задачи, и скоро возвратить ее нельзя и только небольшая часть ее послана в сторону Курбаша, что недостаточно, и поэтому необходимо выслать людей, как я приказываю.

Приказ этот прочесть отряду перед строем. Выслать людей в порядке, в строю, при старших.

В этот серьезный момент промедления и малодушия не должно быть.

Командующий армией Монстров.

Начальник Штаба Десятков.

Ад'ютант Кравцов.

3 сентября 1919 г.
Джелаль Абад, 12 ч. ночи.

Приложение № 6.

Приказ по Народной Армии

10 сентября 1919 года.

№ 73.

От командующего войсками Народной Армии Монстрова.

Я получил сообщение, что Гульчинский отряд в числе 150 человек с пулеметами и бомбометами перешел на нашу сторону, помимо того, что было взято в Оше.

Поздравляю Народную Армию, которая своими светлыми идеями свободы привлекает к себе без боя целые воинские части с их оружием.

Закомвойсками Начальник Штаба Десятков.

За Ад'ютанта К. Наумов.

М. П. Штаба
Крестьянской Армии.

Приложение № 7.

Из деятельности крестьянской армии.

Приговор.

1919 года августа 28 дня мы, нижеподписавшиеся, крестьяне поселка Дмитриевка Андижанского уезда Ферганской области, быв сего числа на сельском сходе сорока восьми домохозяев, а всего в поселке числится 48 дворов, под председательством Военсовета Тимофея Ворошнина, помощника командира 4 отряда Якова Подобашева и сельского комиссара Кирилла Редько. Где была вычитана нам выписка из протокола Военного Совета от 22 августа с. г. (в селе Благовещенском о немедленном выступлении на Андижан в союзе с Мадамином).

Разобрав настоящее постановление, сельский сход признал его невыносимым и вызывающим всецело к братоубийственной войне, а как мы, крестьяне, заявив себя беспартийными, выполнить настоящей задачи не можем, лишь только стоять на страже самозащиты от разбойничьих банд. И просим ускорить созыв Военного Совета и увеличить число делегатов от каждого отряда и также просить делегатов от Советской власти разобрать совместно настоящее возникшее положение, вызывающее к тревоге все трудовое крестьянство, в чем подпись.

Подписи.

С приговором верно:

Дмитриевский сельский комиссар Неграм.

М. П.

Приложение № 8.

Из бюллетеня о политическом состоянии частей, расположенных в Ферганской области, за 29 мая 1920 года.

Из селения Вуадиль главарями басмачей Курширатом и Алиаром уведено населения до 200 человек, некоторые из них пытались бежать, за что были расстреляны. Положение населения печальное. Мусульмане просят красноармейцев, как можно скорей избавить их от басмачей. Из села Каптархана разбойником Ергашем под угрозой увезена и изнасилована девочка 11 лет.

Джигиты отряда Туйчи занимаются грабежами, насилиями и мародерством. Шкатуловым арестованы агенты Куршимата по скупке оружия и доставке всякого рода фуража, им же было устроено в селении Шахи-Мардан в присутствии джигитов отряда Туйчи и всего населения собеседование, на котором тов. Шкатуловым, между прочим, было предложено мусульманам отбросить боязнь басмачей и выдавать их агентов и шпионов, укрывающихся в кишлаках, на это предложение тут же были приведены 4 лошади и одна корова Алиара, затем были указаны две жены Алиара, которые просили вывести их из Шахи-Мардана, так как джигиты Туйчи намере-

ваются их изнасиловать. Кроме того, были указаны три разбойника раненых, из шайки Алиара, оказавшиеся голыми; распросами удалось установить, что их раздели джигиты Туйчи; далее население стало жаловаться на джигитов Туйчи, что они у населения забирают все имущество и зерно. после указания на ненормальность подобного поведения джигитов последние стали жаловаться Туйчи, что Шкатулов и милиционеры отбирают добычу, взятую у Алиара—двух жен и мальчика. (Последние расстреляны); что он ругает самого Туйчи и угрожает разоружением его отряда. Заявление джигитов Туйчи принял к сведению, и собрав население стал указывать, что он, Шкатулов, приехал организовать какую-то ячейку, товарищеский суд и таким путем добился того, что население, до того хорошо относившееся к Шкатулову,— тут же вдруг стало против него и согласилось на предложение Туйчи всех расстрелять, расстрел однако не состоялся, но Шкатулов и милиционеры подверглись наглым оскорблениям и издевательствам. Один из взятых Шкатуловым туземец, скрывавшийся от Туйчи, был расстрелян.

Военная секция Цуардел.

Дела военкома 2-й Турк. стрелковой дивизии.

Приложение № 9.

Обращение комиссии ВЦИК по делам Туркестана и Турк. Ц. И. К.

Ко всем курбашам и басмачам.

Четыре года уже тянется борьба между басмачами и Советской властью, четыре года население Ферганы страдает от боевых действий басмачей и Красной армии, четыре года нет в Фергане спокойствия, необходимого для правильной хозяйственной жизни, для восстановления разрушенного хозяйства, для ремонта арыков, для посевов хлопка и хлеба.

Пора положить конец этому невыносимому состоянию.

Со всех концов Ферганы поступают пожелания населения о скорейшем заключении мира. Подавляющее большинство населения сейчас против басмачей, которые мешают восстановлению спокойствия. Часть басмачей и курбашей начинают понимать непосильность дальнейшей борьбы, чувствуя потерю своего влияния среди населения и обращается к Советской власти с предложением мира.

На-днях с таким предложением обратились курбаши Муэтдин и Ислам-Кул. Они предлагают разоружить и распустить по домам большую часть своих джигитов, оставив при себе только небольшие отряды, по 60 человек, которые будут считаться на советской службе и будут вести борьбу с другими басмаческими бандами.

Комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов по делам Туркестана и Центральный Исполнительный Комитет Советов Туркестанской Республики, идя навстречу пожеланиям населения Ферганы, решили принять все меры к тому, чтобы покончить с басмачеством и добиться восстановления мира и спокойствия.

В этих видах Комиссия Всер. Центр. Исп. Комитета Советов по делам Туркестана и Центр. Исп. Комитет Советов Туркестанской Республики постановили гарантировать полную личную и имущественную неприкосновенность всем курбашам и басмачам, которые добровольно сдадут оружие Красной армии и разойдутся по своим домам для мирного и благотворного труда.

Никаких Советских курбашей и Советских басмаческих отрядов!

Такие отряды, как показал опыт, под Советским флагом продолжают свою прежнюю разрушительную работу и ложатся тяжелым бременем на мирное трудовое население. Красная армия и туземная милиция легко сами справятся с теми мелкими басмаческими отрядами, которые останутся после того, как крупные сдадут оружие и разойдутся по домам. Если Муэтдин и Исламкул, с их джигитами, не примут теперь тех милостивых условий, которые им предлагает Советская власть, то вина за продолжение военных действий падает целиком на них. И пусть помнят Муэтдин и Ислам-Кул, что большинство их джигитов жаждет мира настолько, что, покинув их и сдав оружие, разойдутся по домам, а они останутся только с русскими белогвардейцами и туземными контр-революционерами и вместе с ними, совместными усилиями трудового населения Ферганы и Советской власти будут беспощадно истреблены до последнего человека.

Комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов по делам Туркестана и Центральный Исполнительный Комитет Советов Туркестанской Республики приглашает всех курбашей и басмачей немедленно отозваться на их призыв, с тем, чтобы к наступающему весеннему посеву был восстановлен мир и обеспечено полное спокойствие труженикам-дехканам. Медлить дальше нельзя.

Советская власть приняла решительные меры к восстановлению свободы религиозных верований и обычаев населения Ферганы и она уверена, что все граждане Ферганской области окажут полное содействие ее представителям и Красной Армии в скорейшей ликвидации басмачества.

Пусть этот призыв Комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркестанской Республики будет последним призывом к населению Ферганы. Пусть этот призыв послужит началом мирного труда и процветания Ферганской области.

Да здравствует мирный труд.

Да здравствует трудящаяся Фергана.

Да здравствует Советская Власть.

Председатель Туркомиссии С. Гусев.

За председателя Турцика Тюрякулов.

Приложение № 10.

Перевод с узбекского.

Архив Путурка. 1921 г. Дело № 5. Бюллетени Подива З. Отчет Поферобл. за июль 1921 г. № 457.

Ко всем нациям в Туркестанском крае.

От командующего войсками Ислама в Туркестанском крае Ширмата Бек-Гази. 1339 года Гиджры 6-го числа. Лунного месяца Зулькада.

№ 8. ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Вам всем нациям об'являю: полученные нами со всех сторон известия гласят, что с целью удаления с лица земли большевистских названий—иностранные державы в об'единенном порядке, совершают против них грозное наступление.

1) Петроград перешел во владение иностранных держав.

2) Со стороны Сибири войска упомянутых держав вводят громадные силы.

3) Батум тоже перешел в руки иностранных держав, знамена которых в этом городе восстановлены.

4) В местности Чарджуи собираются войска иностранных держав и перейдут на территорию Бухары и Туркестана.

5) В Патта-Гиссаре [1]) собрались иностранные войска 300.000 человек, которые намерены через Бухару пройти в Туркестан.

6) В местности Мургаб появилось до 200.000 иностранного войска, которое не сегодня-завтра появится в Туркестане.

— Эй! родственники мусульмане, открывая глаза, не обманываясь ложными словами хитрых большевиков, будьте осведомлены о происшествиях в странах, как подобает правоверным.

Командующий войсками Ширмат бек Гази.

Приложил печать.

Приложение № 11.

Выписка из протокола соединенного совещания комиссии ВЦИК по делам Туркестана и Реввоенсовета Туркфронта 15 августа 1921 года.

Слушали:

Условия переговоров с вождями басмачества в связи с телеграммой зам. представителя ВЧК тов. Уншлихт от 14 августа № 22211.

Постановили:

1) Переговоры с отдельными вождями басмачей допустить и всячески использовать в политических целях.

2) Стремиться к переговорам с представителями всех басмаческих отрядов.

3) Заключение мира с басмачами и переход на нашу сторону их отрядов допускать на основе полного разоружения, что не должно исключать возможности оставления отдельным перешедшим курбашем небольшой личной охраны.

---

[1]) Около Термеза. *Прим. Д. З.*

4) Для руководства переговорами, а в случае надобности и для ведения самих переговоров командировать в Фергану по одному из членов Турккомиссии и РВС.

5) Предложить предстоящему X с'езду Советов Туркреспублики обратиться ко всему населению Ферганы с призывом прекратить борьбу с Советской властью и о даровании амнистии всем прекращающим борьбу и сдающим оружие.

6) Во исполнение п. 4 настоящего постановления командировать в Фергану т.т. Тюрякулова и Баранова.

Журнал военных действий Т/Ф. за 1921 год, стр. 9.

Приложение № 12.

Выписка из циркуляра РВС Туркфронта.

Всем командирам, начальникам, комиссарам, политработникам Ферганской Армейской группы войск.

Начатые в первой половине августа и продолжавшиеся до 11 сентября мирные переговоры с басмачами окончены. В результате переговоров с курбашей Муэтдин-беком, возглавляющим басмачество кочевых и полукочевых народностей (кара-киргиз, тюрков, кипчаков, и др.) подписано соглашение о переходе его, вместе со своими джигитами, на нашу сторону, на основании признания Советской власти и обязательства вести вооруженные действия против отрядов Курширмата, по заданиям нашего командования. С остальными курбашами, включая и самого Курширмата, соглашение не достигнуто:—Курширмат и другие курбаши из сподвижников Ширмата отказались от заключения мира на основе выставленных нами условий, не соглашаясь на наши условия, главным образом не в политической их части, а в практической, в части, касающейся вопроса об оружии. Делегация противника, во главе с Курширматом, отказалась заключить мир на основе разоружения, что дает полное основание полагать, что у наших противников не было искреннего желания прекратить вооруженную борьбу и что этими переговорами преследовались и другие цели—достичь передышки, разложить наши части, выиграть время и снова начать свою преступную борьбу. Но наши противники в своих расчетах ошиблись: их замыслы нами своевременно были разгаданы, мы обмануть себя не позволили, передышку использовали для дальнейших активных операций и—что является наиболее важным фактором всех переговоров—достигли определенных политических эффектов, Мы со своей готовностью прекратить борьбу продемонстрировали перед населением свое миролюбие. Заключением мирного договора с Муэтдином-беком внесли разложение в ряды басмачества. В ближайшем будущем эти успехи несомненно станут наглядными.

Однако, для достижения полных успехов, теперь, после окончания мирных договоров, нужны активные военные действия с нашей стороны. Мы их уже начали.

В целях обеспечения всех необходимых условий, для успешного завершения начатых боевых операций и ускорения дела окончательной ликвидации басмачества Ферганская область с 13 сентября текущего года об'явлена на положении чрезвычайной охраны.

В силу этого вся власть и руководство борьбой с басмачеством переходит исключительно командующему Ферганской Армейской группы войск, пользующемуся правами на основании положения о прифронтовой полосе действующей армии.

Новая обстановка ставит перед командным и, в первую очередь, политическим составом во всей широте вопрос вдумчивого и серьезного отношения к делу ликвидации басмачества и тесно связанного с ним дела строительства Советской власти в Фергане.

Всем работникам Красной Армии нужно всегда твердо помнить азбучную истину гражданской войны (в особенности партизанской), каковой является война в Фергане, и к тому же в своеобразных условиях, что без поддержки населения Красная Армия ничего не может сделать.

Сочувствия и активной поддержки действующие в Фергане части Красной Армии и органы Советской власти со стороны населения полностью не имеют.

Это об'ясняется многими причинами.

Недоверчивое отношение к строительству Советской власти и к русским красноармейским частям туземного населения в том числе и беднейшей его части, создалось благодаря 1) преступно колониальной политике царского правительства, 2) привилегированного положения вообще пришлого европейского населения (что достаточно не изжито и по настоящий момент), 3) жестокой эксплуатации трудящегося туземного населения всякого рода европейскими маклерами, 4) деятельностью органов Советской власти и ее представителей, порою ничем не отличавшейся от

деятельности старого правительства, 5) теми бесчинствами и грабежами, которые допускались отдельными частями Красной Армии, в особенности красногвардейскими отрядами, доходившими порою до неслыханных издевательств над мирным тружеником, что создавало в глазах населения отрицательное представление о Красной Армии и Советской власти...

...Нужно помнить, что население поставлено между двух огней. Красная Армия не может обеспечить охрану кишлачного населения от влияния и произвола басмачей.

Всех добровольно перешедших и взятых в плен, как джигитов, так и курбашей, направлять через соответствующие штабы в штаб группы, отнюдь не допуская никаких самосудов и издевательств над пленными.

Командующий Туркфронтом В. Лазаревич.

Члены Революционного Военного Совета: П. Баранов.

В. Шарапов.

Нач. Политического Управления фронта И. Врачев.

16 сентября 1921 года.
Гор. Ташкент.

Приложение № 13.

Образцы воззваний помощника Курширмата, курбаши Мухамата (Мамарозы) от 7 мая 1921 года.

(Подлинный в делах „особо ценных" Военной секции Цуардел).

А: (на русском языке) от командира полка белой гвардии Мухамет-Розы.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Всем сочувствующим мусульманской партии как русским, так и мусульманам предлагаю присоединиться к нам возможно скорее. Будете получать хорошее жалованье и кормиться со всеми членами своих семей прилично, т. е. без стеснения относительно хлеба, мяса, риса и проч.

Всем, не имеющим лошадей или оружия, нами будет немедленно доставлено таковые.

Мухамет Розы. Прикладываю свою печать.

7 мая 1921 года. М. П.

Б: (перевод с узбекского) Начальника войск Гази Мухамет-Розы.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Настоящим об'являю всем гражданам мусульманам, находящимся на службе у русских: вам нельзя оставаться в бездействии, в течение этой недели идите на защиту своего народа и переходите на нашу сторону, т. к немного осталось до того времени, когда нашему мусульманскому войску придет помощь из большого государства.

Если в эту неделю не придете к нам на помощь, то не будет больше поводов для прощения вашей вины. Поэтому письменно и с доверием обращаюсь к вам: не слушая всяких обольщений, своей собственной охотой переходите на услужение своему народу—мы возвеличим вас.

Ожидая вас, посылаю это письмо.

Я, Аскер-баши, Гази-Мухамет Розы приложил печать.

М. П.

Приложение № 14.

„От командира полка белой гвардии".

(На русском языке).

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Товарищи рабочие и крестьяне. Не пора ли бросить резню между нами. Ваши коммунисты нагло врут то, что вы боретесь с буржуазией, нет. Это ложь. Вы воюете с декханами и крестьянскими рабочими, которые восстали против разных насилий и незаконных реквизиций, которые привыкли существовать лишь только и

туманить головы рабочим и крестьянам. Товарищи, вызываю я всех на самозащиту, т. к. наше стремление—улучшить положение крестьян и рабочих. Довольно выпускать ложные лозунги коммунистам, которые до сего времени не пришли и не придут ни к чему и бросьте верить дармоедам комиссарам, которые пожирают крестьянский хлеб и скот с насилием и даром.

Командир полка белой гвардии Мухамед-Розы.

1921 г. 7 мая.

4 печати: 1) Мама-Розы.
2) Гани-Пансат Ташбулатов.
3) Абдулла Ахмедбаев.
4) Неразборчива.

Примечание. Все об'явления были расклеены по улицам гор. Скобелева. Интересно, что почерка русских прокламаций А. и В. разные, первый интеллигентный, второй—грубый, содержание прокламации соответствует почеркам, при чем идеология автора прокламации В напоминает воззвания Крестьянской Армии 1918 г. и 1919 годов.

Д. З.

Приложение № 15.

Архив Путурка. 1921 год. Дело № 5. Доклад Пофергруппы за июнь мес. № 411.

В ответ на предложение Начгара сел. Каннибадам. „6 июня 1921 года. От курбаши Нурулла Максума.

М. Г. Вы пишите, чтобы я помирился с Советской властью, чтобы защищать отечество. Спрашивается, от кого защищать—про это вы не упомянули.

Крайне удивлен на ваше наивное предложение. Если так понимать, то отечество надо защищать от разгрома, грабежа хулиганов, то вы, милостивый государь, переходите на нашу сторону, т. к. мы защищаем отечество от узурпации бандитов большевиков, которые нагло разрушили и разграбили за три года все то, что было создано за тысячу лет.. Вы господа русские коммунисты одурманились, соблазнившись на хитросплетенный обман жидов... Известно ли вам положение России, где люди умирают с голоду, а вы, глупцы, здесь воюете с нами и проливаете кровь забитого туземного населения, которые кошмарные жиды хотят обратить в колонию. Известно ли вам, за что мы воюем. Мы воюем именно за то, чтобы спасти отечество от всех жидов и жить автономно, чтобы население не эксплоатировалось жителями Иерусалима, коих вы признаете за бога.

Вот что, господа, лучше мы, забитые туземцы, сойдемся с вами, обманутыми русскими и совместно будем бороться с жидами, чтобы спасти отечество".

Примечание. Обращение написано по-русски, смешанной полусоветской полустарой орфографией.

Д. З.

Приложение № 16.

Резолюция по докладу тов. Баранова, принятая на 3-ей Партконференции войск Фербласти 21—25 февраля 1922 г.

Военно-политическое состояние Ферганы и задачи Красной Армии.

Принесенный на штыках русский капитализм застал Фергану, как и весь Туркестан в период натурального хозяйства и земледелия и ремесленно-цехового строя в городе. Еще слабо обозначались контуры более высокой хозяйственной формы—торгового капитала. Десятилетие господства русского капитала произвело революционный сдвиг в хозяйстве.

Товарное производство в земледелии (особенно хлопководство) получило колоссальное развитие. Народилась и окрепла туземная буржуазия, преимущественно торговая. Эксплоатация широких слоев трудящихся, особенно гнетущая в колониях, достигла неимоверного развития.

Менее быстро протекал процесс разложения патриархального родового быта, высвобождение из-под гнета предрассудков. Дифференциация классов и оформление классового самосознания особенно у эксплоатируемых отставали от хозяйственного развития.

Развившиеся производительные силы, значительное увеличение площади поливных земель, производство более интенсивных сельско-хозяйственных культур, поглощавших огромное количество разоряющихся и лишающихся земли крестьян и власть предрассудков—смягчали классовые противоречия и представляли широкое поле для приложения „способностей" русской, интернациональной и туземной буржуазии.

Военно-полицейский режим русской администрации, преданность интересам капитала, властвующих над умами трудового населения мулл и ишаков, культурная отсталость и забитость трудящихся и господство патриархально родовых предрассудков—широко использованы нарождающейся туземной буржуазией, усвоившей выгоды царивших пережитков в массах и прелести капиталистического строя.

Все это, вместе взятое, закабаляло широкие слои населения в покорности капиталистической эксплоатации и отдаляло неизбежный взрыв негодования.

Вот почему до революции басмачество не приняло широких размеров и поглотило лишь люмпен-пролетарские элементы и серьезной угрозы капитализму не создало.

Революция принесла с собой и хозяйственные осложнения. Связь с центром была прервана, небывалый урожай хлопка не имел сбыта, хлопковый кризис разорил торговую буржуазию, обрек на муки голода крестьян и рабочих, занятых в земледелии (мардикеров и черикеров) и в промышленности. Накоплявшееся десятилетиями недовольство ломкою старого уклада жизни, кабалой и гнетом, нашло свое выражение в бунте против города, пришлых европейцев, носителей новой культуры, новых производственных отношений. Судорожное сопротивление капитализма, имевшее место во всей России, здесь на окраине, в колонии пыталось реставрировать былые отношения под лозунгом автономии, ислама и газавата. Кокандская автономия создала современное басмачество, стала во главе его, дала ему идеологию национально-религиозной борьбы. Коалиция русско-туземной буржуазии, мирно уживавшаяся с урядниками и приставами, выступила с лозунгом газавата.

В процессе борьбы происходит внутреннее перерождение басмачества. Утопичность попыток возродить капитализм, классовое расслоение туземного населения, внутренние разногласия, усиление военной мощи Красной Армии и ряд военных поражений создают центростремительные тенденции в басмачестве.

Мишура лозунгов автономии отпадает. Басмачество начинает выявляться, как реакционная сила, пытающаяся восстановить прежние феодальные отношения. Типичные представители басмачества этого периода—Курширмат, Муэтдин, Рахманкул и др.—Феодалы, с междоусобной борьбой, безраздельным владычеством в своем районе и т. д. Борьба с басмачеством ни в коей мере не могла способствовать восстановлению хозяйства, а разгул шаек мелких феодалов и действия Красной Армии все больше разоряли страну.

Мы вступили в третий период. Наследие прошлого изживается.

Новая экономическая политика, не взирая на все своеобразие переплетения национальных, религиозных и пр. моментов, делает свое всероссийское дело, примиряя город с деревней.

Город, извлекая реальные выгоды из свободной торговли, решительно и безоговорочно становится на сторону Советской власти и столь же решительно ополчается против басмачества, как явления, препятствующего развитию товаро-оборота с деревней. Усиление торговли и кустарной промышленности уже в данное время является стимулом к развитию сельского хозяйства. В кишлаке растет и крепнет авторитет Советской власти и слагаются легенды, направленные против басмачей. Политические уступки (вакуфы, суды казиев и пр.) лишают басмачество даже религиозно-национальных элементов борьбы. Духовенство, заинтересованное в укреплении Советской власти осуждает басмачество и об'являет его противным шариату.

Басмачество все больше и больше изолируется. Из выразителя настроений и чаяния кишлака, басмачество превращается в глазах населения в грабительские шайки, обирающие и разоряющие область".

Приложение № 17.

Современное положение Басмачества.

(Тезисы).

1) В 18 и 19 г.г. басмачество в Фергане несомненно было обще-национальным движением. Его поддерживало большинство туземного населения.

В эти годы оно и лозунгом своим имело национальное освобождение (автономия Ферганы), охранение в неприкосновенности быта населения и сохранения прав духовенства.

2) Глубокие корни басмачества лежат и в хозяйстве жизни недавнего прошлого, при хозяйничании российской буржуазии. Из Ферганы вывозился хлопок, в нее ввозился хлеб и фабрикаты, сама она не имела промышленности для удовлетворения своих нужд. Проникновение торговых отношений вызвало разорение ряда хозяйств и ломку привычного быта. Отсюда недовольство новыми формами торгового хозяйства. Город для кишлака был ненавистен.

Революция разорвала связь Ферганы с Россией. Хлопок сбывать стало некуда, хлеб перестал ввозиться. Город был лишен своей торговой (экономич.) силы. Сотни тысяч хлопкоробов и рабочих хлопковой промышленности перешли в ряды резервной армии труда.

Басмачество явилось выражением недовольства населения против торгового города и стремлением кишлака вернуть прежние формы натурального хозяйства и феодальных отношений.

3) Не менее важной причиной была колонизаторская политика Узбек, и киргизы в глазах старой власти были не столько людьми, сколько рабочим скотом. От них отнимались земли, они всячески эксплоатировались, русские крестьяне убивали их когда хотели.

В первые годы Советская власть несмотря на оффициальные лозунги была насквозь колонизаторской (русской и армянской дашнакской) и продолжала ту же политику насилия и порой даже в более откровенных формах прямого ограбления. В особенности с момента разгрома Кокандского автономного правительства.

Басмачество периода 18—19 г.г. и было протестом населения против колониальных угнетений и эксплоатации. Понятно, что оно поддерживалось и байством, и беднотой.

4) Красная Армия долгое время была составлена исключительно из русских, а в первое время революции еще и дашнакских отрядов. В продовольственном отношении она жила грабежом. Населению она была чужда. Колониальные отбросы играли в ней большую роль. Она была орудием продолжения плохо замаскированной колониальной эксплоатации.

Говорить даже о возможности сочувствия ей, со стороны какой-либо общественной группы туземного населения не приходилось.

5) Являясь в первое время своего существования движением большинства населения, басмачество быстро начало приобретать характер движения в интересах прежде всего байства. Байство им руководило, оно поставляло всяких курбашей. Его поддерживало духовенство. Через басмачество оно стремилось восстановить свою власть и хозяйственную и политическую.

Это новое белогвардейское содержание басмачества особенно ярко сказалось в частных об'единениях русского кулачья с басмаческими курбашами („крестьянская партия" в Джелаль-Абадском восстании).

Приобретая классово-байский характер, басмачество оторвалось от трудящихся масс населения. Последние уже не оказывали ему активной поддержки, были поставлены между двух огней (т. е. Советская власть и байское басмачество) и сохраняли пассивность.

6) Вооруженная борьба басмачества с Советской властью в течение нескольких лет в корне подорвала хозяйство ферганского декханина. Его скот уничтожался, арыки не ремонтировались и портились, поля вытаптывались, урожай в своей большей части забирался и ограблялся, также легко ограблялось и всякое другое имущество.

Никакой уверенности в завтрашнем дне не было, но было за то неизбежное приближение голода. Оно чувствовалось всеми, о нем говорилось.

В этом раззорении населения в первое время одинаково повинны были и Красная Армия, и басмачество, и даже больше первая, т. к. басмачество пользовалось сочувствием и поддержкой населения. Но по мере оздоровления Советской власти вообще произошла чистка и Красной Армии, в ней была проведена решительная борьба с бандитизмом, ее продовольственное отношение к населению было урегулировано. Между тем басмачество, чем больше оно отрывалось от трудовых масс населения, тем более должно было становиться на путь грабежа.

В 20 и 21 г.г. уже для всех стало ясно, что истинными виновниками раззорения Ферганы являются басмачи.

Политические симпатии населения стали склоняться в сторону Советской власти.

7) В 20 и 21 г.г. произошло коренное изменение Советской власти. Она приобрела действительно интернациональный характер. С колонизаторством началась борьба и политическая и экономическая. К участию в советском строительстве было привлечено коренное население, работники которого быстро стали большинством советских работников. Произведенная в части Ферганы земельная реформа показала, что Советская власть, власть не национальная, а классовая.

Население было выведено из состояния пассивности, перелом в сторону ориентации на Советскую власть произошел окончательно.

8) Но понятно, что находясь в зависимости от басмачества, оно не могло быть ему активно враждебно. Это оружие оно получило в лице Красной милиции, созданной из самого населения. Началась непосредственная борьба с басмачеством наиболее активной части населения, враждебной его байскому характеру.

9) В своей оппозиции Сов. власти басмачество долго опиралось на религиозные предрассудки населения, требуя восстановления прав духовенства, возвращения вакуфов, восстановления суда казиев. Оно стремилось, выражая настроения и интересы духовенства, представить Сов. власть, как гонительницу религии.

Чтобы показать, что вовсе не в вопросах религии заключается суть Советской власти, последняя пошла на так наз. политические уступки.

Введение суда казиев и биев, в которых может судиться всякий желающий, возвращение вакуфов, разрешение духовенству открытия школ — привлекло на сторону Сов. власти большинство прогрессивного духовенства. Ряд ишанов и улем заявил о поддержке Советской власти и призвал население к борьбе с басмачеством.

В басмачестве осталась заинтересованная лишь часть байства и клики профессиональных бандитов.

Оно значительно приобрело „узко-басмаческий“ бандитский характер.

10) Лишившись сочувствия и поддержки почти всех групп населения, растеряв все свои политические лозунги и приобретя чисто бандитский характер, басмачество столкнулось уже не только с Красной Армией, но и с самим вооруженным населением. Думать, что оно еще долго может существовать не приходится. Очевидно оно обречено на полную ликвидацию в ближайшее время.

Но для успеха этого дела необходима прежде всего еще большая активная помощь населения Красной милиции и Красной Армии.

Агитпроп Цккпт.

Туркправда, 19 августа 1922 года № 181.

Приложение № 18.

Совету Народных Комиссаров Туркестанской Республики.

Дорогие товарищи!

Хозяйственное, военное, культурное строительство в Туркестанской республике имеет исключительное значение как для нашего Советского Союза, так и для великого азиатского Востока. XII с'езд коммунистической партии с большей энергией, чем когда бы то ни было, утвердил то положение, что строительство в национальных республиках, опираясь все более на местные силы, должно пустить глубокие корни в толщу туземных народных масс. В противном случае строительство будет бюрократическим, следовательно, безжизненным и колонизаторским, следовательно, антикоммунистическим.

Разумеется, недостаток вполне подготовленных туземных технических работников разных специальностей представляет собой большое затруднение. Но это затруднение необходимо преодолеть системой мер, направленных на постепенную подготовку туземных квалифицированных работников, на практическое доучивание полуподготовленных работников под руководством более опытных европейских специалистов и пр. и пр. В военном, как и во всем остальном государственном аппарате, могут оставаться только такие работники, специалисты, чиновники, которые знают местную жизнь или стремятся изучить ее, которые проявляют величайшее внимание к действительным особенностям и потребностям туземных народных масс и готовы искренно и добросовестно служить им. Всякий, кто относится свысока к туземному населению и его языку, кто проявляет колонизаторские замашки, должен беспощадно изгоняться не только из туркестанского государственного аппарата, но и из государственных органов всего Союза. Особенно внимательно надлежит в этом отношении наблюдать за военным аппаратом. Комиссары и командиры должны воспитывать всех красноармейцев в духе братской солидарности с туземными трудящимися массами. Красные полки не для оккупации Туркестана, а для содействия туркестанским рабочим и крестьянам в деле их защиты от иностранного империализма и его агентов. Наш общий долг—сделать все, чтобы помочь трудящимся Туркестана постепенно создать свои национальные части, способные рука об руку со всей Красной Армией Союза—обеспечить неприкосновенность и независимость социалистического Туркестана.

Шаг за шагом, упорно и настойчиво, общими нашими усилиями мы не только оградим нашу независимость от враждебных посягательств, не только поднимем хозяйственный уровень наших республик, но и обеспечим действительную солидарность и братское сотрудничество между всеми национальностями Советского Союза.

Желаю вам всякого успеха в работе.

Ваш Л. Троцкий.

8 мая 1923 года.
280/т.

Записка о реорганизации Добрмилиции в Туркреспублике.

Добрмилиция признается, как один из источников для образования Национальных Красных частей.

В силу этого, она должна быть включена теперь же в общую систему подготовительных мер для предстоящих формирований Красных частей. Таковыми мерами надо считать: а) образование военно-национальной школы, б) образование учебных команд для подготовки бойцов по наиболее сложным военным специальностям, в) усиление боеспособности и повышение качеств Добрмилиции.

Помощью перечисленных мер предполагается построить стройную систему, при которой, после 3-х годичного обучения комсостава, можно будет сразу же развернуть из учебных команд и обученных добрмилиционеров кадры целых частей, которые останется только пополнять новобранцами.

Во всей этой системе добрмилиции отводится серьезная роль первоначальной подготовки бойцов, которые постепенно будут проходить учебные команды, и затем, лучшие из этих учебных команд будут попадать на курсы.

Та часть добрмилиционеров, которые в течение 2-х лет не пройдут учебных команд и школы, также должна быть подготовлена настолько, чтобы на 3-й год, когда все остальные команды милиционеров вольются в полки, могла бы взять на себя роль учителей новобранцев.

В виду изложенного, одновременно, с построением военной школы учебных команд, необходимо теперь же приступить к резкому улучшению в качественном отношении существующей добрмилиции. Тут намечается ряд следующих мер: а) омоложение милиции, имея в виду, что только при этом условии нам удастся ее использовать, как источник, для пополнения учебных частей, б) поднять политическую обработку и строевую выучку, в) попытаться постепенно ввести казарменный режим.

Одновременно с этим добрмилиции должно быть отведено достаточное внимание и как силе борющейся с басмачеством, почему вся реорганизация должна производиться постепенно и в условиях боевой обстановки. Таким образом, в отношении добрмилиции предстоит теперь же, произвести ряд подготовительных мер к осуществлению намеченной реорганизации.

Подготовительными мерами будут:

а) точный учет по возрасту,

б) составление характеристики каждого отряда и каждого милиционера, с целью выявить картину, как велико будет число подходящих оставлению и, наоборот, из'ятию,

в) подбор командиров, комиссаров и политруков.

По проведении этой работы приступить: к омоложению, подыскав пути безболезненности этой операции, т. е. предоставление мест великовозрастным; из'ятию всего неподходящего элемента и подбору молодежи для заполнения освобождающихся вакансий. После этого ввести в милиции войсковой порядок и дисциплину.

Первый период проведения подготовительных мер и пополнения пустующих рядов, милиция будет использована в боевой обстановке для выполнения вспомогательных боковых заданий, как это практиковалось до настоящего времени.

С пополнением рядов милиции более молодым составом, командование обязано приложить все усилия к поднятию боевой мощи милиции. Таковое должно производиться двумя путями: регулярным обучением, совместно с частями Красной Армии, и вовлечением отрядов Добрмилиции в боевые действия.

С момента приведения отрядов Добрмилиции в порядок (2-й период) она должна быть снабжена Красной Армией всем военным имуществом и снаряжением.

В отношении отрядов Добрмилиции, обнаруживших боеспособность, на подготовительный период и период омоложения, должны быть произведены в первую очередь и в кратчайший срок, почему помощь им должна быть оказана в первую очередь, т. е. они теперь же, должны быть вооружены однотипным оружием и должны регулярно снабжаться боеприпасами.

Вопрос об их продовольствии должен быть поставлен наравне с Красной Армией.

Эти последние отряды для боевых операций могут перебрасываться из районов в район, для чего у них должен быть создан соответствующий обоз.

Пункты расквартирования таких отрядов надлежит назначать при начальнике полевых войск, соответствующего района.

В отношении наиболее отставших частей, в целях ускорения процесса реорганизации, полезно теперь же более молодую по возрасту часть милиционеров сво-

дить в отделения и взводы; подготовку последних вести как указано выше, т. е. ускоренным способом.

Одновременно с этим, надлежит внушить частям Красной Армии, что поднятие боеспособности Добрмилиции является нашей общей задачей.

П. п.

Главнокомандующий Всеми Вооруженными Силами С. С. С. Р.

С. Каменев.

„14“ июня 1923 года.
г. Ташкент.

Верно: Помначоперотресп. Герберт.

Приложение № 20.

Инструкция о работе в Красной Армии политорганизаторов из местных работников.

I. Общие положения.

1. Политорганизатор под руководством военкома (политрука) части ведет работу среди коренного населения.
2. Политорганизатор по заданиям комиссара (политрука):
а) выполняет оперативные поручения;
б) непосредственно ведет работу среди коренного населения;
в) принимает участие в создании и укреплении сов. аппарата в занимаемых его частью районах.
3. Политорганизатор находится в непосредственном и исключительном подчинении комиссара (политрука) части, к которой он прикомандирован.
4. Никаких административных функций, как внутри части, так и вне ее политорганизатор не несет, то или иное мероприятие он проводит через комиссара части.
5. Общее руководство деятельностью политорганизаторов осуществляется посекром, который по мере надобности созывает инструктивное совещание. Прикомандированные к Посекру и полку политорганизаторы использовываются главным образом как инструктора-организаторы, прикомандированные к ротам или взводам непосредственно проводить работу среди коренного населения.
6. Политорганизатор состоит членом ячейки части наравне с другими членами партии.

II. Агитработа среди коренного населения.

7. Политорганизатор раз‘ясняет населению ложность слухов и клеветы, распространяемой басмачами о Красной Армии, в частности о карательных органах. Политорганизатор раз‘ясняет мероприятия Соворганов и Красной Армии, популяризируя таким образом борьбу Красной Армии с басмачеством.
8. Во всей своей агитработе политорганизатор должен раз‘ясненять коренному населению те практические выгоды, которые приносит декханскому хозяйству победы Красной Армии.
9. Политорганизатор постоянно раз‘ясняет коренному населению, что Соввласть и Красная Армия не нарушает религию и обычай туземцев.
10. Политорганизатор устраивает митинги, стараясь сделать их возможно более привлекательными с точки зрения внешних эффектов.
11. Политорганизатор читает и раз‘ясняет населению приказы командования и Соворганов.
12. Политорганизатор ведает распространением литературы и организует групповую массовую читку.
13. Политорганизатор обязан информировать Андижанскую газету о своей работе, особо выделяя все моменты общения Красной Армии с населением.

III. Советская работа.

14. Политорганизатор знакомится о состоянии Соваппарата района своей части, личным составом, отношением к нему населения и о результатах информирует комиссара (политрука) части.
15. Под руководством комиссара (политрука) политорганизатор принимает все меры к проведению выше стоящих органов в области Сов. строительства.

Приложение № 21.

Приказ Политического Управления Реввоенсовета Республики.

№.....

Г. Москва. 12 июля 1923 г.

(Руководящие указания по докладу инспектировавшего Туркфронт Начальника Агитпропотдела ПУР'а тов. Рафеса).

В работе полигорганов Туркестанского фронта рядом с большими достижениями в деле политического воспитания красноармейцев в уважении и братских отношениях к туземному трудящемуся декханству (крестьянству), обнаруживаются некоторые существенные дефекты, свидетельствующие о том, что не полно учтены в работе особенности боевой обстановки и местные национальные отношения.

В виду этого, подтверждая по Полит. Управлению РВС Туркфронта распоряжения, данные на месте т. Рафесом, приказываю в дальнейшем руководствоваться нижеследующим:

1. Приспособить политаппарат воинских частей и политотделы к необходимости постоянного участия и содействия работе туземных партийных и советских организаций, для чего разработать и представить на утверждение Р. В. С. Р. дополнительный штат для туземных партийных работников, а в Восточной Бухаре организовать при политотделах дивизий и бригад советские отделения, действующие по согласованным с Бухарским правительством директивам РВС Востбухары.

2. Твердо проводя установленную XII С'ездом партии линию в национальном вопросе, настойчиво и систематически привлекать туземные организации к участию в военной борьбе против басмачей. Путурку по соглашению с Туркправительством принять на себя организацию регулярной политической работы в отрядах добровольческой милиции, следя за установлением братских отношений между Красной Армией и боевыми отрядами добрмилиции. Чаще созывать смешанные широкие конференции частей Красной Армии, добрмилиции и туземного декханства.

3. В связи с решением XII С'езда партии об организации национальных частей и руководствуясь циркуляром ПУР'а от 30 июня № 119/35 Политическому Управлению Туркфронта надлежит:

а) совместно со Штабом разработать план организации национальной военной школы типа нормальных трехгодичных школ, расчитанной на 350 человек переменного состава, разработав совместно с руководящими партийными и советскими органами план ее укомплектования туземной молодежью по преимуществу из Комсомола;

б) принять деятельное участие в постановке организации национального отделения в школе младшего комсостава 2 турк. стрелковой дивизии и национальных полковых учебных команд;

в) всемерно содействовать успешности реорганизации добровольческой милиции по указаниям, данным Туркфронту Главкомом всеми вооруженными силами Республики;

г) совместно с руководящими партийными и советскими органами наметить план подготовительных работ по организации учета способного к исполнению воинской повинности туземного населения.

По разработке проэктов их представить на утверждение Реввоенсовета Республики.

4. Для подготовки всех указанных мероприятий и для популяризации их среди туземного населения Путурку надлежит:

а) организовать специальное национальное отделение под руководством Нач-путурка, штат которой представить на утверждение ПУР'а;

б) выпускать из средств шефов по соглашению с парторганами периодической листок на туземном языке.

По ПУР'у.

1) Ставлю на вид всем отделам ПУР'а обнаружившуюся медлительность в выполнении заданий для Туркфронта.

Предлагаю все задания по нему выполнять в ударном порядке.

2) Агитпропотделу ПУР'а представить план реорганизации военно-политической школы Туркфронта с организацией в ее составе и за счет ее пайков постоянного и переменного состава национального отделения для подготовки политработников национальных формирований Туркреспублики.

Об исполнении указанных мероприятий донести не позже 1-го августа специальным докладом.

Начальник Политуправления РВСР Антонов-Овсеенко.

Список источников.

Печатные.

Завоевание Средней Азии. Ген.-лейт. *Терентьев.*

Фергана. Военно-статистич. описание. Ген. шт. полк. кн. *Стокасимов.*

Очерки Ферганской долины—Академик А. Ф. Миддендорф.

Туркестан. Мушкетов.

Ежегодник. Изд. Ферг. Обл. стат. Комиссии.

Туркестан. Кн. Масальский (том XIX издания „Россия" под редакцией Семенова-Тянь-Шаньского).

Краткая география Туркестана *Лавров.*

Колониальная революция. *Г. Сафаров.*

Труды ТЭС.

Военная мысль. № 1—1920 г. № 1, 2 и 3—1921 г.

Издания ВРСТ. Военный Работник Туркестана. Красноарм. газета.

Наша газета—за 1917—18 год.

Туркестанский курьер. „Туркест. ведомости" за 1917—1918 г.

Красная Фергана за 1921 год.

Доклад о мирных переговорах с Муэтдином. *И. Врачев.*

Архивные.

Отчет по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. Ген.-лейт. *Корольков.*

Доклад о том же военного прокурора Турк. Воен.-Окр. суда.

Всеподданнейший доклад ген. *Куропаткина* о восстании 1908 г.

Ежемесячные отчеты генерал-квартирмейстера Штаба Т.В.О. о том же.

Дела Исполкома села Дмитровка 1918—1919 г.

Дела Ферганского Штаба Кр. Гвардии 1918—1919 г.

Дела Ферганского фронта. 1919 г.

Дело Главного штаба Турк. войск.—1919 г.

Дела РВС Туркреспублики. 1919 г.

Дела Штаба и военкома 2-й Т. стр. див. 1920—1921 г.

Дела Штаба Ферг. Арм. группы. 1921—1922 г.

Дела Штаба Туркфронта. 1920—1922 г.

(5-я Военная секция Цуардел).

Архив Путурка.

Дела Наркомнаца (1-я секция Цуардел).

II

Н. Е. Какурин.

БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ В БУХАРЕ

(1922 г.)

ВВЕДЕНИЕ.

Обзор событий, вызвавших появление Красной Армии в Бухаре. — Бухарская революция 1920 г. — Ее причины. — Гиссарская экспедиция 1921 г.—Ее результаты. — Появление в Бухаре Энвера-паши; его планы и намерения. — Причины нового похода Красной Армии в Бухаре; политическая цель похода.

Прежде чем перейти непосредственно к нашей теме, вернемся несколько назад к событиям, послужившим причиною появления Красной Армии в Бухаре.

Столкновение интересов вновь народившегося малочисленного, но энергичного класса молодой буржуазии с интересами класса земельных собственников феодалов, управлявшего страной посредством своего ставленника эмира, вызвало Бухарскую революцию 1920 года. Столица страны—г. Бухара—перешла в руки восставших, вручивших власть в руки нового Бухарского Советского Правительства. Эмир и его приверженцы бежали в Восточную Бухару, где и пытались организовать сопротивление. Для уяснения себе причин, вызвавших необходимость для нового Правительства обратиться к содействию Красной Армии, следует иметь в виду, что в момент революции Бухара являлась страной, с весьма слабо развитыми производительными силами общества, с полным почти отсутствием промышленности и, следовательно, резко выраженным аграрным характером общественного хозяйства.

Естественно, что в таком обществе преобладали деревенские классы с господством крупных землевладельцев помещиков. Все остальные, в общем немногочисленные, классы, по их состоянию, я могу отнести к промежуточным классам, получившим большее распространение лишь в городах Западной Бухары; один из них, именно начавший складываться класс торговой буржуазии и произвел революцию 1920 г. Как мы уже сказали, он не был многочислен. В силу исторических причин власть религиозной надстройки и до сих пор еще чрезвычайно сильна в Бухаре; во многом я об'ясняю себе застойный характер общества в Бухаре не столько даже слабым развитием его производительных сил, сколько именно влиянием этой религиозной надстройки.

Обратим еще внимание на следующее обстоятельство: промышленный пролетариат отсутствовал в Бухаре вовсе, а сельский пролетариат, каковым в сущности является вся крестьянская масса, еще не пережил

той идеологической революции, которую уже пережила буржуазия и не осознал себя, как класс. Вот причины, каковые, на мой взгляд, обусловливали медленное вовлечение в процесс революции широких масс, особенно на периферии страны; ими являлись вся Восточная Бухара и некоторые, удаленные от крупных центров, районы Западной Бухары. В этих причинах и следует искать об'яснение этого явления, что власть помещиков феодалов в полной неприкосновенности сохранилась в Восточной Бухаре, а власть молодого Бухарского Советского Правительства начала лишь крайне медленно распространяться от центра к периферии. Кроме того, не могу не отметить, на мой взгляд, чересчур поспешный темп, с которым новое Правительство начало насаждать в стране учреждения и законы, являвшиеся еще непонятными населению в силу его боевых особенностей и культурной отсталости. Это последнее обстоятельство создало благоприятную почву в массах для контр-революционной агитации и часть их толкнулась в сторону контр-революции и ее вожаков. Все эти обстоятельства, в их совокупности, по моему мнению, и побудили Бухарское Советское Правительство в интересах дальнейшего развития революции и укрепления ее завоеваний опереться на дружественную руку российского пролетариата.

И вот, в течение 1920 и 1921 г.г. российские советские войска очистили Бухару от остатков эмирских отрядов и принудили его самого со многими приверженцами искать спасения в Афганистане. Однако, к концу 1921 г. наши войска, в силу чисто об'ективных причин вынуждены были оставить Восточную Бухару в то время, когда аппарат Советской власти там еще не успел достаточно окрепнуть, и заняли более сосредоточенное расположение, приблизившись к своим базам.

Из операций, проведенных Красной армией в Бухаре в течение 1921 г., особого внимания заслуживает, так называемая, „Гиссарская экспедиция".

Во время этой экспедиции наши войска пересекли в различных направлениях Восточную Бухару; они проникали в самые глухие уголки ее, но конечные результаты экспедиции не оправдали возлагавшихся на нее ожиданий. Не было обращено достаточного внимания на закрепление за собою пройденных рубежей и на устройство аппарата управления в занимаемых областях, вернее Советское строительство не поспевало за движением войск. Поэтому практических результатов в смысле утверждения власти Бухарского Советского Правительства в Восточной Бухаре и фактического приобщения ее населения к процессу революции эта экспедиция не дала, а войскам, в силу слабой ее организации, она стоила очень дорого. Само собою разумеется, что класс, произведший революцию, был далеко неоднороден по своей сознательности. Внутри него были элементы, которые признавали революцию лишь до известного предела; логическое последствие политической революции, революция социальная, очевидно, страшила их и они, добившись победы над противоположным лагерем и ослабив его, не прочь были теперь пойти на сделку с этим лагерем. Панисламистская программа давала и естественный выход для этих настроений. Вот причины, каковыми я об'ясняю себе переход в лагерь врагов Бухарской Советской власти в феврале 1922 г. некоторых видных ее сторонников.

Особенно много шуму наделала измена Усмана Хаджаева, старого бухарского революционного деятеля; англо-индийская пресса много

внимания уделила этому факту, приведя его, как красноречивый пример деспотизма и империализма большевиков, которого-де не вынес даже такой крайний революционер, как Усман Хаджаев. Я подхожу к этому факту совсем с иной точки зрения, которую я выяснил выше и которая мне кажется более правильной. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с целями и методами проведения российской советской политики в Средней Азии, только посмеется этому утверждению англо-индийской прессы.

Были и другие обстоятельства, способствующие в начале 1922 г. колебанию нетвердых умов в Бухаре. Неопределенность взглядов в вопросе о борьбе с басмачеством в Фергане и переговоры с вождями разбойничьих и контр-революционных банд могли быть приняты темным населением Средней Азии, в течение долгих веков воспитанном на преклонении перед грубой силой, как признак слабости Р. С. Ф. С. Р., а отголоски всех событий в Туркестане живо долетали и до Бухары.

Афганистан, руководимый энергичным и честолюбивым Эмиром Аманнуллой Ханом, переживающий эпоху, которую можно отчасти сравнить с эпохой просвещенного абсолютизма в Европе, не прочь был от расширения в сторону Бухары и с некоторого времени внимательно приглядывался к происходившим там событиям. Бывший эмир бухарский и многие его сторонники нашли в Афганистане радушный прием, моральную и материальную поддержку. Потерпев неудачу в войне с англичанами в 1919 г., Афганистан не прочь был теперь попытать счастья, действуя на этот раз по линии наименьшего сопротивления, каковою ему представлялась Бухара. Идеи панисламизма, разделяемые некоторою частью мусульманской буржуазии и интеллигенции достаточно оправдали бы его вмешательство. Как бы то ни было с начала 1922 г. начинает чувствоваться известное, правда закулисное, влияние Афганистана во всех происходящих в Бухаре событиях. По отношению контр-революционным шайкам и организациям, а также главарям их Афганистан на мой взгляд играл ту же роль, какую белая Польша сыграла в отношении организации Булаха-Булаховича, Савинкова и Петлюры. Не могу тут не привести маленькой исторической справки. Еще в 1869 году Шир-Алихан, об'единив под своей властью все племена Афганистана, мечтал о создании союза средне-азиатских владетелей, направленном против России. Как сейчас увидим, примерно с таким же проектом, лишь несколько в иной форме и выступил в скором времени, появившийся на арене бухарских событий, Энвер-паша.

Происки врагов Бухарского Советского Правительства не остались без результатов и в западной Бухаре. Там появился один из видных сторонников бывшего эмира мулла Абдул Кагар, который обосновался в городке Нур Ата, удаленном от линии железной дороги и до некоторой степени прикрытом кряжем Нур-Атинских гор и там начал организовывать повстанские шайки, которые в течение февраля месяца подступали несколько раз чуть-ли не к стенам самой столицы.

Такова была обстановка, когда в Бухаре появился Энвер-паша.

Широко известный в мусульманском мире, в кругах интеллигенции, как один из виднейших деятелей младо-турецкой революции, в массах духовенства и руководимого им населения, еще не изжившего своих религиозных предрассудков, как зять „халифа“, священного лица для всякого правоверного и сам, в силу своего родства с халифом, особа

в некотором роде священная, Энвер-паша дал идеологическое выражение всем тем течениям, общественной психологии контр-революционного лагеря, которые до его прибытия либо смутно выражались, либо противоречили даже друг другу... Его лозунг „Мусульмане всех стран, об'единяйтесь" должен был создать условия для временной блокировки класса несознательного сельского пролетариата декхан с классом их поработителей, крупных феодалов против общего врага Бухарского Советского Правительства и большевиков, о „красном империализме" которых Энвер широко и неустанно агитировал.

Таким образом, принцип солидарности трудящихся всего мира, основанный на солидарности интересов Энвер-паша пытался заменить принципом религиозного об'единения всех мусульман. Конечно, в конце концов, одураченные массы поняли бы, где их истинные друзья и враги, но на это требовалось время, а тут обстановка складывалась так, что уже и мировая контр-революция могла через Бухару вновь попытаться найти себе ходы в пределы Р.С.Ф.С.Р. Таким образом, как в интересах народных масс Бухары, так и в интересах пролетариата России было поскорее покончить с авантюрой Энвера.

Эта авантюра ставила себе обширные цели. Энвер-паша мечтал не более не менее, как о создании халифата в составе Бухары, Афганистана и Туркестана и именовал себя „Главнокомандующим всеми вооруженными силами Ислама". Нити его агентуры густою сетью оплетали всю Бухару, перекидывались в Туркестан, шли еще далее в пределы Башкирской и Киргизской республик, а начало их следовало искать в Афганистане.

Столь заметная фигура, как Энвер, не могла не быть незамеченной и державами капиталистического мира. На этот козырь можно было рискнуть какой-либо ставкой и это обстоятельство также следует иметь в виду.

Короче говоря, завоеваниям бухарской революции начинала грозить опасность и русский пролетариат не мог равнодушно отнестись к попыткам контр-революции, направленным к уничтожению этих завоеваний.

Поэтому, согласно просьбы бухарского правительства, российские советские войска весною 1922 г. получили приказание очистить восточную Бухару от контр-революционных шаек и помочь бухарскому народу избавиться от бандитского и паразитического элемента, дабы приступить затем к мирному труду.

Опыт Гиссарской экспедиции был учтен Р. В. С. Туркестанского фронта, который мыслил себе новую экспедицию в виде движения вперед от рубежа к рубежу с обязательным политическим закреплением пройденного пространства.

Также мыслил себе организацию этой экспедиции и я, имея в виду еще и закрепление пройденных рубежей за собою и в военном отношении и прочную связь их с тылом путем соответствующей связи их с последним, оборудованными в хозяйственном отношении и обеспеченными гарнизонами достаточной силы коммуникациями.

ГЛАВА I.

Краткий обзор театра военных действий и его главнейших особенностей.

В своих записках я постараюсь дать лишь общую картину Бухары и привести лишь характерные и типичные ее особенности, как театра военных действий.

По начертанию своих границ страна напоминает полумесяц, вытянутый на протяжении 900 в. с северо-запада на юго-восток. Наибольшая ширина этого полумесяца 250 в., наименьшая 180 в. (на меридиане Файзабада). Почти на 600 верстах своего протяжения Бухарская республика является плацдармом, отделяющим Туркестан от Афганистана; через этот плацдарм проходят наилучшие и кратчайшие пути из Афганистана в Туркестан. Таково общее значение бухарского театра военных действий.

В условиях описываемого похода не трудно видеть, что по своему географическому положению Афганистан в отношении нашего театра занимал фланговое положение, почему политическая позиция последнего приобретала особое значение, а активное его выступление могло совершенно изменить весь план операции и ход кампании.

По распределению сил противника и их значению главным театром военных действий явилась восточная Бухара, начиная, примерно, от меридиана г. Байсуна, т. к. в районе последнего первоначально сосредоточивались главные силы Энвера-паши и наиболее влиятельных вождей восстания, а второстепенные по значению операции разыгрались в западной Бухаре, именно в долине р. Заревшана и на левом берегу р. Аму-Дарья, в районе укрепления Керки.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что главный театр военных действий является страною гористой, а второстепенные—равнинной, если не считать отдельного массива Нур-Атинских гор, в общем невысокого и легко доступного.

Горы главного театра военных действий, будучи вначале отрогами пограничного между Туркестаном и Бухарой Гиссарского хребта, в общем также не отличаются недоступностью. Главная трудность их заключается не в их рельефе и высоте, а в невозможности найти в них везде и в достаточном количестве воду, годную для питья и подножный корм, а также в отсутствии достаточно густой сети разбросанных через них путей. Лишь

отрог Гиссарского хребта, проходящий западнее Байсуна в юго-западном направлении и в южной своей части, носящий название Куштангских гор, образуя ряд невысоких столообразных вершин с обрывистыми, почти отвесными краями, доступен лишь в некоторых пунктах, главнейшим из которых является Аккутальский перевал, на старинном торговом тракте из Самарканда в Афганистан. Если противник владеет этим перевалом, то для того, чтобы проникнуть в восточную Бухару необходимо предпринять длинные обходы либо трудною горною дорогой от Яккабага через Сан-гардакский перевал на Юрчи, либо непосредственно вдоль берега р. Аму-Дарьи.

Значение Ак-Кутальского перевала вполне оценивалось древними полководцами. Он упоминается в произведениях арабских писателей. Тракт, на котором он лежит, искони являлся путем вторжений различных завоевателей в восточную Бухару и через нее в Индию.

По этому пути двигались и орды Тамерлана и много веков спустя красная конница, преследовавшая разбитые войска эмира в 1920 г. Во всех случаях Ак-Кутальский перевал являлся тем пунктом, который противник, препятствовавший вторжению, упорно старался удержать в своих руках. Название Кишлака, расположенного у его подножья—Дербент (железные ворота) указывает само по себе то значение, которое придавало этому перевалу в военном отношении местное население. Я лично считаю Ак-Кутальский перевал, лежащий в разветвлении путей на Байсун, Юрчи, Дюшамбе и на Ширабай, Термез одним из главнейших стратегических ключей восточной Бухары.

По мере продвижения на восток, горный характер страны становится все заметнее и заметнее и, наконец, в пределах Дарваза, Рушана и Шугнана мы встречаемся с солидными горными цепями и с рельефом местности, крайне затрудняющим действия значительных войсковых сил.

Но на большей части главного театра не горы сами по себе, а их безводность и бездорожье стесняют оперативную свободу войск. Такова же характерная особенность второстепенных театров военных действий. Их равнинность еще не является гарантией возможности свободно на них маневрировать. Отсутствие воды обращает равнины этих театров в песчаные пустыни. Пески заполняют значительные пространства Западной Бухары, оставляя лишь нетронутыми густо заселенный оазис р. Заревшана и узкие культурные полосы по берегам рек. Вода является регулятором всей жизни Бухары. Поэтому население зависит и тяготеет к этим источникам жизни и благополучия.

Выше я уже указывал на преимущественно земледельческий характер страны. В степной полосе и в горах, где трудно заниматься земледелием, жители усиленно занимаются и скотоводством.

Весьма трудно было бы учесть и то и другое, ибо сельско-хозяйственных переписей в Бухаре никогда не производилось. Могу только сказать, что местные средства в отношении продуктов земледелия не могли быть особенно велики, ибо страна в силу военных неурядиц переживала большую экономическую разруху. Население откочевывало из районов военных действий и от больших военных дорог в горы, покидая свои поля, которые, будучи не орошаемы, скоро обращались в пустыню, либо заростали бурьяном. Во всяком случае нам следовало иметь в виду сильное сокращение посевной площади в Бухаре. Действительно, как по-

казали дальнейшие события, Бухара с трудом могла справиться с питанием сравнительно небольшой армии, действовавшей на ее территории минувшим летом, и вынуждена была прибегнуть в конце концов для этой цели к закупкам на внешнем рынке.

До империалистической войны в Бухаре процветала культура хлопка. Хлопок вывозился в Россию, а Бухара взамен него получала из России хлеб. Когда русский хлебный рынок закрылся для Бухары, она перешла к возделыванию хлебных злаков, сокращая постепенно площадь под хлопок, пока она совершенно, наконец, не исчезла. Проехав верхом всю Бухару, минувшим летом, я лишь в окрестностях Гиссара наткнулся на небольшую хлопковую плантацию. Хлопковая культура занимала много рабочих рук; большой заработок находило местное население и в занятиях караванным промыслом; последний также совершенно замер во время неурядиц в стране. Падение хлопковой культуры и караванного промысла освободило много рабочих рук, которые не находили себе применения, тем более, что отхожий промысел, которым занимались жители восточной Бухары, уходя на заработки в Фергану, также пал. Вот этим обилием ненаходивших себе применения рабочих рук в Бухаре я также отчасти об'ясняю себе ту легкость, с которой вожди движения комплектовали свои шайки и обилие этих последних.

В отношении скотоводства можно сказать то же самое, что и по отношению к земледелию. В последние годы оно падало, но этому была несколько иная причина. В беседе со мной бывший председатель диктаторской Комиссии в Восточной Бухаре Ахчурин указывал, что по его подсчетам во всей Бухаре должно было быть до 13 миллионов голов скота разного рода. Из этого количества, по его мнению, ушло в Афганистан лишь в течение одного 1920 года до 5 миллионов голов. Вполне возможно, что цифра эта преувеличена. Но, во всяком случае, несомненно, что скот непрерывно утекал из Восточной Бухары в Афганистан либо с перекочевавшими туда жителями, либо в обмен на оружие и огнестрельные припасы, в которых так нуждались бандитские шайки.

Не смотря на это обстоятельство вопрос о снабжении войск мясом не встречал никаких затруднений в минувшую кампанию в Восточной Бухаре.

Племенной состав населения страны довольно разнообразен, но преобладавшим в нем по составу являются узбеки.

Характерно в распределении населения то обстоятельство, что чуждые узбекам национальности занимают окраины страны. Так, левый, а местами и правый берег р. Аму-Дарьи населен туркменами; в Восточной Бухаре мы встречаем уже преобладание таджикского населения, принадлежащего к покоренному некогда племени иранского корня; в гущу таджикского населения вклинилось в верховьях рек Кафирниган Дарьи и Вахша горное воинственное племя локайцев (узбекский род), перекочевавшее сюда лет 50—60 тому назад из Туркестана. Наконец, в районах Куляба и Бальджуана попадались и кочевья киргизов. Состав населения в городах еще более пестр. Мы встречали в них местных евреев, иранцев (персов), а в городах вдоль р. Аму-Дарьи довольно много русских—так в одном Термезе их насчитывается до 12.009.

Средняя Азия до сих пор является страной с неизжитыми религиозными и национальными предрассудками. На этой почве все указанные

племена, если не враждовали открыто, то неприязненно и пренебрежительно смотрели друг на друга. К русским они относились подозрительно и недоверчиво, видя в них завоевателей. Прежняя наша империалистическая политика в Средней Азии внушила им это предубеждение и Красная Армия была призвана разрушить его. В условиях настоящей кампании чрезвычайно интересно было узнать отношение к Афганистану местного населения. Это отношение не могло быть дружественным и не было им. Население Восточной Бухары хорошо помнило времена господства афганцев и те насилия, которые их власти допускали по отношению к местному населению.

Поэтому население могло пойти за Энвером, афганская ориентация которого не возбуждала сомнений, лишь по принуждению и в силу необходимости, а не добровольно.

По мере удаления на восток все более заметным становится полукочевой быт населения. Благодаря этому, оно с чрезвычайной легкостью покидало насиженные места и переселялось в иные. Особенно резко наблюдалось это явление, как я уже упоминал, в окрестностях военных дорог. Когда город Гиссар, довольно оживленный административный и торговый центр Восточной Бухары, оказался на такой военной дороге, то он постепенно был совершенно покинут жителями, переселившимися в другое место и, посетив его в июле месяце 1922 г., я нашел там лишь полуразвалившиеся дома и обратившиеся почти в тропическую заросль сады. Такая же судьба постигла город Сары, Асия и некоторые другие. Никто не может с точностью указать число народонаселения Бухары. Приводимые цифры колеблются между 4 и 6 миллионами. Я полагаю, что в силу событий последних лет точная цифра населения скорее приближается к меньшему, а не большему пределу. Особенно сильно эти события отразились на населении городов; некоторые из них совсем опустели, а население очень значительного города Карши уменьшилось, например, с 70 до 20 тысяч человек. О классовом составе населения я уже упоминал в своем введении к настоящему труду.

Добавляю еще, чтобы окончательно исчерпать вопрос о населении, его темнота и очень впечатлительный характер делают его весьма восприимчивым к религиозной пропаганде такого же темного и невежественного духовенства.

Я уже вскользь упоминал о том значении, какое в Бухаре имеют водные источники и их расположение. Теперь остановлюсь на этом вопросе подробнее. В той обстановке, в какой мне пришлось действовать, наиболее мощная водная артерия страны р. Аму-Дарья на большей части своего течения проходила вне главного театра военных действий.

Обилие переправ на этой реке, особенно там, где она является пограничной между Бухарой и Афганистаном, уменьшало ее значение, как преграды, обеспечивающей фланг войск, действующих в Восточной Бухаре, со стороны Афганистана, в случае активного его вмешательства в совершающиеся в Бухаре события.

Несравненно большее значение могла представить эта река, как вспомогательная, благодаря своему положению на внешнем фланге армии), удобная водная коммуникационная линия при условии наличия на ней достаточного водного транспорта. Эту свою роль она и выполнила в течение описываемой операции. Известное значение представляли

ее правые притоки в пределах главного театра, во-первых, по направлению их течения, пересекавшему большинство путей вглубь Восточной Бухары, а во-вторых благодаря их размерам и свойствам течения.

Характерной особенностью этих рек являлось их бурное и быстрое течение, изменчивые броды, состояние которых весьма зависело от таяния снегов на Главном Гиссарском хребте, откуда большинство этих рек берет свое начало. Постоянные переправы были очень редки; мосты имеются лишь в верховьях рек; во время нашего продвижения в Восточную Бухару они почти все были уничтожены отрядами Энвера. Переправы на среднем и нижнем течении производятся посредством каюков, число которых было чрезвычайно ограничено. Чтобы охарактеризовать состояние этих переправ, приведу некоторые данные о реке Кафирниган Дарья. В момент нашей переправы через эту реку на переправе у г. Кабадиана имелось всего два каюка, общею вместимостью на 4 лошади или на 30 человек; каюки были старые и постоянно чинились нашими частями.

В Айвадисе на той же реке имелся всего один каюк, который впоследствии пришлось перегнать на р. Вахш, когда пришлось через нее переправляться. На переправе у Баш Чарвака, выше Кабадиана, совсем не было каюков и ею не пришлось вовсе пользоваться. На реке Вахше, на переправе Кызыл Кала близ города Кургантюбе имелся один каюк на десять лошадей и бурдюки, но они были уничтожены противником при нашем приближении.

Благадаря таким свойствам этих рек и необорудованности переправ на них, мы на переправах через них теряли почти столько же людей, сколько и в стычках с противником.

Наиболее значительными из этих притоков являются р. р. Сурхан, Кафирниган, Дарья и Вахш. Упомяну еще о притоке р. Сурхана-Туполанг Дарье. Ее крайнее бурное течение и капризные броды унесли много жертв у противника при его поспешном отступлении через эту реку под натиском наших войск, но вырвали несколько жертв и у нас. Самое ее название Туполанг, что значит сумасбродный, чрезвычайно метко определяет ее свойства.

Таким образом, вода в Восточной Бухаре, являясь источником жизни для тех мест, по которым она протекает, является вместе с тем и грозной стихией, силу и значение которой испытывает на себе всякий путешествующий по Восточной Бухаре.

Распределение водной сети, обуславливая распределение населения, а следовательно и поселений вдоль водных артерий, или вблизи них, предполагает и густоту сети путей. Как общее правило, они тянутся вдоль рек или тех направлений, которые обеспечены водою. Поэтому сеть грунтовых путей гораздо гуще в долине Заревшана и вдоль берегов р. Аму-Дарья и ее притоков.

Недостатка в колесных путях в Западной Бухаре не ощущается; в Восточной Бухаре, хотя по долинам многих рек, особенно реки Сурхана и можно бы свободно ездить на колесах, но восточнее города Байсуна жители пользуются исключительно вьючным транспортом для передвижения тяжестей и не держат повозок, так что на местный колесный транспорт в Восточной Бухаре войскам расчитывать не приходится.

Следует упомянуть о характерной особенности многих горных путей в Восточной Бухаре. Это система карнизов. Дорога, идущая по естественной выемке скалы, вдруг прерывается пропастью, и тогда этот промежуток заполняется настилом из досок или плетня, держащимся на кольях, вбитых в толщу скалы. Карнизы встречались также и на пути от Яккабага в Юрчи через Сангардакский перевал. Значение карнизных путей для боевых действий войск заключается в том, что при передвижении по ним небольших отрядов карнизы в тылу у них и спереди могут быть разрушены противником и отряд может попасть в безвыходное положение. Поэтому, двигаясь по карнизам в сфере влияния противника или среди враждебно настроенного к нам населения, всегда следует оставлять для обеспечения этих карнизов в тылу у себя особые посты.

Железнодорожная сеть в Бухаре, как это видно из карты, развита весьма слабо; Западную Бухару пересекает среднеазиатская железная дорога; со станции Каган (Новая Бухара) от нее отходит, единственно теперь эксплоатируемая, ветка на г. Карши.

Железнодорожный путь на Гузар, Шахрисяба и Керки, Термез был разрушен во время большого анти-русского движения 1918 г. Благодаря этому, постройка железной дороги от Термеза через Дюшамбе на Файзабад также не осуществилась. Из пунктов, имеющих политическое, административное и торговое значение, отмечу г. Старую Бухару, столицу Республики, г.г. Карши, Гузар, Байсун, Дюшамбэ, Куляб.

Стратегическое значение имеют: г. Чарджуй (железнодорожный мост через р. Аму-Дарья и узел путей), г. Карши—узел путей в Западной Бухаре, лежащий на кратчайших путях из Афганистана в Туркестан и конечный пункт железной дороги, г. Керки, укрепления которого преграждают путь по левому берегу р. Аму-Дарья из Афганистана к Чарджую и, наконец, с Дербент Ак-Кутальского перевала; в Восточной Бухаре укажу на укрепление Термез, место подготовляемой в прежнее время переправы русских войск для вторжения в Афганистан и г. Куляб, узел путей, отходящих от переправ на р. Аму-Дарья вглубь Восточной Бухары.

Положение главного об'екта военных действий—Восточной Бухары определяло и важнейшие операционные направления. По свойствам страны, чрезвычайно ограничивающим, в силу неравномерного распределения водной площади, пространство, пригодное для действий и передвижений значительных войсковых сил, эти направления не могли быть многочисленны. Действительно, в описываемом случае таковых можно отметить только два: одно вдоль тракта Карши, Дербент и далее на Байсун, Денау, Юрчи, Гиссар, Дюшамбэ, Файзабад и другое вдоль берега р. Аму-Дарьи.

Первое должно было явиться главнейшим, ибо вело кратчайшим путем к ближайшему главному об'екту наших действий—живым силам Энвера-паши, было более оборудовано во время предшествующих операций и было более безопасно по своему сравнительному удалению от Афганистана, роль которого в предстоящих событиях не подвергалась еще точному учету. Мое внимание останавливалось еще на третьем направлении, которое могло быть использовано, как вспомогательное направление и могло обеспечить значительную маневренную свободу наших

войск в долине р. Сурхана и в Восточной Бухаре в случае активного выступления Афганистана.

Я разумею направление Яккабаг, Сангардакский перевал, Юрчи. К сожалению, путь, совпадавший с этим направлением, нуждался в большой предварительной работе, чтобы сделать его удобопроходимым для войск; карнизы на этом пути во многих местах либо разрушались от времени сами, либо были разрушены жителями. На исправление их требовались средства и живая сила; ни тем, ни другим в момент моего вступления в командование я не располагал в достаточном количестве, а бездействие Афганистана позволило обойтись и без использования этого направления.

Впоследствии, уже в Москве, я узнал от одного из участников, что этим направлением воспользовалась в свое время одна из колонн I Туркестанского армейского корпуса, во время больших маневров 1912 г. в Туркестанском военном округе. Учитывая двусмысленность положения Афганистана перед началом нами летней кампании в Бухаре, следовало принять во внимание важнейшие операционные направления из Афганистана в Туркестан.

Таковыми, на мой взгляд, могли явиться: направление Андхой, Керки, Карши (120 в.) с вариантами на Бухару, Кермине, Самарканд.

Направление Мазары, Шериф, Чушка Гузар или, Термез, Дербент, Гузар, Шахрисяба, Самарканд (370—380 в.). Эти направления вели во фланг и тыл армии, оперирующей в Бухаре фронтом на восток, и выводили, особенно первое из них, на ее сообщения, в чем и заключалось их, опасное для нас, значение.

Это обстоятельство требовало такой группировки войск, оперирующих в Бухаре в восточном направлении, чтобы всегда была возможность все их или большую часть перестроить фронтом на юг, а возможность перемены операционной линии выдвигало важное значение в таком случае пути Самарканд, перевал Тахта Карача, Шахрисябз, Гузар, как запасной коммуникационной линии.

Кроме того, эти направления надлежало на все время операции непосредственно обеспечить соответствующей силы заслонами.

Теперь остановлюсь еще на обстоятельстве, которое тоже имело не маловажное и тяжелое для нас значение в описываемом мною походе. Я говорю о климате; климат Бухары, по моему убеждению, является одним из наиболее трудно переносимых европейцами.

Палящий зной летом, достигающий 68° по Реомюру, гнилая зима в местностях равнинных и суровая и снежная в горах—таковы его характерные особенности.

Целый ряд своеобразных свойственных только климату болезней, распространен по всей Бухаре. Из них наиболее распространена малярия, являющаяся буквально бичем Бухары; не избавлено от нее и местное население, но особенно подвержены ей лица только что прибывающие в страну, особенно летом из более умеренных климатов. Наибольшего своего развития малярия достигает в течение лета и части осени. Эпидемия 1922 года была особенно сильна и очень сильно отразилась и на наших войсках.

В условиях описываемого мною театра борьба с природой и ее силами приобретала особое значение. В таких условиях подготовка к ведению

операций должна была быть проведена с чрезвычайной предусмотрительностью. Не следует забывать ни бездорожья театра, ни того обстоятельства, что длина главной коммуникационной линии (считая от ст. Карши) достигала 300 в. исключительно грунтовой дороги; правда, участок ее от Гузара до Дербента был участком хорошего колесного тракта, который впоследствии был приспособлен нами и для грузового автомобильного движения, путем усовершенствования мостов, имеющихся на этом пути. По степени их влияния на ход военных действий, я на первое место поставлю пустыни, потом реки, наконец горы, несмотря на то, что главные операции разыгрались исключительно в горной обстановке.

ГЛАВА II.

Силы противника, их распределение на театре военных действий. Наши силы и средства.

К тому времени, когда в принципе была решена новая экспедиция в Восточную Бухару, все контр-революционные и беспокойные элементы группировались около двух наиболее заметных предводителей.

В Восточной Бухаре Энвер-паша, опираясь на горное и полунезависимое племя локайцев, мог рассчитывать на вооруженную силу общею численностью до 10000 человек. Я не хочу сказать, что всеми этими силами Энвер-паша мог распорядиться вполне свободно в любую минуту.

Как показали дальнейшие события, в это число входил, если можно так выразиться, и „территориальный" резерв Энвера-паши в виде локайцев, бравшихся за оружие и выходивших в поле в особо исключительных условиях по призыву своего вождя Ибрагим-бека. Я лично считаю, что вполне свободно в оперативном отношении Энвер-паша мог распоряжаться лишь 2500—3000 человек, считая в том числе небольшие афганские отряды, разновременно к нему прибывавшие.

Все эти силы группировались в треугольнике Байсун, Ширабад, Дюшамбе, упирая свой тыл в район, населенный локайцами. Наибольшей плотности расположение противника достигало в районе г. Байсуна, который был занят небольшим нашим гарнизоном.

В Западной Бухаре, преимущественно в долине Заревшана, имея в г. Нур-Ата свою базу, оперировал другой, выдвинувшийся в минувшее лето предводитель, мулла Абдул Кагар, о котором я уже выше упоминал.

В шайках Абдул Кагара насчитывалось до 2000 человек; иногда его усиливали шайки, заходившие в Бухару со стороны Самаркандской области. Впрочем я считаю, что и у Абдул Кагара количество сил, бывших всегда у него под рукою, не превышало 700—800 человек.

Кроме этих двух, наиболее значительных группировок, можно было рассчитывать еще и на движение туркмен, руководимых из подвластного Афганистану Андхайского ханства, о силах их судить пока было трудно, ибо движение еще не успело выявиться в достаточной мере. Упомяну еще о небольших бродячих, чисто разбойничьего характера, шайках в окрестностях г.г. Карши и Шахрисябза, а также о небольшой шайке, состоявшей из курсантов Бухарской военной школы в числе 70 человек,

бежавших вместе с Бухарским военным назиром Арифовым, родом башкирцем, который некоторое время служил раньше в армии Колчака. Шайка эта скоро исчезла с нашего учета, и я полагаю, что она растворилась в шайках муллы Абдул Кагара, а Арифов бежал в лагерь Энвера и ничем особенным в дальнейшем ходе бухарских событий себя не проявил.

Всего на территории Бухары наша разведка насчитывала до 14—16 тысяч противника, из них половина вооруженных. Я могу сказать, что вообще учет вооруженных сил, с которыми мы могли иметь дело, не мог подлежать сколько-нибудь точному подсчету. Несомненно, что наши неудачи сильно увеличили бы это первоначальное число, а наши успехи способствовали их уменьшению.

Из наиболее выдающихся вождей, кроме Энвера-паши и муллы Абдул Кагара, я упомяну еще об Ибрагим-беке, главе племени локайцев, Ишан султане, пользовавшемся большими известностью и уважением со стороны жителей Восточной Бухары и, наконец, о Даниар-беке, очень энергичном и предприимчивом партизане, служившем некогда в Кавказской дикой дивизии. Даниар-бек стоял во главе отряда в 400 человек, хорошо вооруженных, обладал пулеметами и со своим отрядом делал нередко набеги на наши сообщения и портил нашу телеграфную линию.

Было у Энвера и несколько турецких офицеров, но они проявили себя мало и лишь начальник штаба Энвера-паши Хасанов сделался известен, как начальник отряда, прикрывавшего сообщения Энвера с Афганистаном.

Не могу сказать, чтобы полное согласие царило в стане противника. Многие из упомянутых главарей враждовали с Энвером-пашой, как с пришельцем, во всех отношениях отличающимся от них; они опасались Энвера и интриговали против него, но последний находил всегда сильную поддержку в лице бывшего эмира, который своим авторитетом много раз улаживал недоразумения между Энвером-пашой и Ибрагим-беком.

Соперничество между этими наиболее видными предводителями иногда принимало очень резкие формы и дело чуть ли не доходило до открытого разрыва между ними.

Отряды противника, особенно в начале кампании были почти исключительно конные. Комплектовались они в значительной мере по территориальному признаку, причем, будучи по существу партизанскими, они, как это водится у партизан из местного населения, могли собираться полностью лишь периодически и крайне неохотно покидали родные места. Это их свойство и отразилось на всем образе действий противника: ни Энвер-паша, ни мулла Абдул Кагар не могли с такими отрядами предпринять длительной и сложной операции, ибо главная масса их сил последовала бы за ними лишь до известного предела.

Только отряд Даниар-бека, да еще отряды профессионалов басмачей, пробиравшиеся иногда к Энверу из пределов Туркестана, являлись в полном смысле этого слова экстерриториальными.

Вооружение партизан было разнородно: начиная от одиннадцати зарядных английских винтовок и русских трехлинеек и кончая берданками и туземными мултуками. У Энвера и Абдул Кагара было по нескольку пулеметов, частью испорченных, частью не имевших лент и во всяком случае не принесших им особой пользы в последовавших боях.

Снабжение этих отрядов огнеприпасами происходило частью из Афганистана, частью путём скупки патронов на рынках Бухары, Туркестана и даже Европейской России.

Обладая отличным конским составом и хорошо зная местность, отряды Энвера-паши и муллы Абдул Кагара были неутомимы в больших переходах, трудно уловимы и искусны в нечаянных нападениях и засадах.

Легко поддающиеся впечатлениям боя, они могли быть способны к большому порыву в начале боя, но этот порыв был непродолжителен; артиллерийского огня и решительной смелой атаки кавалерии они не выдерживали; жили они исключительно на местные средства, при чем использование этих последних носило беспорядочный характер и вызывало нарекания местных жителей.

Энвер-паша старался внести начала регулярной организации в эти отряды и приучить их к регулярному бою, но из этих попыток, повидимому, ничего не вышло.

Однако, не взирая на чисто партизанский состав и характер своих отрядов, Энвер-паша думал действовать с ними, как с регулярными частями, принимая бои с нашими частями, что его в конце концов и погубило.

Наоборот, мулла Абдул Кагар, как природный партизан, правильно оценивал сильные и слабые стороны своих войск и всегда избегал открытого боя с нашими войсками при мало-мальски сомнительных шансах на успех; он умело избегал решительных поражений, почему борьба с ним приняла длительный характер, и потребовала длительного напряжения усилий для его ликвидации.

Первоначально предназначенные Туркестанским фронтом для действий в Бухаре, войска оказались недостаточными, имея в виду необходимость не только ликвидировать живую вооруженную силу противника, но и оккупационным порядком занимать известные районы и действовать на территории чрезвычайно обширной. Силы эти были увеличены еще одной стрелковой бригадой, сформированной специально для действий в Бухаре в Европейской России и еще одним кавалерийским полком.

Впоследствии из России же и отчасти с Кавказа были двинуты и еще более значительные подкрепления.

Вооружение и снабжение войск, предназначенных для действий в Бухаре было в общем удовлетворительно, но обозом они были обеспечены далеко не соответственно той обстановке, в которой приходилось действовать; особенно слабо были обеспечены обозом войска, прибывавшие из Европейской России, а вновь сформированная бригада следовала и вовсе без запряженного обоза и с незапряженной артиллерией.

Эта бедность в обозах была самою слабою нашей стороною, сильно отразившейся на ходе всей операции и времени ее начала.

Армейские транспорты в сущности отсутствовали также; фронтом был прислан всего лишь один транспорт, состоявший из ломанных повозок, которые уже пришлось чинить на месте и без единой лошади.

Армейские транспорты пришлось формировать импровизированным путем во время подготовки к операции в течение ее самой, при чем много в этом отношении нам помогли верблюды, отбитые у противника.

Дисциплина и дух старых Туркестанских полков были хороши; их несколько портили укомплектования, только что прибывшие из сокращае-

мых по штатам частей, особенно в кавалерии. Однако, усиленно поведенная политическая работа скоро сгладила всякую разницу. Не могу пожаловаться в отношении дисциплины и духа и на войска, присланные из Европейской России.

Условия сосредоточения были для нас неблагоприятны, имея в виду бедность театра военных действий железнодорожными путями и плохое состояние войсковых и армейских транспортных средств. В силу этих причин оно должно было совершаться и совершалось медленно.

Обращаясь к сравнению сил и средств сторон, необходимо отметить, что Энвер-паша и мулла Абдул Кагар безусловно превосходили нас в подвижности и первоначально в численности, но технически и организационно мы были несравненно сильнее их.

Самой слабой стороной военной организации Энвера-паши, роковым образом повлиявшей и на неуспех его первых столкновений с нами, было полное отсутствие у него артиллерии и в общем слабое вооружение и скудость в пулеметах, в то время, как мы во всех боевых столкновениях в обширных размерах могли применять артиллерийский и пулеметный огонь.

ГЛАВА III.

Подготовка и планы обеих сторон.

Встав во главе контр-революционного движения в Бухаре, Энвер-паша широко развил организационную и агитационную работу.

Его эмиссары и курьеры с письмами направились в Западную Бухару к туркменам и в Туркестан. Все контр-революционные элементы Средней Азии насторожились и со вниманием присматривались к назревавшим событиям. Он обнародовал ряд воззваний к населению, где выставлял себя защитником Ислама и независимости мусульман от империалистических поползновений большевиков. Об'являя себя уполномоченным Эмира и действуя его именем, Энвер-паша в действительности преследовал цели, о которых я уже говорил выше; ближайшей же его целью являлось изгнание российских Советских войск из Бухары и свержение Бухарского Советского Правительства.

Агитация и воззвания Энвера-паши не произвели особого впечатления на широкие массы населения Восточной Бухары; только грубой силой можно было принудить его встать в ряды Энвера; особое безучастие выказали таджики, по отношению к которым Энвер-паша вынужден был даже прибегать к принудительной мобилизации.

Как я уже указывал, местные главари не доверяли Энверу и опасались его; таким же отношением пользовался он и со стороны масс, но в его руках была реальная сила в виде 800—1000 человек афганцев и эта сила гарантировала в известной мере его авторитет и положение.

Мне кажется трудно с уверенностью сказать о том плане военных операций, который разработал Энвер-паша, ибо в этом отношении я не располагаю никакими документами.

Я полагаю, что он решил первоначально держаться выжидательного образа действий, усиленно организуя и собирая свои силы и ожидая, пока его агитация в Туркестане и иных местах даст свои плоды. В дальнейшем он, вероятно, предполагал соединиться с повстанцами Западной Бухары и Самаркандской области, свергнуть Бухарское Советское правительство и водворить в Бухаре изгнанного Эмира.

Тактическим об'ектом своих действий он избрал Байсун, занятый небольшим нашим гарнизоном, пункт, не имевший решительно никакого стратегического значения: время от времени он делал атаки на Байсун, всегда отбиваемые нашими стрелками; какое-то непостижимое притяже-

ние к Байсуну проходит красною нитью через все операции Энвера-паши, пока, наконец, он не был разбит нами под тем же самым Байсуном. Вся активность Энвера-паши только и выразилась в нескольких нападениях на Байсун, да еще в высылке несколько раз отряда Данияра бека для порчи телеграфных линий у нас в тылу. И это происходило тогда, когда Энвер-паша мог еще взять наступательную инициативу в свои руки.

Когда же мы достаточно сосредоточились и сами готовились перейти в наступление, план Энвера-паши, судя по его расположению, свелся к тому, чтобы, удерживая главную массу своих сил по-прежнему на Байсунском направлении, обеспечить фланги своего расположения отдельными отрядами у Сангардакского перевала и у Ходжа Милька от глубокого обхода.

При таком расположении следовало подумать об обеспечении связи с Афганистаном и сообщений с ним. Эта роль была возложена, повидимому, на начальника Штаба Энвера-паши Хасанова с отрядом в 400—500 человек; отряд этот держался сначала у Кабадиана, затем, теснимый нашими войсками, отошел на Куляб.

По мере отхода этого отряда изменялась и коммуникационная линия, по которой происходило сообщение Энвера-паши с Афганистаном; сначала она, очевидно, шла, как о том можно было судить из показаний пленного афганца, через переправу Айвадис на Кабадиан, Акмечеть, Денау, Юрчи, а затем, повидимому, она была отнесена на Сарай-Камарскую переправу и г. Куляб.

Невольно возникает вопрос, почему Энвер-паша, базируясь материально на Афганистан, не избрал местом сосредоточения своих сил район более близкий к нему и не предпринял попытки овладеть укреплением Термез; этот пункт стратегически был более важен, чем Байсун и обещал дать ему значительные огнестрельные припасы и вооружение, в чем сильно нуждался Энвер. Вместо этого Энвер-паша предпочел ничтожный по своему военному значению г. Байсун и длинную коммуникационную линию, отходящую от фланга и тянущуюся вдоль всего фронта его расположения.

Разгадку этому я лично усматриваю в том, что главной своей базой в отношении пополнения себя живой силой и продовольствием он считал район, населенный локайцами, и те районы, которые находились под влиянием их вождя Ибрагим бека. Располагаясь у Байсуна, Энвер-паша как раз опирался тылом на эти районы.

Ничем иным, как только этим, я не могу себе об'яснить столь странной группировки сил Энвера-паши при данной обстановке.

При назначении моем командующим группою общая идея операции сложилась у меня еще в Москве и окончательно оформилась в Ташкенте. Мне предстояло иметь дело с двумя противниками, из коих один был на фронте, а другой оперировал в тыловом районе. Благодаря своему положению они растягивали мои силы по различным направлениям. Правда, я тоже имел выгоду в том, что мог, так сказать, действовать по внутренним операционным линиям Когад, наконец, движение туркмен оформилось, а у меня появился еще третий противник уже на фланге. Предстояло решить вопрос, кого же из этих трех противников избрать главнейшим об'ектом своих действий. Ни у кого не было сомнения

в том, что таковым об'ектом должны были явиться живые силы противника, возглавляемые Энвером-пашей. В его лице мы наносили чувствительный удар всему панисламистскому движению в Средней Азии.

Но идея, правильная сама по себе, должна была правильно быть проведена в жизнь. С начала и до конца операции, т.-е. до смерти Энвера-паши я старался наиболее резко провести эту идею и в соответствующей группировке войск. Я считал возможным ограничиться на второстепенных театрах лишь строго необходимым количеством войск, лишь бы только не подвергнуть их риску отдельного поражения; я бы согласился даже на временные неудачи и затяжную борьбу скорее, чем на выдергивание частей из войск главного театра для действий на второстепенных театрах.

Ход событий оправдал правильность выбора войск Энвера-паши за главный об'ект действий. Когда остатки их вместе с их предводителем были загнаны, наконец, в дебри Восточной Бухары и сам он пал на поле сражения, руководимое им движение быстро пошло на убыль.

Невыяснившееся положение Афганистана не исключало возможности его активного выступления в пользу Бухарской контр-революции; я должен был считаться с этой возможностью и предусмотреть меры противодействия ей. Особенно опасным для нас это выступление могло оказаться тогда, когда наши войска достаточно углубились бы в Восточную Бухару и получили бы неожиданный удар по тылу и сообщениям со стороны направления Керки, Карши. Поэтому в первое время следовало прочно обеспечивать Керки (бывший там гарнизон в одну стрелковую роту был, конечно, до смешного мал и в районе Карши иметь стратегический резерв достаточной силы, чтобы преградить противнику путь в глубь нашего расположения от переправ через р. Аму-Дарью западнее меридиана крепости Термез. Этой задаче удовлетворяло расположение моего стратегического резерва в районе Карши—Гузар.

Впоследствии, когда положение Афганистана достаточно определилось, надобность в этом миновала и можно было ограничиться лишь обыкновенным обеспечением гарнизонами городов Карши и Гузара, а излишняя часть стратегического резерва пошла на обеспечение коммуникационной линии обеих колонн, ведших активные операции в Восточной Бухаре.

Идея моего плана командования заключалась в следующем: действуя двумя колоннами, одной, двигавшейся первоначально вдоль правого берега р. Аму-Дарья, а затем сворачивавшей на северо-восток в направлении на Курган Тюбе, охватить сообщения Энвера-паши с Афганистаном, прочно обеспечить за собою все переправы на Аму-Дарье и в случае надобности помочь соседней колонне, а другой, действовавшей на операционном направлении Байсун—Дюшамбе, разбить живую силу противника и отбросить ее остатки на фронт соседней (правой) колонны, которая и должна была их окончательно добить.

Ближайший рубеж, который должны были захватить обе колонны и утвердиться на нем, намечался на линии Айвадис, Кабадиан, Юрчи; в дальнейшем обе колонны должны были выйти на рубеж Сарай Камарская переправа, г. Куляб, г. Бальджуан, г. Файзабад, г. Кафирниган и утвердиться на нем, предприняв отдельными летучими отрядами очистку от банд Каратегина, Дарваза, Рушана и Шугнана.

Когда из России начали прибывать подкрепления, на которые первоначально не рассчитывалось, то явилась возможность прежде всего усилить обе колонны (см. приложение № 1), а затем более прочно связать их с тылом путем более густого занятия гарнизонами их коммуникационных линий.

Первоначально в Дербенте и Ширабаде я предполагал иметь также подвижные стратегические резервы, которые, продвигаясь вслед за колоннами, до некоторой степени обеспечивали их тыл и могли бы оказывать им помощь; прибытие значительных подкреплений из России, как я уже упоминал, позволило прочнее обеспечить их тыл, заняв гарнизонами всю их коммуникационную линию. О расположении общего стратегического резерва и его значении я уже сказал выше. Заслоны в сторону Афганистана предполагалось, кроме того, иметь в Чарджуе, Керках и Термезе.

Всего в активных операциях (считая и часть стратегических резервов) должно было принять участие 75% пехоты, 90% конницы и 90% артиллерии.

Для обеспечения тыла и обеспечения операции (заслоны в сторону Афганистана) я считал возможным выделить 25% пехоты, 10% конницы и 10% артиллерии.

Я ходатайствовал об обеспечении всей армии, действующей в Бухаре месячным запасом огнеприпасов в г.г. Кагане и Самарканде; эти запасы должны были явиться моими основными артиллерийскими базами.

Длинное операционное направление и предвидимая мною бедность в войсковых и армейских транспортах заставляли особенно внимательно отнестись к вопросам снабжения огнеприпасами войск в дальнейшем.

Как выход из положения, я хотел рассредоточить огнеприпасы в пространстве, приблизив их к войскам и использовав для перевозки их в качестве подсобного средства, транспорт местного населения. Поэтому промежуточные артиллерийские базы и полевые склады огнеприпасов намечались мною еще в Каршах, Дербенте, Ширабаде, а впоследствии и в Кабадиане и Юрчах.

С большим трудом эти предположения удалось осуществить, правда, с запозданием во времени и с постепенным наполнением этих складов предположенной нормой огнеприпасов уже во время хода самой операции.

Исходя из того же принципа, продовольственные склады и базы намечались в тех же пунктах, что и артиллерийские. Кроме того, предполагалось учредить склады продовольствия и на всех этапах, но осуществлялся этот проект с большим запозданием и трениями. Пополнять базы должно было, согласно конвенции, Бухарское Правительство. Оно это и делало в меру возможности, но все-таки еще в конце июля продовольственные магазины в Юрчах, Байсуне, Дербенте, Ширабаде и по всей коммуникационной линии были еще пусты.

Инженерная подготовка театра должна была выразиться в усовершенствовании укреплений Керки и Термеза, в устройстве небольшого тет-де-пона в Чарджуе и в восстановлении разрушенных блокгаузов, почтовых станций на главной коммуникационной линии, а также в исправлении тракта Гузар, Дербент, Термез и устройстве на нем более прочных мостов для автомобильного движения.

Этих заданий было вполне достаточно для немногочисленных в общем инженерных частей группы.

Кроме постоянных лечебных заведений в Термезе, Керках, Чарджуе и Кагане, имелись еще полевые госпиталя в Каршах и Гузаре; последний был перед началом операции передвинут в Байсун.

Эти лечебные заведения в совокупности давали за округлением 600 стационарных мест и считая кругооборот койки в 10 дней можно было рассчитывать на пользование в них до 2000 больных в месяц. Этого количества госпиталей, конечно, хватило бы, если бы состав армии оставался прежним и малярия не получила столь широкого распространения, как это в действительности случилось минувшим летом.

Главная коммуникационная линия: сначала железнодорожный путь Каган—Карши, а затем колесный путь Гузар, Дербент, была уже отчасти оборудована; на вспомогательной коммуникационной линии р. Аму-Дарье имелись пароходы и баржи.

Запасной коммуникационной линии Самарканд, Шахрисябз, Гузар специально оборудовать не предполагалось, а имелось в виду лишь обеспечение ее соответствующим расположением войск.

ГЛАВА IV.

Сосредоточение и развертывание сил и средств. Ближайшие задачи в этой области и их разрешение. Операции под Керками, Нур-Атой и Байсуном.

23 апреля я вступил в фактическое командование войсками Бухарской группы.

На месте я застал сформированное недели за три до моего приезда управление по типу армейского, созданное тогда, когда развитие повстанческого движения в Западной Бухаре, поднятого муллой Абдул-Кагаром, потребовало спешной переброски в Западную Бухару подкреплений из Туркестана.

С помощью этих подкреплений удалось предотвратить угрозу г. Бухаре, обеспечить некоторые административные центры в долине р. Заревшана и линию железной дороги.

Мулла Абдул-Кагар получил несколько чувствительных ударов и его шайки были отогнаны частью в гористый район г. Нур-Ата, частью к границам песков.

Войска, оперировавшие против Абдул-Кагара, группировались главным образом вдоль линии железной дороги, в долине Заревшана. В предвидении возможности более упорной борьбы с Абдул-Кагаром на линии железной дороги временно задержались и войска, вообще назначенные для операций в Бухаре. Большинство войск, следовавших из пределов Туркестана в Бухару, уже достигли ее, при чем часть из них следовала походным порядком от Самарканда через перевал Тахта-Карача на Шахрисябз.

Таким образом, общее положение в момент моего прибытия можно охарактеризовать так: острота момента в борьбе с Абдул-Кагаром уже миновала и заканчивался подход подкреплений, назначенных для действий в Бухаре из состава войск Туркестанского фронта. Войска, долженствовавшие прибыть из Европейской России, еще не обозначались ни у Оренбурга, ни у Красноводска.

В момент вспышки борьбы с Абдул-Кагаром войска вводились в дело по мере их подхода к районам боевых столкновений. Ныне, в период относительного затишья предстояло восстановить крупные организа-

ционные соединения (полки), разграничить районы действий войск, назначив боевые участки и состав войск, в них входящих, установить оперативную подчиненность и приступить к подготовке к главной цели операции и сосредоточению для нее войск.

Таковы были непосредственные задачи в чисто оперативной области, которые я себе поставил в первый же день моего прибытия. Кроме них предстояла еще сложная организационная и подготовительная работа и в иных областях управления армией.

Прежде чем перейти к описанию этой работы, я для уяснения всей полноты обстановки приведу здесь данные о составе войск, которые первоначально находились в моем распоряжении, их состоянии и способах их довольствия и снабжения.

Состав войск, первоначально входящих в Бухарскую группу, я привожу в приложении № 2.

В отношении состояния войск должен отметить, что стрелковые полки, не будучи мобилизованы, почти все были в некомплекте. Особенно сильно чувствовался некомплект в войсковых частях, долго пробывших в Бухаре и не успевших оправиться еще после Гиссарской экспедиции; так, например, в 7 стр. полку некомплект достигал 68%, а в 8 стр. полку он исчислялся в 45%, а в 12 стрелковом в 25%.

Остро чувствовался недостаток конского состава в полках пехоты. Полки, долго простоявшие в Бухаре и успевшие уже принять участие в боевых действиях, успели несколько восполнить этот недостаток, но во вновь прибывавших полках дело обстояло очень остро. В 4 стр. полку, например, некомплект лошадей по штату мирного времени достигал 29%, а в 5 стрелковом он даже доходил до 55%. Бригада же, следовавшая из России, должна была притти и совсем без конского состава.

Главная роль в предстоящем походе в Восточную Бухару выпадала на долю кавалерии. При условии поднятия на вьюки полковых обозов, некомплект лошадей в коннице бросался в глаза еще резче, чем в пехоте.

Для иллюстрации привожу следующие цифры: в 1-м кав. полку некомплект лошадей достигал 28%, а во 2-м кав. полку не хватало 22%, в 15 кав. полку 59%, в 16 кав. полку 26% и, наконец, в 10 кав. полку, только что прибывшем из России, не хватало до штата 98% лошадей.

В артиллерии дело обстояло несколько лучше, но и то полевая батарея 3 стр. бригады для того, чтобы двинуться в поход, нуждалась в 116 человеках артиллерийской прислуги и в 120 строевых артиллерийских лошадях. В своем настоящем положении она являлась даже не артиллерийской частью, а пушками с караулом при них.

В конной артиллерии в 8 конно-горной батарее был довольно значительный некомплект лошадей, достигавший 36%.

8 кавалер. бригада в отношении конского состава была боеспособна всего на 50%. Ей необходимо было дать пополнение в 870 лошадей.

Обеим кавалерийским бригадам не хватало седел и конской принадлежности: 1-я кав. бригада предъявляла требование на 500 седел, 2000 недоуздков и проч. принадлежность.

Ей не хватало также 732 шашек. 8 кав. бригада просила 600 строевых и 240 вьючных седел, чтобы стать действительно способной для активных операций.

Артиллерийский парк 3 арт. бригады также не имел ни одной лошади. В момент моего прибытия транспортные средства собственно армии почти отсутствовали: имелось два автогрузовых отряда; из них один (№ 1) по состоянию своему мог работать только на ст. Каган, а другой, хотя и был сильнее (№ 23) на ходу имел всего 8 грузовиков и испытывал постоянную нужду в горючем и смазочных материалах.

Несколько дней спустя после моего прибытия был прислан армейский транспорт № 66, но о состоянии его я уже упоминал выше (одни повозки, нуждавшиеся в ремонте).

В отношении обмундирования и снаряжения войск были, конечно, тоже недостатки, но они не являлись вопиющими и могли быть в значительной степени восполнены теми нарядами, получка которых ожидалась с фронта. При правильном распределении запасов обмундирования и снаряжения, а главное при современной подаче его вперед к войскам передовой линии можно было надеяться, что войска не будут испытывать лишений в этом отношении.

Согласно конвенции с Бухарским Правительством, оно брало на себя заботу о продовольствии войск, действующих в пределах Бухары.

В основной паек входило ежедневная дача хлеба в количестве 2-х фунтов и мяса 1 фунт с установленной для Красной Армии нормой прочих продуктов. Колониальными продуктами (под этим подразумевался чай, сахар, мыло, табак, спички) должен был довольствовать войска уполномоченный Упродтурка.

Бухарское Правительство, учитывая рессурсы страны, выговорило некоторое сокращение пайка для войск тылового района и поэтому паек разделялся на нормальный (для тыла) по обще-федеративной норме и полевой, о котором я уже говорил выше).

Текущее довольствие Красной Армии Бухарское Правительство осуществляло при помощи своего продовольственного аппарата.

Хлебопродукты поставлялись по продналогу: на покупку мяса и иных продуктов отпускались деньги.

Должен отметить, что Бухарское Правительство весьма добросовестно относилось к этому своему обязательству. Если в этом отношении и возникали некоторые трения и перебои, то я их склонен об'яснить новизною дела для Бухарского продовольственного аппарата и некоторыми его организационными дефектами. Вдали от противника эти перебои возникали главным образом из за неравномерного поступления денежных средств в местные продовольственные органы из центрального, а финансовая политика последнего зависела от эмиссии денежных знаков Бухарским Правительством.

В передовых линиях, вблизи противника продовольственное снабжение войск, хотя никогда не доходило до кризиса, но бывало близко к нему в силу того обстоятельства, что Бухарские продовольственные органы в силу прежде всего своей организационной слабости и новизны дела не могли наладить равномерной эксплоатации прифронтовой полосы, а стремились выкачать все подлежащее сдаче продовольствие из ближайших к расположению войск районов.

Но повторяю, что все это было несовершенствами технического характера, которые устранялись и совершенствовались в процессе самой работы и текущее довольствие войск являлось стороной, которая при

расположении войск на месте не вызывала со стороны командования особых хлопот и беспокойств. По опыту своих походов должен отметить, что в этом отношении в Бухаре мы находились в благоприятных сравнительно условиях.

Тактическая подготовка войск была своеобразна; они мало были знакомы с уставами, но продолжительная практика в малой войне дала им хорошую закалку и ряд практических навыков и приемов.

Я отлично помню, как в начале моего ознакомления с войсками на смотру 1-го кавалерийского полка, командующий этим полком затруднился мне показать полковое уставное ученье, но отдельные эскадроны, которым на поле я давал различные тактические задачи выполнили их весьма и весьма удовлетворительно с чисто боевым подходом к делу, чего так трудно удается достигнуть в учебной работе мирного времени.

Пехота представляла более пеструю картину в этом отношении, но все-таки вспоминаю некоторые батальоны, особенно 5-го стр. полка, где тактическую подготовку также должен признать вполне удовлетворительной.

О духе войск можно было бы и не говорить. За него говорит тот поход, который они совершили и те труды, которые они перенесли при этом. Я неоднократно впоследствии изумлялся и поражался тем героизмом и самоотвержением, которые были настолько всеобщи, что не поражали уже старых туркестанцев, смотревших на них как на дело совсем обычное, но которое на каждом шагу проявлялось войсками во время похода в Восточную Бухару.

С первого же моего знакомства с туркестанскими войсками я убедился, что они, несмотря на некоторые недочеты, являются хорошим боевым материалом и последующий ход событий вполне оправдал это мое мнение.

Устройство баз и складов было еще в области предположений; военно-инженерная подготовка, главным образом, конечно, исправление и усовершенствование коммуникационной линии, только еще начиналась.

На финансовой стороне я позволю себе остановиться несколько подробнее.

Нам пришлось действовать в стране с иной валютой, чем наша, и поэтому эта сторона дела имела большое значение. Финансовое положение не могло не внушать больших опасений; оно было плачевно. Начать с того, что задолженность войскам в жалованьи достигала солидной цифры. По сведениям начальника снабжения она выражалась в следующих суммах: январь—8.542.500 руб., февраль—4.875.000 руб., март—112.930.000 руб., апрель—71.466.660 руб.

По соглашению с Бухарским Правительством в Бухаре имели хождение наравне с бухарской валютой лишь русские денежные знаки образца 1919 и 1920 г.г., войска же получали жалованье денежными знаками образца 1922 года, о которых не было никакого соглашения. Понятно, как тяжело это обстоятельство отражалось в чужой стране на войсках. На почве такой прискорбной для нас недоговоренности происходила сильная спекуляция русскими деньгами. Например, если память мне не изменяет, в первые дни моего приезда в Бухару за миллион бухарской валюты надо было дать 5, а потом и 8 миллионов денежными знаками 1922 года.

В таковой же валюте были и денежные знаки, имевшиеся в распоряжении Р. В. С. группы, да кроме того, они были и в очень ограниченном количестве. Запас денежных знаков 1919—1920 г.г. был очень ограничен и на фронте и он уделял эти знаки в распоряжение группы очень малыми порциями, и после больших настояний.

Это сплошное финансовое недоразумение, конечно, только отрицательно влияло на ход подготовки. Р. В. С. группы сидел собственно говоря без всяких средств, получая их по каплям и в неопределенные сроки. Пришлось затратить много хлопот, труда, усилий, чтобы достигнуть, наконец, того, что казалось столь необходимым и естественным: получения денежных средств на нужды организации экспедиции и на уплату жалованья войскам в бухарской валюте.

Эта работа заняла около месяца времени; лишь к половине мая финансовый вопрос начал несколько регулироваться и лишь к началу июня наладился окончательно.

Я потому так подробно остановился на состоянии войск во всех отношениях и на состоянии средств, чтобы читателю вполне ясны стали те разнообразные и сложные задачи, которые предстояло разрешить для того, чтобы новая экспедиция в восточную Бухару не оказалась покушением с негодными средствами.

Как видит читатель задачи эти сводились к изысканию способов в кратчайший срок закончить организацию войск и снабдить их средствами, необходимыми для успешного совершения столь продолжительного и трудного похода.

Успех его находился в прямой зависимости от снабжения войск конским составом в достаточном количестве и от создания того наименьшего количества армейских транспортных средств, которые бы обеспечили войскам подвоз всего им необходимого и главным образом, огнеприпасов.

Прежде чем говорить о тех способах, которыми удалось прийти к разрешению в значительной мере всех указанных выше задач, я остановлюсь на расположении войск, какое я застал при своем вступлении в командование, тех видоизменениях, которые я нашел необходимым немедленно в нем сделать и причинах моих действий.

Расположение их можно усмотреть из приложения № 4. На прилагаемой схеме бросается в глаза сравнительная слабость наших войск передовой линии, долженствовавших прикрыть наше сосредоточение и обеспечить его и необеспеченность их сообщения с тылом. Особенно это бросалось в глаза на Байсунском участке, прикрывавшем наше будущее главное операционное направление. Связь этого участка с тылом не была найдена; банды противника неоднократно забирались на нашу военную дорогу, пытались нападать на этапы и портили связь. Второй, на мой взгляд, ненормальностью было расположение 3-го батальона 8-го стр. полка, растянутого кордоном по пограничным постам от Керков до Термеза на протяжении около 200 вер. При создавшейся в Бухаре обстановке к концу апреля месяца этот батальон был бессилен по своей растяжке против крупных банд, а мелкие могли прорываться свободно через кордон этого батальона, благодаря растянутости его. В виду того, что батальон располагался так, как часть войск пограничной охраны, по указаниям штаба фронта, я немедленно ходатайствовал о разрешении

стянуть этот батальон к Термезу и через несколько дней получил его; Байсунский же участок я решил обеспечить, подперев его с тылу одним батальоном 12-го стр. полка и 2-м кав. полком, которые направил к Ак-Кутальскому перевалу и расположил в с. Дербент.

Действительно, Энвер-паша, будучи в описываемый период времени гораздо сильнее 7-го стр. полка, занимавшего г. Байсун, мог свободно выделить часть своих сил для овладения Ак-Кутальским перевалом, который никем не охранялся и таким образом отрезать Байсун и от сообщения с тылом, и от сообщения с Ширабадом и Термезом.

Я до сих пор не понимаю, почему Энвер-паша не сделал этого, а предпочел время от времени атаковать Байсун в лоб, тем более, что пройти к Ак-Куталу он мог и минуя Байсун, воспользовавшись прямою дорогою через Кишлак-Рабат, лежащий в 12 верстах южнее Байсуна на Дербент.

Установив границы боевых участков, распределив по ним войска и поставив им задачи, и усилив наше передовое расположение, можно было приступить к подготовке операции в целом.

Вопрос о конском составе и о создании транспортов для армии заинтересовал меня прежде всего.

Правда, в отношении транспорта существовало также соглашение с Бухарским Правительством; оно обязывалось давать местные транспортные средства для перевозки войсковых тяжестей и грузов. Но на один этот источник расчитывать было нельзя. Это дело носило случайный характер, не было организовано заранее и часто случалось так, что одни районы совершенно исчерпывались в то время, как другие вовсе не испытывали на себе тягостей гужевой повинности. Трудно было и расчитывать на безотказность этого источника, имея в виду, что войска в значительном количестве, одни вслед за другими должны были проходить через одни и те же пункты, каковым, например, являлся г. Карши; через него прошли почти все войска, следовавшие на сформирование правой и левой колонн, войска назначенные для оккупации коммуникационных линий, наконец, запасы для формирования промежуточных баз, госпиталя, части связи и проч. Получалось явление, что транспорт, забранный одними войсковыми частями не успевал возвратиться, как являлись новые войсковые части, также требовавшие подвод и вьючных животных. Между тем, Каршинский этапный комендант, не обременяя чрезмерно населения, в сутки мог располагать только 25 местными подводами. В других местах не было и этого и войска, не находя новых перевозочных средств в достаточном количестве, забирали с собою следовавший с ними местный транспорт и гнали его дальше до конечных пунктов своего следования.

Вопрос о довольствии жителей, следовавших при местных транспортах не был выяснен; местные ревкомы предлагали им запасаться собственным продовольствием, что ложилось на них еще новым бременем.

Прежде всего надлежало прекратить анархию в использовании местных транспортных средств. Был отдан приказ, устанавливающий очередь пользования местными транспортными средствами, порядок требования их, роль и обязанность в этом отношении этапных комендантов и взаимоотношения их с войсковыми начальниками. Строжайше запрещалось войскам самостоятельно прибегать к сбору местных транспортных

средств, задерживать их при себе по окончании ими перевозки и угонять их с собою, при возможности смены их на следующем этапе. Было установлено, что погонщики и проводники транспортов при следовании их с войсками получают продовольствие для себя и для своих животных на равных с войсковыми частями основаниях.

Местный транспорт являлся при всем своем несовершенстве все-таки единственным средством, которое дало нам возможность передвинуть и войска, и огромное количество войсковых, артиллерийских и санитарных грузов в Восточную Бухару.

В сравнении с ним армейские транспорты играли роль только маленького подсобного средства, ибо развить их организацию полностью до потребных размеров нечего было и думать.

Однако, начало формированию армейских транспортов все-таки удалось положить. Основанием им послужили прежде всего 80 верблюдов, захваченных у противника во время нашей Нур-Атинской экспедиции; затем Р. В. С. группы, по моему предложению, решил часть своих сумм употребить на наем вольного арбяного транспорта в 100 арб, который подрядным способом был сформирован в Самарканде.

Этот транспорт прибыл в Бухару в отличном состоянии и оказал очень большие услуги войскам во время похода.

Приступлено было к формированию и специального артиллерийского вьючного транспорта собственным попечением. Для этого предполагалось закупить подрядным способом до 900 лошадей по цене до 9 милл. рублей за голову с поставкой их за счет казны до г. Карши, где формировался транспорт. Но покупка и поставка лошадей происходила медленно и слабо; до конца операции не удалось закупить даже и четверти всего потребного количества и начальник артиллерийского снабжения распоряжался транспортом в 130 повозок.

В дополнение к 66 армейскому транспорту, в котором все-таки удалось запрячь 40 повозок, фронтом было прислано еще 70 верблюдов.

Благодаря всем указанным мерам, лишь к концу июня месяца армейские транспортные средства удалось довести до такой нормы:

66 армейский транспорт—40—50 запряженных повозок, грузоподъемность	200 пуд.
Вольнонаемный арбяной транспорт—100 арб., грузоподъемность	200—300 „
Верблюжий вьючный транспорт—140 голов, грузоподъемность	1400 „

Общая грузоподъемность транспортов, которыми располагала армия уже в момент полного развития военных действий, выражалась таким образом цифрой 3600—4600 пудов. Для того, чтобы судить о том, насколько эта цифра не отвечала действительным потребностям армии приведу следующие расчеты: для того, чтобы сосредоточить продовольственные грузы в основных и промежуточных базах и полевых складах требовалось перевести в общей сложности 165.000 пудов (цифры взяты с округлениями), на что потребно было, при условии исключения объемистого фуража, 2.685 подвод или 5.300 вьючных животных.

К этому надо добавить артиллерийские грузы в количестве до 50.000 пудов, на что требовался дополнительный транспорт, исчислявшийся в 70 повозок или 140 верблюдов.

Когда пришлось закладывать промежуточную базу в Юрчах, то перевозка из Каршей в сторону Дербента исчислялась в 20.000 пудов.

У читателя может возникнуть вопрос, каким образом со столь ничтожными транспортными средствами удалось все-таки организовать и довести до конца столь продолжительную и длинную экспедицию в Средней Азии, когда известно то колоссальное количество транспортных средств для организации подобных экспедиций в прошлом. На это я отвечу, конечно, в общем условия нам в этом отношении благоприятствовали; во-первых, текущее довольствие войска получали от местных властей и не было надобности перевозить его: во-вторых, и продовольственные базы пополнялись также заботой Бухарского Правительства и нам не приходилось заботиться о транспорте для них. Таким образом, на работу армейских транспортов ложился главным образом подвоз и перевозка артиллерийских, инженерных грузов и госпитального имущества. Но и грузы этих категорий выражались очень солидной суммой тысяч пудов. Между тем все их, хотя и с известным запозданием во времени, все-таки удалось перебросить в назначенные места.

Только из сопоставления приводимых мною цифр можно оценить те колоссальные роль и значение, которые сыграл в этом походе для нас местный транспорт.

Отмечаю опять, что в этом отношении как центральные органы Бухарского правительства, так и власти на местах и во многих случаях само население широко шли на встречу нуждам и требованиям армии.

Как я уже упомянул, для того, чтобы сделать мою конницу действительно способною к походу, нужно было изыскать источники к снабжению ее конскими средствами. Довести конский состав ее до полного штата, конечно, было очень трудно. Но все-таки хотелось поднять на ноги 8 кав. бригаду и 10 кав. полк. На помощь фронта в этом отношении рассчитывать не приходилось, и наше положение было бы очень трудно, если бы на помощь опять-таки не пришло Бухарское Правительство. Оно обещало поставить для нужд армии 1.000 лошадей и выполнило это обещание. Правда, поставка этих лошадей растянулась на целых два месяца, но во всяком случае к началу решительных операций 8 кав. бригада могла уже принять участие в походе.

После посещения Бухары Главкомом, фронт дал 200 артиллерийских лошадей; хотя из них очень многие оказались негодными к службе, но все-таки удалось при помощи них окончательно запрячь полевую батарею 3 стр. бригады, $1^1/_2$ горных батарей, 7 стр. бригаду и даже артиллерийский парк 3 стр. бригады.

Таким образом, можно считать, что нам удалось справиться в значительной мере с пополнением конского состава в артиллерии и кавалерии и положить начало организации армейских транспортов; на большее, конечно, рассчитывать и не приходилось.

Учитывая свойства театра (его обширность) и бедность войск и армии обозами, я при организации базы придерживался принципа возможно большего рассредоточения базисных складов по территории, дабы таким образом приблизить их к войскам. Конечно, в этом был известный риск, ибо в случае необходимости отступления, мы не справились бы с полной их эвакуацией, но из двух зол я избрал меньшее и предпо-

читал лучше рисковать возможностью потери части продовольственных и огнестрельных припасов—чем оставить войска в нужное время без них.

Тот же принцип рассредоточения по территории был применен и в отношении артиллерийских запасов.

В продовольственном отношении предусматривалась следующая организация тыла:

Основные артиллерийские базы намечались в г.г. Кагане и Карши. Промежуточные армейские базы в г.г. Шахрисябзе и Гузаре. Передовые армейские базы в г.г. Байсуне и Ширабаде. Армейские полевые склады в г.г. Керки и Термезе.

К 1 июня надлежало сосредоточить на всех этих складах двухмесячный запас продовольствия на всю армию, исходя из расчета 30.000 едоков и 10.000 лошадей.

Запас этот в % отношении распределялся по базам следующим образом, в Каганской базе должно было содержаться 30% всего указанного запаса; в Каршинской 35%, в Шахрисябзской 10%, Гузарской 10%, Ширабадской и Термезской по 10% и в Керкинской 5%.

Кроме того, Бухарское Правительство обязывалось поставить 1.000 п. кишмишу для госпиталей.

Для облегчения работы Бухарского уполномоченного по снабжению Красной Армии я признал возможным установить два срока для пополнения этих баз; к 15 мая должны были быть пополнены основные и промежуточные армейские базы, а к 1 июня все остальные. Эта основная сеть армейских продовольственных учреждений должна была быть развита и усилена созданием местных этапных продовольственных складов. Таковые намечались в пунктах настоящего и будущего расположения этапов, на главной коммуникационной линии. Ведомость их с указанием, на какое количество людей и лошадей надлежало в них иметь продукты, приводится в приложении № 3.

Указанные склады должны были быть пополнены уже непосредственно распоряжением начальника снабжения группы путем выделения в них части запасов из армейских баз.

Следует признать, что с этой частью работы мы не справились и до конца операций нам этапных продовольственных складов образовать не удалось.

Этому было две причины: первая—армейские транспорты, коими должен был пользоваться начальник снабжения для этой цели, только и успевали перевозить армейские артиллерийские, инженерные и санитарные грузы и их никак нельзя было снять с этой работы—вторая,—крайне медленное и постепенное пополнение самих армейских баз, происходившее главным образом в силу причин, о которых я уже упоминал выше (новизна дела для бухарских продовольственных органов и техническая и организационная слабость последних и скудный первоначально приток денежных средств. Так, например, из 80 миллиардов рублей, требовавшихся в мае месяце для этой цели Бухарское Правительство смогло в начале отпустить лишь 50—60 миллиардов рублей).

Когда началось усиленное передвижение войск по главной коммуникационной линии, тогда сказалось, конечно, это отсутствие местных этапных складов.

Войскам приходилось брать с собой в Гузаре запас продовольствия чуть ли не до Дербента, а последний в периоды прохождения через него значительных войсковых частей испытывал иногда перебои в снабжении, особенно хлебом.

Как я уже сказал и пополнение самих армейских баз происходило крайне медленно; пришлось несколько раз удлинять сроки, которые были первоначально установлены для окончания этой работы и все-таки она, продолжаясь все лето, полностью не была проведена. Вот маленькая иллюстрация к этому: к 31 мая основными продуктами (пшеница, крупа, мясо в живом скоте, жиры) на 100% была обеспечена только одна Шахрисябзская база. Сравнительно удовлетворительно обстояло дело на Каганской базе и очень слабо на остальных. В приложении № 5 я даю ведомость обеспеченности главнейшими продуктами армейских магазинов в момент начала решительной операции против Энвера-паши. Таким образом главным источником снабжения войск в течение всей операции явились местные средства. Однако, как ни слаба оказалась организация армейских продовольственных баз, все-таки она сослужила свою службу; когда в конце лета эти местные средства начали иссякать, и Бухарское Правительство начало испытывать затруднения в текущем довольствии войск, были тронуты запасы армейских продовольственных баз, которые удалось там накопить в течение лета.

В отношении организации артиллерийских баз, как уже я заметил выше, был применен принцип тот же, что и в организации продовольственной базы. Артиллерийское снабжение армии во время предстоящих операций требовало очень внимательного и вдумчивого к себе отношения, стоит только для этого припомнить условия театра войны.

Поэтому я более подробно остановлюсь на организации артиллерийского снабжения, которая была принята мною и на устройстве тыла в артиллерийском отношении.

Первоначальная организация тыла в артиллерийском отношении сводилась к следующему:

Основная артиллерийская армейская база намечалась в г. Кагане; основная огнебаза в г. Карши. Промежуточные армейские огнебазы намечались в Гузаре, Дербенте и Ширабаде. В Каганской базе полагалось содержать 10-дневный запас патронов для войск тыла, а в Каршинской месячный запас на всю армию. В Гузарской и Дербентской базах предполагалось содержать 10-дневный запас огнеприпасов для левой колонны и 6-дневный запас для правой колонны.

К созданию баз должно было приступить по мере поступления огнеприпасов из баз Туркфронта, при чем в первую очередь должны были быть устроены огнебазы в Каршах и Гузаре.

Полное развитие план артиллерийского снабжения армии и устройства артиллерийского тыла получил в конце мая, когда наша передовая линия достаточно окрепла и явилась возможность располагать кое-какими собственными транспортными средствами. Этот план сводился к следующему:

Начальнику снабжения 3 стр. бригады приказано было сформировать артиллерийский склад в Ширабаде. К этому складу приписывались 3 стр. и 8 кав. бригада, а также мелкие части, расположенные в районе правой колонны.

Носимый и возимый запас патронов в войсках был определен в следующей норме: в полках пехоты по 180 патронов на стрелка и 10.000 патронов на пулемет; в полках кавалерии по 120 патронов на всадника и по 10.000 патронов на пулемет. В тех и других двухнедельный запас патронов из расчета 10 патронов на пехотную и 5 патронов на кавалерийскую винтовку в сутки. Излишки патронов, имевшиеся в полках— всего 166.000 патронов и должны были послужить началом основания Ширабадской базы.

Всего в Ширабадской артиллерийской базе предполагалось содержать шестидневный запас патронов по расчету 10 патронов на пехотную, 5 патронов на кавалерийскую винтовку в сутки и 1.000 патронов на пулемет.

Это должно было составить 919.476 патронов. Запас этот образовывался таким образом: излишек патронов в полках и снабжение 3 стр. бригады, достигавший в общем 336.980 патронов шел на образование базы и 582.896 патронов до окончательного пополнения базы должен был дослать начальник артиллерийского снабжения армии.

Я потому избрал промежуточную артиллерийскую базу для правой колонны в Ширабаде, и не в Термезе, что на первый взгляд может показаться более целесообразным, что не хотел ничем лишним загружать Термеза, как пункта, попадающего сразу же в район боевых действий в случае выступлений Афганистана. Впоследствии, когда я в Термез послал специальную инспекцию, оказалось, что в Термезе постепенно накопилось такое обилие огнеприпасов, что он из своих складов питал всю правую колонну в течение всей экспедиции, и таким образом Ширабадская огнебаза оказалась запасной.

Для левой колонны, исходя из того же принципа, устраивался артиллерийский склад в Дербенте. В нем положено было содержать десятидневный запас патронов для всей левой колонны на основании выше приведенных расчетов, что должно было составить 1.184.645 патронов. На образование его должен был пойти прежде всего излишек патронов, образовавшийся в полках колонны в количестве 92.000, а остальное количество должно было быть доставлено начальником артиллерийского снабжения армии.

Кроме того, учитывая кругооборот транспортов, на Дербентском складе должен был храниться еще 6-дневный запас для Ширабадского склада правой колонны в количестве 919.476 патронов.

Дербентский склад устраивался распоряжением начальника снабжения 1-ой кавалерийской бригады.

Войска прифронтовой полосы приписывались на снабжение к 7 стр. бригаде и в распоряжение начальника снабжения последней для этой цели передавалось 1.971.965 патронов из армейской артиллерийской базы в Каршах.

Порядок питания частей и бригадных складов огнеприпасами был установлен следующий:

Как только расход патронов в полку превышал ежедневный запас, этот расход тотчас же пополнялся из бригадного склада.

По израсходовании 20% общего запаса патронов бригадного склада, этот расход распоряжением соответствующего начальника снабжения бригады пополнялся до нормы из следующего за ним резервного склада,

а именно Ширабадский склад пополнялся из шестидневного запаса Дербентского склада, а этот последний, по израсходовании 20% общего количества, хранившегося в нем запаса патронов, должен был пополняться до нормы из Каршанской армейской артиллерийской базы.

Запас винтовочных патронов, отпускаемый группе, был настолько ограничен, что надлежало с особой тщательностью учитывать все патроны и установить строгие правила в их расходовании. Хранение запаса патронов при полках в количестве свыше установленного, на мой взгляд, было нецелесообразно: полки везли их за собою пока не встречали недостатка в перевозочных средствах; лишь только в этом отношении они начинали испытывать недостаток, они сейчас же начинали устраивать собственные склады, о которых часто никто не знал и первым делом в эти склады помещали сверхштатные патроны.

Для артиллерийских частей был установлен следующий порядок питания их огнеприпасами:

На действующее орудие группы положено было иметь 1.000 выстрелов по общему расчету $^2/_3$ гранат и $^1/_3$ шрапнелей.

Для полевой батареи возимый запас исчислялся в 124 выстрелов на орудие—496 на батарею. Для горных батарей возимый запас исчислялся в 100 выстрелов на орудие—400 выстрелов на батарею.

В Ширабадском артиллерийском складе положено было содержать запас в 400 выстрелов для полевой батареи правой колонны и 800 выстрелов для ее горных батарей.

В Дербентском складе положено было иметь 800 выстрелов для конно-горной батареи левой колонны, 400 выстрелов для полевой батареи правой колонны и 800 выстрелов для горных батарей правой колонны.

В армейской артиллерийской базе в Каршах надлежало хранить 2.704 выстрела для полевой батареи и 4.800 выстрелов для горной артиллерии.

Крепостная артиллерия Термеза и Керков должна была обходиться своими запасами.

Предполагалось пополнение баз в значительной мере закончить к 5 июня, но опять-таки недостаток транспорта сильно дал себя чувствовать и в этом отношении и доведение до нормы боеприпасов во всех указанных базах, кроме армейских, в сущности продолжалось в течение всей операции.

Во всяком случае, к началу решительных операций (15 июня) все эти базы были заложены, но степень пополнения их была еще очень слабая. Так, например, я расчитывал к 5 июня иметь на Дербентской базе уже 500.000 винтовочных патронов и 300 снарядов; на самом же деле лишь к 15 июня на ней удалось сосредоточить всего 334.000 ружейных патронов и 128 снарядов. С этим запасом и пришлось начать операцию. Лишь к 1-му июля базы достаточно пополнились и хранили по два комплекта снарядов на горную артиллерию, 5.000 снарядов полевых и по полтора комплекта патронов на винтовку (исходя из расчета 180 патронов носимого запаса на стрелка).

В виду выяснившегося малого расхода огнеприпасов (например, за месяц с 26 апреля по 26 мая израсходовано было всего 200.000 винтовочных патронов), я считал эту обеспеченность баз вполне достаточной

и вопрос артиллерийского устройства тыла разрешенным в данных условиях вполне удовлетворительно.

Когда я вступил в командование войсками группы, оборудование главной коммуникационной линии, содержать этапы на которой должен был 78 этапный батальон, было сделано лишь вчерне. Имелись этапы в Каршах, Гузаре, Ак-рабате и Байсуне.

Военная дорога обеспечена была слабо и подвергалась частым нападениям банд противника, особенно на участке Дербент, Ак-Рабат и на участке Гум-валяк-Тенги Хорам, причем банды часто портили нашу телеграфную связь и по несколько дней нельзя было установить связи с Байсуном, который в начальный период развертывания равно привлекал внимание и нашего противника.

Маленькие этапные гарнизоны не могли вести активной борьбы с бандами, а лишь оборонялись за стенами полуразрушенных станций блокгаузов, в которых они были расположены.

Расстояния между этапами были велики, что тяжело сказывалось на одиночно следующих людях и небольших командах. В Кагане, штабквартире армии, начальный этап совсем отсутствовал; не было сборного этапа и в Чарджуе, где водный путь на Хиву скрещивается с железной дорогой. Особенно тяжело было положение одиночно следующих людей и мелких команд, следовавших в Хиву; им приходилось дней по 10 проживаться в Чарджуе, пока, наконец, генеральный наш консул, хотя это и вовсе не входило в круг его обязанностей, не ухитрялся отправить их с оказией в Хиву. В хозяйственном отношении все этапы были оборудованы слабо.

Предстояло прежде всего надлежащим образом организовать коммуникационные линии, а затем подумать о их обеспечении. Командиру 78 этапного батальона, несмотря на возражения начальника военных сообщений фронта, желавшего сберечь резерв этапов для устройства этапной линии Дербент, Ширбат, Термез, приказано было открыть начальный этап в Кагане и сборный этап в Чарджуе. В с. Янги-Кент на полпути между Карши и Гузаром (расстояние 48 в.), приказано было выдвинуть под'этап из Карши и от Гузарского этапа выдвинуть под'этап в Тенги Хорам.

Для обеспечения железнодорожной линии я признал возможным сохранить тот же порядок, что уже и существовал, т. е. охрана железнодорожных мостов в Чарджуе и Кагане возлагалась на специальные гарнизоны в тет-де-понах, силою в одну роту каждый, а одна рота повзводно занимала железнодорожные станции Кызыл Тепс, Карминэ, Знаэдин. Кроме того железная дорога обеспечивалась курсированием по ней бронепоездов.

Коммуникационная линия на участке Карши, Гузар, Дербент, Ширбад, Термез должна была быть обеспечена расположением на ней, независимо этапов, отдельными гарнизонами. Назначение их состояло в прочном обеспечении занятых ими пунктов, в поддержании связи между гарнизонами путем высылки сильных партий, в освещении местности и борьбе с бандитскими шайками в 12-верстном радиусе от своего расположения. Эта задача для полного своего осуществления требовала, конечно, придачи к этим гарнизонам некоторого количества конницы, но сделать этого я к сожалению никак не мог, ибо кавалерийские части,

входившие в состав группы, были не настолько многочисленны, чтобы можно было отвлечь хотя бы часть их для выполнения второстепенных задач.

Наконец, на эти гарнизоны возлагалась еще задача по конвоированию транспортов в пределах своих гарнизонных участков. В отношении передвижения и охраны транспортов мною было установлено, что начальники боевых участков являются прежде всего ответственными за организацию правильной конвойной службы при транспортах, особенно артиллерийских, и за смену конвоев этих транспортов.

Занять гарнизонами участок военной дороги от Гузара до Ширбада первоначально должен был один стрелковый полк. Впоследствии явилась возможность уменьшить охрану военной дороги до 5 рот, которые занимали участок от Гузара до Ширбада, располагаясь по-ротно на всех этапных пунктах, а участок военной дороги от Ширбада до Термеза (80 в.) обеспечивался распоряжением начальника правой колонны.

В половине мая гарнизонами был занят участок военной дороги до Ширбада и с этого времени прекратилось хозяйничанье банд в нашем тылу.

При продвижении обеих колонн в Восточную Бухару, коммуникационная линия вслед за ними устраивалась по такому же принципу. В виду того, что 78 этапный батальон не мог, конечно, полностью обслуживать все удлиняющиеся коммуникационные линии обеих колонн, пришлось ограничиться выделением из него лишь ячеек административно-хозяйственного аппарата, которые открывали питательные пункты при ротах занимавших гарнизоны на новых военных дорогах колонн. Таким образом, обеспечивалась органическая связь обеих колонн с тылом во все время их продвижения вперед.

Не надо много распространяться о том, какое колоссальное облегчение внесло бы в вопрос организации тыла восстановление железнодорожной линии Карши, Керки, Термез. Полотно этой линии существовало, надлежало лишь настлать шпалы и рельсы. Даже окончание линии до Керки давало нам большие стратегические удобства в случае войны с Афганистаном.

Вопрос об исправлении железнодорожной линии на Керки Термез был поставлен перед Бухарским Правительством еще до моего прибытия. Оно обязалось восстановить ее на свой счет, при чем мы должны были дать техническую силу. Остановка была за шпалами, и надо было заготовить в количестве до 40.000 штук, при чем первая партия в количестве 20.000 штук могла быть сразу закуплена в Астрахани.

Однако Бухарское Правительство не могло сразу изыскать нужных средств и вопрос с покупкой этих шпал за все время пребывания моего в Бухаре стоял на мертвой точке, несмотря на энергичные хлопоты и представления Бухарскому Правительству и РВС группы и нашего полномочного представительства. Полагаю, что Бухарское Правительство не могло достаточно широко пойти нам навстречу в этом вопросе, как оно делало в других исключительно в силу финансовых затруднений.

Во всяком случае трудами 8-го железнодорожного полка удалось отремонтировать железнодорожный путь в направлении на Керки до станции Телимарджан и настлать еще 13 верст полотна до станции Кызыл Кудук почти на половине пути между Каршами и Керки, что тоже

в значительной степени облегчило наши оперативные переброски между Керки и Каршами.

Затронув здесь вопрос о коммуникационных линиях, я, чтобы исчерпать его окончательно, остановлюсь на нашей вспомогательной водной коммуникационной линии (р. Аму-Дарья) и ее средствах.

Перед самым моим приездом в распоряжение группы поступила часть судов Аму-Дарьинской флотилии, эксплоатируемой с коммерческими целями паритетной комиссией в составе представителей Хивы, России и Бухары. Сама флотилия, согласно заключенных договоров являлась собственностью Бухарской и Хорезмийской республик.

Группа могла располагать пароходами „Ташкент", „Черняев", „Ленин" и катером „Чирок". Кроме того имелись две баржи „Москва" и „Дон" грузоподъемностью по 10.000 пудов каждая; грузоподъемность пароходов была ничтожна.

Пароход „Ленин" пришлось оставить в распоряжении Средне-Азиатской железной дороги, ибо он выполнял задания по подвозу материала для укрепления берегов р. Аму-Дарьи у Чарджуйского моста, иначе р. Аму-Дарья каждое лето угрожала прорыть новое русло и оставить мост на сухом пути.

Пароход „Черняев" в момент моего прибытия уже нес крейсерство на плесе реки Аму-Дарья Келиф Айвадж и оказался там очень полезным при развитии активной операции правой колонной.

Для транспортирования грузов оказался таким образом свободным лишь один вооруженный пароход „Ташкент" с баржей „Москва". Продолжительность рейса вверх по реке от Чарджуя до Термеза равнялась трем неделям и на обратный рейс требовалось десять дней.

За время моего командования „Ташкент" совершил один полный рейс с интендантским и госпитальным грузом и тыловыми учреждениями 3 стр. бригады в Термез. На втором рейсе он застрял в Керках из-за отсутствия у него в достаточном количестве нефти и за время моего командования группой полностью второго рейса не успел совершить. Вообще состояние материальной части судов и обеспеченность их нефтью были слабы. Хотя фронт и отпустил на Аму-Дарьинскую флотилию несколько миллиардов рублей, но сумма эта была слишком мала, чтобы достигнуть особо существенных результатов.

Чтобы использовать вполне Аму-Дарью, как удобную вспомогательную коммуникационную линию, следовало прежде всего увеличить число плавучих единиц, бывших в нашем распоряжении. К этому были приложены все усилия, удалось найти еще несколько миллиардов и в конце июня удалось спустить со стапелей еще один пароход „Чарджуй". Этот последний, если не ошибаюсь, на пробе навалился на бык железнодорожного моста и опять надолго вышел из строя.

В силу указанных причин нам пришлось использовать р. Аму-Дарью, как коммуникационную линию в очень ограниченных размерах; присланные с р. Сыр-Дарьи моторные катера, о присылке которых я возбудил вопрос, оказались также не пригодными для плавания по Аму-Дарье.

Борьбу с малярией можно было предвидеть и следовало к ней по мере сил и возможности подготовиться. О составе санитарных учреждений группы я уже говорил в предшествующей главе.

Скажу несколько слов о их состоянии. Главное, что бросалось в глаза—это неподготовленность их к тем задачам, которые им предстояли. Так, например, в медикаментах, особенно хине, испытывался недостаток. Чтобы произвести предварительную хинизацию войск требовалось 25 пудов хины, налицо же было всего 1½ пуда. Госпиталя, назначенные в передовую линию, где им, следовательно, предстояло иметь дело и с ранеными, ощущали острую нужду в хирургических инструментах.

Бригадный лазарет 3 стр. бригады не располагал ни одним хирургом. Об устранении всех этих недочетов был возбужден ряд ходатайств. Из доклада временного начальника санитарной части, основанного на опыте прошлогодней экспедиции, следовало расчитывать, что наибольшего своего развития, нарастая постепенно, достигнет в августе—сентябре месяце. Заболеваемость малярией в течение всего летнего сезона по этим расчетам не должна была превысить 50% всего количества войск, при чем указанный % должен был образоваться постепенно, увеличиваясь от месяца к месяцу. Действительность не оправдала этих ожиданий. Заболеваемость минувшим летом у нас дошла до 100%. Но, во всяком случае даже и предполагаемая заболеваемость в 50% заставляла изыскать способы эвакуации больных и раненых по грунтовым путям. Специального санитарного транспорта для этой цели не было; эвакуация на обратных подводах транспортов была применима для легко больных и раненых; для тяжело-больных и раненых хотелось найти нечто лучшее. Я задался целью создать хоть маленькое подобие санитарного транспорта для тяжело больных; для этой цели из 7 стр. бригады, прибывшей все равно без запряженного обоза, при чем на скорое ее снабжение конским составом расчитывать не приходилось, была из'ята часть санитарных двуколок и распределена по этапам; конский состав для запряжки этих двуколок должны были поставить воинские части, наиболее им богатые.

Наиболее тяжело больные и раненые должны были перевозиться от этапа к этапу на этих двуколках.

Конечно, больших размеров формируемый таким образом санитарный транспорт достигнуть не мог. К середине июня удалось распределить по этапам для этой цели 36 санитарных двуколок и 34 лошади; впоследствии в виду удобств управления этот небольшой транспорт был целиком передан в распоряжение начальника санитарной части армии.

Попутно с развитием подготовки операции шло и прибытие назначенных в состав группы войск и сосредоточение их на театре военных действий.

При развертывании армии старался, несмотря на обширность территории, располагать войска целыми организационными соединениями, каждое в своем районе.

Подходившие по железной дороге эшелоны последовательно выжимали вперед войска, занимавшие те или иные пункты в районы сосредоточения правой и левой колонн и, таким образом, развертывание армии происходило без излишних передвижений для войск и с наименьшей затратой времени. Но все-таки оно шло не так быстро, как хотелось бы и причина этому была та, что нельзя было избежать прогульных дней,

когда войскам приходилось ожидать местных перевозочных средств для под'ема своих тяжестей.

Главным образом в силу этих причин подготовка операции и развертывание армии, начавшись 23 апреля, закончились лишь, да и то не вполне, к половине июня месяца.

Этот период времени являлся для противника наиболее благоприятным, чтобы попытаться взять инициативу в свои руки. К этому он и сделал несколько попыток.

Прежде всего активную попытку в довольно широком размере задумали против укрепления Керки туркмены левого берега р. Аму-Дарьи. Движение их также поддерживалось из Афганистана. В половине мая они подступили к укреплению в количестве до 2000 человек и довольно тесно обложили его, пытаясь несколько раз овладеть и самим городом. Только что прибывший из России батальон 19 стр. полка, поставленный гарнизоном в укреплении, отстоял его, но для окончательной ликвидации попытки туркмен пришлось ввести временно на это направление еще один батальон того же полка.

27 мая оба батальона атаковали расположившихся под укреплением туркмен, сбили их и, нанеся им тяжелые потери, принудили их рассеяться в песках, захватив трофеи, в том числе до 40.000 одних патронов.

После урока под Керками в мае месяце туркмены в течение всего лета держались совершенно спокойно на этом направлении.

Конец, вернее вторая половина, мая месяца ознаменовались и оживлением деятельности шаек муллы Абдул-Кагара, которые начали вновь появляться чуть ли не в окрестностях столицы.

Разведка доносила о большой организационной работе, которою занимался мулла Абдул-Кагар в районе своей базы г. Пур-Ата. Я считал необходимым хороший предварительный удар по Абдул-Кагару до начала решительных операций против Энвера, дабы иметь возможность вести эти операции, не отвлекаясь событиями в тылу, на которые очень чутко и нервно реагировали местные власти, хотя и был уверен, что ничего особенного серьезного ни г. Бухаре, ни нашим тыловым учреждениям Абдул-Кагар причинить не может.

Для этой цели пришлось назначить 8-ю кавал. бригаду, хотя в силу этого обстоятельства она и должна была несколько запоздать в свой район сосредоточения против первоначальных расчетов. К этому представилась возможность после прибытия новых частей из России, которые сменили части 8 кав. бригады в окрестностях г. Бухары.

Удар решено было направить на базу Абдул-Кагара — г. Нур-Ату в расчете, что это вынудит Абдул-Кагара стянуться к своей базе для защиты ее. Действительно, как только обозначилось движение 8 кавал. бригады к г. Нур-Ата и отряды Абдул-Кагара потянулись туда же. Но от решительного боя за этот город Абдул-Кагар уклонился и успел уйти в пески, где временно и рассеялся и на некоторое время притих. Базы Абдул-Кагара, его мастерские, склады продовольствия и груженый транспорт—около 100 верблюдов достались в наши руки.

За это же время некоторую активность проявили Энвер-паша. Около 15 мая обнаружилось стремление части его сил, занявших с. Сайроб между Дербентом и Ширабадом, распространиться и в сторону Дербента;

силы противника на этом направлении определены были в 700 всадников. Эта попытка была ликвидирована частями 5 стр. полка, подходившими как раз в это время для занятия участка военной дороги Дербент—Ширабад.

Не было ли это попыткой со стороны Энвера занять Ак-Кутальский перевал, минуя Байсун, что дало бы ему те стратегические выгоды, о которых я говорил выше.

Такою же неудачей окончилась попытка Энвера 19 мая атаковать Байсун, где только что закончилась смена 7 стр. полка, 12 стр. полком, при чем в дело им было введено до 1000 человек.

Как впоследствии передавала наша разведка, эту попытку Энвер-паша предпринял для того, чтобы определить боеспособность вновь занявшей г. Байсун части. Эту свою боеспособность 12 стр. полк и доказал Энверу-паше, причинив его отрядам во время этой усиленной рекогносцировки весьма чувствительные потери.

Все эти наступательные попытки противника были ликвидированы без нарушения общего плана сосредоточения и развертывания армии и вызвали лишь некоторое запоздание в присоединении 8 кав. бригады к своей колонне.

ГЛАВА V.

Операция против главных сил Энвера-паши, закончившаяся выходом наших войск на фронт Айвадис, Кабадиан, р. Туполанг-Дарья.

3 июня я получил следующую директиву командующего фронтом: „Согласно приказа Главкома приказываю к ликвидации Энвера приступить в срок между 10 и 15 июня. Определение окончательного дня наступления предоставляю вам тчк нр 11/ п ш".

Далее следовали подписи.

В тот же день в мое распоряжение были переданы части, только что прибывшие из России и числившиеся в резерве Главкома и командующего фронтом (учебно-кадровые и образцовые части и 28 стр. бригада).

В силу того состояния транспорта, которому я посвятил столько места в предшествующей главе, я сомневался, достаточно ли удастся оборудовать к этому времени артиллерийский склад в Дербенте. Действительно, несмотря на все принятые меры к ускорению сбора перевозочных средств, лишь 13 июня к Дербенту подошел первый эшелон транспорта с огнеприпасами. Лишь 19 июня количество огнеприпасов в Дербентском складе достигло трехсот с лишним тысяч ружейных патронов и 128 химических снарядов.

Запасы в магазины продовольственных баз только лишь начали поступать; наличие главнейших продуктов из них можно усмотреть из приложения № 4.

Первая половина июня прошла без особого проявления активности со стороны противника. В Западной Бухаре было, после занятия нами г. Нур-Ата, сравнительно спокойно и Абдул Кагар бездействовал, очевидно, приводя себя в порядок.

Энвер-паша после своего последнего наступления на Байсун 19 мая по-прежнему с главными силами своми стоял против него, но держался пассивно.

Однако, разведка определенно указывала на большую организационную работу, проводимую им, на ожидаемое прибытие к нему сильных подкреплений из Афганистана и на прибывшую уже яко-бы к нему оттуда артиллерию.

Из штаба правой колонны доносили о занятии Кабадиана сильным отрядом афганцев всех родов оружия, численностью до 4000 человек. Этот слух поддерживался очень упорно и шел из двух источников. За

несколько дней до начала нашего общего наступления стали поступать новые донесения, что Энвер не примет боя с нами, а уйдет через Сангардакский перевал в Шахрисябзский район, а оттуда в Самаркандскую область. Большее или меньшее вероятие всех этих данных надлежало иметь в виду главным образом при разрешении вопроса о нашем решительном наступлении на Энвера.

В расположении наших войск за это время произошли следующие изменения: прибывшие из России учебно-кадровые и образцовые части сменили в Западной Бухаре части 7 стр. бригады, которые начали передвигаться далее на восток; на Каршинском боевом участке 38 стр. бригада сменяла части 7-й стр. бригады в Каршах, Керках и Гузаре. 7 стр. бригада одним полком сменяла 5 стр. полк на участке военной дороги Гузар, Дербент, Ширабад. Остальными своими полками она сменяла 8 стр. полк на правом берегу р. Сурхана и в укреплении Термез и таким образом освобождала всю 3 стр. бригаду для активных действий.

Ко 2-му июня 19 стр. полк полностью сменил два батальона 5 стр. полка на указанном выше участке военной дороги и последний целиком сосредоточился в к. Дербент.

Со сменой 8 стр. полка дело затягивалось, ибо обозы хозяйственные и боевые 20 и 21 стр. полков передвигались исключительно помощью местного транспорта и полки эти теряли много времени на ожидание сбора подвод и вьючных животных. Лишь в первых числах июля полки эти достигли района Ширабад, Коканты, Термез.

8 кав. бригада двигалась на присоединение к правой колонне; но ее приходилось вести небольшими переходами, дабы поберечь конский состав, много поработавший во время Нур-Атинской экспедиции; я рассчитывал, что она достигнет Термеза между 15 и 18 июня.

Своевременность сосредоточения частей левой колонны не вызывала опасений; пехота вся уже была в сборе к 2 июня, а 1-я кав. бригада, стоявшая в окрестностях Гузара в силу лучших фуражных условий в этом районе могла быть в два—три перехода подтянута к г. Байсуну.

Я не предполагал дожидаться смены 8 стр. полка частями 7 стр. бригады, но считал, что следовало все-таки выждать присоединения 8 кав. бригады к своей колонне и тогда начать наступление сначала правой колонной, дабы она успела выдвинуться на уступ и вперед перед левой колонной. Таким образом, развитие наступления колонн мыслилось мною между 20 и 25 июня.

Наступление в виду полученной мною директивы, теперь приходилось повести одновременно двумя колоннами общим фронтом, при чем 8 кав. бригада нагоняла свою колонну уже на марше.

Если бы Кабадиан оказался действительно занятым теми силами противника, о которых доносила разведка, то, конечно, силы ее оказались бы слабыми для борьбы с ним.

Из всех данных разведки только одного нельзя было проверить боем, именно насколько отвечало действительности указание о намерении Энвера уйти со своими главными силами через Сангардакский перевал в Шахрисябзский район и далее в Самаркандскую область. В таком случае наш удар под Байсуном, заблаговременно подготавливаемый, разразился бы впустую. Против этого следовало принять меры. Я решил усилить Шахрисябзский боевой участок, занимаемый двумя батальо-

нами 4 стр. полка, еще одним батальоном из состава 28 стр. бригады, дабы дать возможность начальнику этого участка образовать себе маневренный резерв, которым на первое время можно было бы воспрепятствовать Энверу-паше в осуществлении его попытки. Кроме того, в распоряжение начальника Шахрисябзского боевого участка на время развития операции против Энвера я передал кавалерийские курсы, только что прибывшие в мое распоряжение из Самарканда через перевал Тахта Карача, в Шахрисябз.

Для создания наилучшего исходного положения и для поверки донесений разведки, которая указывала на кишлак Рабат (12 в. к югу от Байсуна), как на пункте, где можно ожидать сосредоточения афганских подкреплений, шедших к Энверу, решено было занять этот последний пункт.

Эта операция была выполнена в ночь с 8 на 9 июня 2-м батальоном 5 стр. полка от Дербента, которому содействовали 2 батальона 12 стр. полка от Байсуна.

Рабат удалось занять сравнительно легко, но в течение всего 9 июня и утра 10 июня Энвер, введя в дело значительную, повидимому, часть своих сил, несколько раз пытался отбить Рабат обратно, поведя при этом атаку на Байсун. Все эти атаки были отбиты с причинением крупных потерь противнику, но и у нас было 20 раненых и 2 убитых. Бои 9 и 10 июня показали мне, что слухи о наличии значительных, свежих афганских подкреплений у Энвера не верны и что неверны также сведения о наличии у него артиллерии, иначе он не преминул бы ее использовать, ведя упорные атаки на Рабат в течение целого дня. Вместе с тем в наших руках остался чрезвычайно выгодный исходный пункт для предстоящего наступления. 10 июня я приказал 1-ой кавалерийской бригаде двигаться к Байсуну с таким расчетом, чтобы к исходу 13 июня она была в Дербенте. Уже после боя 10 июня для меня стало ясно, что главная трудность предстоящей мне задачи заключалась не в том, чтобы дать бой Энверу, а в том, чтобы заставить его принять бой. Я решил тактическое развертывание произвести с наибольшими скрытностью и внезапностью и подольше скрыть от Энвера подход нашей конницы, ибо, имея дело с одной пехотой, он мог рассчитывать всегда прервать бой с нею, когда это ему заблагорассудится.

Я считал, что Энвер-паша в целях сохранения своего военного и политического престижа все-таки должен будет показать хоть видимость желания драться, но до решительного конца боя доводить не будет—это для него, конечно, было бы самым выгодным решением; но оказалось, что он действительно серьезно думал о бое с нами и лишь бегство его конницы в бою 15 июня увлекло, повидимому, и его за собою.

12 июня авангард левой колонны выдвинулся на кишлак Анкабад—верстах в 6 восточнее Байсуна и занял его. В этот же день я произвел личную рекогносцировку расположения передовых частей Энвера; я вынес впечатление, что противник, занимая восточную часть Байсунской котловины, считал себя повидимому обеспеченным, опершись тылом на скалистый кряж Дисатын Калас через который вели четыре прохода в долину р. Сухрана; один из этих проходов, именно ущелье Банды Ханы доступно и для колесного движения.

Фланги сторожевого охранения противника упирались в такие же скалистые кряжи, составляющие северную и южную окраины Байсунской котловины.

Сторожевое охранение противника занимало гребни ближайших к Байсуну высот, главная масса противника, определяемая перебежчиками и разведкой в 1500-2000 человек располагалась в Кишлаке Кафрюн и его окрестностях.

В боях предшествующих дней у Энвера было обнаружено два пулемета. Всего в Байсунской котловине у Энвера можно считать было две-две с половиной тысячи человек. Расположение Энвера, очевидно, обеспечивали находившиеся также под его управлением отряд у Сангардака (человек 150) и отряд у Ходжа Милька, человек в 200.

13 июня я ожидал прибытия в Дербент головного эшелона 1-й кав. бригады и головного эшелона артиллерийского транспорта.

Атаку войск противника под командою Энвера решено было произвести в ночь с 14 на 15 июня. Я лично указал начальнику левой колонны, что главною его целью должно быть, стремление отжать противника от ущелья Банды Ханы и прочих проходов и уничтожить живые силы противника в Байсунской котловине, не допуская их уйти через проходы.

Конница должна была появиться на поле сражения внезапно и сразу же захватить ущелья Банды Ханы. Тыл атакующих войск должен был обеспечиваться батальоном 5 стр. полка в Байсуне и батальоном 19 стр. полка в Дербенте.

Всего следовательно для активных действий начальник левой колонны располагал 5 б-нами пехоты (12 стр. полк и 1 и 2 батальоны 5 стр. п-ка), 1-ой кав. бригадой и 1-ой конно-горной батареей, что составляло с округлением 1700 штыков, 1000 сабель и 4 конно-горных орудия.

Во исполнение моих указаний начальник левой колонны, начальник 1-ой Турк. кавалерийской бригады Мелькумов, решил конницей охватить противника от ущелья Банды Ханы и продвигать ее затем далее к северу в охват левого фланга и в тыл противнику, отрезая его от прочих ущелий, 2 б-на 5 стр. п-ка с конно-горным артиллерийским взводом должны были повести наступление прямо на Кафрюн, а 12 стр. полк с другим конно-артиллерийским взводом должен был в течение ночи, выдвинувшись на уступ вперед перед батальонами 12 стр. полка, двинуться через Кишлак Анкабад на урочище Сары-Камыш с целью отрезать противника от Ак-Канчигайского ущелья и в случае нужды оказать содействие нашим частям под Кафрюном. На всякий случай, чтобы иметь под рукой и свой резерв, я изменил маршрут 8 кав. бригаде, что в общем не удлиняло ее пути. Она должна была от Дербента следовать не на Ширабад, Термез, а на Байсун, Джар-Курган, где переправлялись через Сурхан части правой колонны и из Джар Кургана войти в связь с штабом правой колонны; в Байсуне она должна была быть к полудню 15 июня.

В течение 13 и 14 июня нашей разведке приказано было возможно меньше беспокоить противника, дабы совершенно усыпить его подозрения. С наступлением темноты 14 июня, вся 1-ая кав. бригада, успевшая сосредоточиться в Дербенте и отдохнуть в нем, выступила прямым путем на Рабат.

В 1 час, 15 июня, на Анкабад выступила колонна командира 12 стр. полка Михайлова, в составе 2-х батальонов этого полка и конно-артиллерийского взвода (один батальон этого полка еще 12 июня занял Анкабад).

В 3 часа ночи 9-ая рота 5 стр. полка, выступив из Байсуна, сбила сторожевую заставу противника на высоте южнее г. Байсуна и начала теснить во фланг все сторожевое охранение противника, расположенное южнее Байсуна.

В 3 ч. 30 м., когда уже начало совсем светать, с фланга Рабат-Туманкурган перешли в наступление на Кафрюн первым 1-й батальон 5 стр. полка. Это наступление поддерживалось огнем конно-артиллерийского взвода, занявшего позицию в районе высот, примыкающих к южной окраине Байсуна.

Как только сторожевое охранение противника, теснимое с фланга 9 ротой 5 стр. полка, начало спешно подаваться назад, на гребнях пологого кряжа высот, прикрывавшего от нас Кафрюн, появились массы конницы Энвера паши; очевидно он желал восстановить положение на фронте своего сторожевого охранения.

Образцовое наступление 2-х батальонов 5 стр. полка видимо привело ее в смущение; спешиваясь и отходя от увала к увалу, эта конница старалась ружейным огнем остановить их наступление, не прибегая однако к конной атаке. Наши батальоны, не замедляя темпа своего наступления, при поддержке огня конно-артиллерийского взвода, который переменил позицию и снялся с передков почти в линии цепей, теснили эту конницу по направлению на Кафрюн.

Скоро под Кафрюном образовалось большое скопление этой конницы и вьючных обозов.

Около 7 час. утра наша пехота уже подходила к Кафрюну.

К этому же времени 2-й кавалерийский полк успел уже захватить ущелье Банды Ханы, а первый кавалерийский полк, развернувшись из дивизионных уступов слева атаковал скопища противника у северной окраины с. Кафрюн; конница противника не приняла и этой атаки; она бросилась на Танги, Мушское ущелье, оставив на поле боя около 200 трупов и до 20 человек пленных в наших руках.

Мы захватили в Кафрюне и его окрестностях ставку Энвера (палатки, домашние вещи, утварь и проч.), транспорт верблюдов в 19 голов, груженый английскими патронами (свыше 10000), а несколько дальше еще до 50 верблюдов с колониальными товарами.

После кавалерийской схватки у Кафрюна противник, нигде уже больше не оказывая сопротивления, спешно уходил через ущелье Танги Муш, преследуемый нашей конницей.

Колонна Михайлова подвигалась медленнее, чем это предполагалось, она сбивала партии противника с холмов и гребней, лежавших на фланге ее движения. Поэтому, когда голова этой колонны подходила к урочищу Сары-Камыш, хвост колонны конницы Энвера уже втягивался в ущелье Танги Муш.

Колонна Михайлова обстреляла его артиллерийским огнем, но все-таки он успел уйти; это произошло около 8 часов утра.

Если бы колонна 12 стр. полка двигалась быстрее, то результаты боя под Кафрюном были бы несомненно еще значительнее. Сражение

под Кафрюном стоило нам всего семи человек ранеными, из них один смертельно и несколько убитых лошадей; противник одними убитыми потерял около 200 человек и, кроме того, значительную часть своего вьючного обоза.

Я лично считал, что для нас не столь важны были даже тактические результаты Кафрюнского боя, как первого решительного столкновения с главными силами Энвера-паши, сколько его моральные последствия и впечатление, произведенное им в Бухаре, Туркестане и сопредельных странах.

Военная репутация Энвера-паши очень высоко расценивалась в странах Средней Азии, может быть выше того, что она стоила в действительности, а его политический вес, как это водится в Средней Азии, находился в прямой зависимости от этой военной репутации.

И то и другое сильно потускнело после боя под Кафрюном.

Некоторое время спустя после этого боя, уже на фронте правой колонны был перехвачен афганский раз'езд, пробиравшийся с письмами Энвера в Афганистан. Вот что писал Энвер-паша афганскому военному министру после боя под Кафрюном.

Я привожу письмо по тому не совсем литературному, но довольно верно передающему смысл письма переводу, который был у меня в руках:

„Мой дорогой Назир, писал Энвер-паша, вчера после сражения я ушел с своими войсками в Карлюк, потому что первая причина была три более самого большого (не указание-ли это на будто бы тройное превосходство наше) в силах, чего в самом деле не было и главной причиной было, что патроны были израсходованы у туземных войск.

Одиннадцати зарядных афганских осталось очень мало; также я слышал теперь (далее идет шифрованная фраза)... использую это положение, идя на Курган Тюбе и с Давлет манбием я хочу покончить с Ибрагимовской аферой.

Я полагаю, что русские не могут итти вперед, совершенно даже невозможно, чтобы они дошли до Дюшамбэ.

Я послал всех стойких людей и патроны в Джилигуль. Я здесь подожду немного:, так, если Вы не можете дать благоприятного ответа на мою просьбу для пропуска ( ), тогда я пойду к Джиликулю и Курган Тюбе.

Пожалуйста пришлите мне новых русских ( ) патронов.

Ваш Энвер".

Из подсчета сил обеих сторон можно видеть, что никакого тройного превосходства в силах у нас не было. Если у Энвера действительно не хватало патронов, то почему-то тогда он все-таки рисковал сражением. Это была ошибка Энвера, за которую он и заплатил и некоторым извинением ему служат те мотивы, о которых я говорил выше и которые принуждали его к бою даже и в невыгодных для него условиях.

Вечером 15 июня для меня стала ясна картина всего происходящего, я считал, что бой под Кафрюном был моральным переломом всей кампании и надлежало возможно полнее использовать его моральные результаты. Поэтому я приказал начальнику правой колонны возможно скорее двигаться на Кабадиан.

При этом я расчитывал, что если Кабадиан действительно занят столь значительным отрядом, как это доносила разведка, то правая колонна еще на пути к Кибадиану почувствует его присутствие, войдя в сферу его разведки, авангардов и прочее; и тогда будет еще время организовать операцию против Кабадиана; если же последний занят слабо, то взятие его явится хорошим дополнением к нашему успеху под Кафрюном.

Преследуя противника, конница левой колонны сбила его небольшие арьергарды у Мир-Шадэ и Карлюка, а 17 июня после небольшой перестрелки заняла г.г. Денау и Юрчи. Следовавшая за конницей пехота, быстро закрепляла захваченное пространство. Следуя по пятам противника, наша конница 18 июня вышла на рубеж р.р. Туполанг-Дарья, Сурхан, при чем противник, спешно переправляясь через р. Туполанг-Дарья потерял много потонувшими в этой реке.

Ибрагим бек, двинувшийся на помощь Энверу с двухтысячным отрядом своей конницы, застал отряды Энвера-паши в беспорядке переправлявшимися через р. Туполанг-Дарья. Он спешно повернул со своей конницей обратно и расположился с нею в районе Каратаг-Дюшамбэ.

На этом пока и закончились наступательные операции левой колонны.

Правая колонна приступила к выполнению своей задачи 15 июня. Первоначально ей пришлось действовать в составе 7 стр. полка и $1^2/_3$ батальона 9 стр. полка с пеше-горной батареей и двумя отдельными эскадронами.

Свое движение на Кабадиан она выполнила двумя колоннами, при чем движение колонны, следовавшей по берегу р. Аму-Дарьи обеспечивалось со стороны Афганистана пароходом „Черняев“ с десантом в одну роту пехоты. Эта рота была высажена в Айвадже и образовала заслон в сторону Афганистана.

Другая колонна пошла прямо на Кабадиан прямой дорогой от Джар Кургана на колодцы Итак Тивет. На рассвете 22 июня обе колонны соединились под Кабадианом и заняли этот пункт без боя.

Отряд Хасанова, занимавший город, покинул его накануне и отошел на урочище Джиникуль, а отряд Кабадианского бека, сформированный из местных жителей, разбежался при приближении наших войск.

Во время этого похода, главные затруднения, встреченные правой колонной заключались не в сопротивлении противника, а в борьбе с природой и стихиями в виде бурных горных рек; переправы через эти реки при помощи местных средств и недостаточных и несовершенных каждый раз уносили по нескольку жертв из рядов наших героических бойцов. Наши успешные действия по занятию первого намеченного нами рубежа при продвижении в восточную Бухару произвели надлежащее впечатление и на Афганистан, Андхокский хан получил, очевидно, соответствующие инструкции и с этих пор прекратил всякие попытки возбуждать и поддерживать стремления туркмен левого берега р. Аму-Дарьи нападать на укрепление Керки и в этом районе водворилось полное спокойствие.

ГЛАВА VI.

Подготовка к продвижению на новый рубеж. События в обеих колоннах, предшествовавшие началу этого продвижения. Новое продвижение наших войск вглубь восточной Бухары. Поставленные им задачи и их выполнение. Смерть Энвера-паши. Обстановка перед сдачей мною командования.

Мой приказ, данный начальнику левой колонны 10 июня, говорил, что дальнейшая задача, по выходе его на рубеж р. р. Туполанг-Дарья и Сурхан, будет дана ему дополнительно.

Это было сделано умышленно. Я желал дать время правой колонне все-таки выдвинуться на уступ вперед. Теперь это имело тем большее значение, что при новом продвижении на Восток обеих колонн фронт их наступления, благодаря начертанию Бухарских границ на севере и юге, несколько с'уживался и могли представиться случаи для более тесного тактического взаимодействия обеих колонн; правая колонна, идя на уступе вперед, могла более непосредственно угрожать теперь сообщениям флангу и даже тылу противника.

Были и другие причины, заставлявшие повременить с выдвижением вперед левой колонны. Боевая ценность противника выяснилась вполне после боя под Кафрюном. Тактические результаты последующих действий не вызывали в себе сомнения. Я хотел закончить последний акт решительных операций против Энвера с возможным обеспечением сил и жизненных потребностей войск.

Прежде чем окончательно втянуться в наиболее глухие места восточной Бухары, я желал заложить новую промежуточную базу для левой колонны, место для которой было выбрано в г. Юрчи.

Необходимо было продвинуть к войскам, успевшим обноситься на походе, запасы обмундирования, довести до нормы запас огнеприпасов и позаботиться о санитарном обеспечении колонн, что являлось необходимым, имея в виду начавшееся уже сильное развитие малярии, от которой особенно сильно начали страдать войска, только недавно еще прибывшие из России. Я имел всегда перед своими глазами опыт Гиссаровской экспедиции, лишения которой оставили сильный след в воспоминаниях всех ее участников; устройство новой базы требовало, считаясь с нашими транспортными возможностями, известного промежутка времени.

Однако, учитывая всегда возможные перерывы связи и невозможность поэтому всегда своевременно инструктировать начальника левой колонны, я предоставил начальнику левой колонны, если обстановку он найдет своевременной и подходящей, расширить достигнутый успех частным наступлением в виде набега конницы на Гиссар, Дюшамб.

Энвер-паша не считал, повидимому, свою ставку окончательно битой и пытался еще организовать не только оборону, но и частные наступления; его отряды вновь появились на левом берегу р. Туполанг-Дарья и мы вынуждены были уже 21 июня прогнать наиболее назойливые из них из-под городка Сары-Асия на левом берегу р. Туполанга.

В конце июня Энвер-паша снова стал во враждебные отношения с Ибрагим-беком. На этот раз отношения, повидимому, испортились окончательно. Ибрагим-бек начал выступать более самостоятельно и та реальная сила в виде племени локайцев, на которую теперь единственно мог рассчитывать Энвер-паша, начала выходить из рук Энвера.

Вероятно эти обстоятельства и явились тою причиною, почему Энвер из'ял всех афганских волонтеров из туземных отрядов, куда они были вкраплены для усиления боеспособности и устойчивости последних и сформировал свой собственный, исключительно афганский отряд, численностью человек 800, предполагая этим отрядом перебраться на фронт правой колонны, ближе к дружественно к нему расположенному Давлет, находившемуся с своим отрядом в районе Бальджуана.

Подготовка к продвижению обеих колонн на следующий рубеж заключалась в следующем:

Части 19 стр. полка должны были сменить батальоны 5 и 12 стр. полков на правом берегу р. р. Туполанг-Дарья и Сурхан; батальоны 19 стр. полка в Дербенте и Байсуне сменялись батальонами 84 стр. полка, на место которого из Каршей в Гузар передвигался 82 стр. полк.

7 стр. бригада 20 и 21 стр. полками заканчивала ко второму июля смену частей 3 стр. бригады, еще остававшихся на правом берегу р. Сурхана.

Благодаря этому оба начальника колонн к началу нового продвижения вновь могли полностью располагать всею своей пехотой, не расходуя ее на охрану коммуникационных линий в своем тылу. Войска заступавшие на место частей правой и левой колонн до р. р. Туполанг-Дарья и Сухран, образовывали новый боевой участок—Ширабадский под начальством начальника 7 стр. бригады. Правая колонна, чтобы выдвинуться на уступ по отношению левой, должна была безостановочно продолжать движение свое вперед и овладеть урочищем Джиликуль.

Устройство промежуточной базы для правой колонны не вызывало особых хлопот: имея хорошую водную коммуникационную линию до Айвадиса пароходом и в виде опорного пункта укрепление Термез с большим запасом огнеприпасов 1 миллион только одних трехлинейных патронов и много артиллерийских снарядов, она могла оборудовать себе передовую базу в г. Кабадиане собственными средствами, что и было ею выполнено.

На передовой базе в Юрчи я предполагал иметь небольшой артиллерийский склад, запасную радиостанцию, госпиталь; местные власти обещали собрать там небольшой запас продовольствия. Попутно следо-

вало докончить и наполнение артиллерийских складов в Дербенте и Ширабаде. Всего для всех этих дней следовало передвинуть 5.000 пудов артиллерийских грузов. В Юрчи предполагалось иметь в запасе 300.000 винтовочных патронов и 800 снарядов, что с укупоркой составляло вес в 1.000 пудов.

Кроме того, в сторону Дербента и Ширабада надлежало передвинуть еще до 3.500 пудов разных грузов и 200 телеграфных столбов.

Для выполнения этих переброс пришлось, кроме усиленного сбора местных транспортных средств, снять все армейские транспорты с их участков и нагрузив их запасами для передовой базы в Юрчи, двинуть их туда под прикрытием 19 стр. полка. По моим рассчетам база в Юрчах должна быть готова к 11 июля, но сбор местных средств опять затянулся, и транспорты прибыли в Юрчи только к 25 июля.

Военная дорога для правой колонны должна была пройти через Янги-арык, Аальдар-Айвадис, для левой колонны через Пули-Каклан, Мир-Шадэ, Юрчи.

Все эти пункты должны были быть заняты небольшими гарнизонами, силою в одну роту.

Теперь в двух словах коснемся тех боевых событий, которые предшествовали началу нового наступления левой колонны.

В предвидении своего дальнейшего продвижения начальник левой колонны устроил на левом берегу р. Сурхана у Кишлака Аргамчи в 10 в. восточнее г. Денау небольшое предмостное укрепление, где был поставлен маленький гарнизон.

25 июля было замечено сосредоточение сил противника у этого пункта и тогда же там началась перестрелка. Для усиления гарнизона тет-де-пона был двинут батальон 5 стр. полка; это было как раз во-время, ибо 27 и 28 июня на этот батальон обрушился весь афганский отряд Энвера-паши под его личным предводительством. Поддержанный огнем артиллерии с правого берега р. Сурхана, этот батальон отбил все атаки Энвера-паши. Начальник левой колонны тем временем решил воспользоваться случаем вновь нанести сильный удар Энверу. К 29 июня к Аргамчинской переправе сосредоточился весь 5 стр. полк, и дивизион 2-го кав. полка, с конно-горной батареей.

Тогда Энвер перешел к обороне, но после полудня 29 июня наши части сбили упорно оборонявшегося противника и принудили его к поспешному отступлению, при чем одними убитыми он оставил на поле сражения 165 человек.

После боя у Аргамчи вся наша конница пошла преследовать противника в общем направлении на Гиссар.

1-го июля был отдан приказ о дальнейшем общем наступлении. Начальнику правой колонны указывалось к исходу 10 июля занять фронт Сарай-Камарская переправа, урочище Джиликуль, г. Курган-Тюбе, выбросив по возможности летучий отряд для занятия г. Куляба; далее ему указывалось не позднее исхода 12 июля, сменив 8 кав. бригаду в г. Курган-Тюбе, пехотою двинуть эту бригаду вдоль р. Яваг в район Файзабад Кафирниган для содействия левой колонне. Впоследствии в виду усиления противника перед фронтом правой колонны это распоряжение было отменено и было указано, держа 8 кав. бригаду сосредоточенно на левом фланге правой колонны, войти при помощи этой

бригады в связь с частями левой колонны у Пули-Ангинской переправы. Левой колонне было приказано к исходу 17 июля занять главными своими силами район Каратаг, Гиссар, Дюшамбэ, выдвинув сильную разведку на город Кафирниган и Кишлан-Дагана (40 верст южнее Дюшамбэ).

Правая колонна не смогла переправиться на левый берег р. Вахш у урочища Джиликуль в силу отсутствия у этого пункта каких бы то ни было переправочных средств, уничтоженных противником, который продолжал удерживаться на левом берегу реки у Джиликуля. Правой колонне пришлось поэтому снизить части, предназначенные для переправы, к устью р. Вахша и переправлять их там под прикрытием артиллерийского огня с парохода „Черняев". 29 июня передовые части 7 стр. полка заняли левый берег р. Вахш и двинулись по этому берегу на урочище Джиликуль.

Дальнейшее продвижение частей правой колонны задерживалось лишь переправами через реки.

К 9 июля части правой колонны, заняв урочище Джиликуль, утвердились и в г. Курган-Тюбе; в это же время, примерно, была занята и Сарай-Камарская переправа.

Дальнейшее продвижение правой колонны, начиная от Курган-Тюбе, встречает все большее сопротивление со стороны противника; войска доносят о появлении новых частей противника более устойчивых и лучше дерущихся. Разгадку этому явлению следует искать в том, что Энвер-паша со своим отрядом именно около 10 июля появился на фронте правой колонны.

После боя у Аргамчи он при собрании всех предводителей отрядов передал управление Ибрагим-беку и со своим отрядом направился через Пули-Сангинскую переправу в район Больджуана, распустив слух, что он совсем уходит в Афганистан.

После ухода Энвер-паши Ибрагим-бек думал главным образом о защите своих пределов и о прикрытии эвакуации некоторых семейств боев (зажиточные кулаки) с их скотом в горы. Левая колонна легко продвигалась вперед и заняла 2 го июля Гуссар, а в ночь с 13 на 14 июля был занят г. Дюшамбэ.

17 июля я отдал свою последнюю общую директиву о занятии обеими колоннами фронта Чубек, Куляб, Больджуан, Файзабад, Кафирниган.

После боя у Аргамчинской переправы боевые операции начинают уже носить характер борьбы с отдельными бандами, правда еще довольно многочисленными, цельность организации и единство управления начинают исчезать у противника.

Поэтому я лишь коротко упомяну о дальнейших событиях: 17 июля нашими войсками был занят г. Бальджуан; в течение 25—27 июля левая колонна с боем переправилась через р. Кафирниган-Дарья и заняла города Кафирниган и Файзабад; 4 августа на фронте правой колонны погиб Энвер-паша, окруженный со своим конвоем дивизионом 16 кавалерийского полка.

С его смертью все движение окончательно распылилось и начало принимать формы обычного и местного бандитизма.

Занятием последнего рубежа в сущности исчерпалась наша задача по восстановлению власти Бухарского Советского Правительства в пределах охваченных повстаньем. Оставалась работа по окончательному укреплению аппарата местной власти на местах и по ликвидации остатков повстанчества. Она началась и протекала уже без меня, ибо болезнь принудила меня в начале августа сдать командование и совсем покинуть пределы Бухары.

Заключение.

Заканчивая мой труд, мне остается подвести некоторые итоги.

Выполнение плана кампании заняло месяц с небольшим, но подготовка выполнения заняла около двух месяцев.

Спрашивается, не даром-ли было потрачено столько времени и не следовало-ли начать кампанию раньше с тем, что было под руками и заканчивать подготовку и разворачивание всех позже прибывающих ойск уже в течение самой операции? Казалось бы, что обнаружившаяся слабость Энверовской военной организации могла служить достаточной предпосылкой к такому образу действий?

На это я возражу: во-первых, слабость Энверовской военной организации обнаружилась лишь после первого столкновения с ним, а до того времени по донесениям разведки можно было бы составить преувеличенное представление о его силах, а во-вторых почему Гиссарская экспедиция 1921 г. закончилась ничем, потому, что она была предпринята с недостаточными силами без достаточной подготовки.

Если бы речь шла просто о прогулке в Восточную Бухару, о длительном рейде, тогда можно было бы говорить о возможности начинать операцию, как только явилось хотя бы и маленькое превосходство в силах, но ведь задача заключалась в политическом и военном закреплении пройденных пространств, а можно ли было это сделать без подготовки.

Заканчивать подготовку в течение самой операции тоже было нельзя; как известно в маневренной войне тыл часто отстает от фронта и в данную кампанию для этого были как раз предпосылки в виде обширности театра и бедности транспорта армии.

Эта причина, может быть незаметная вначале, в первом порыве наступления все равно сказалась бы потом и тем сильнее, чем дальше мы продвинулись бы вперед.

Если бы нам пришлось потом остановиться, ожидая налаживания тыла или из-за неустройств осадить назад, кто бы сказал, что это мы сделали добровольно, а не под давлением противника.

Лишний день стоянки на месте дал много дней безостановочного движения вперед.

В течение месяца войска прошли от исходных пунктов наступления на 300 верст вперед. Суточная скорость движения, правда меньшая, чем при преследовании польской армии в 1920 г. к берегам Вислы

(там средняя суточная скорость движения была около 20 в.), но следует при этом иметь в виду свойства обоих театров.

Во время этого марша худо ли, нет, но войска имели постоянную связь с тылом и более или менее налаженную коммуникационную линию.

Не мне судить о результатах и значении этого похода. Но вот мысль, которая приходит мне в голову, когда я переживаю минувшее.

Почему все-таки удалось нам осуществить, особенно в отношении транспортных средств? Ведь теория и практика походов в средней Азии учат нас о том колоссальном количестве транспортных средств, в которых нуждается армия, оперирующая на мало-культурном Азиатском театре.

Я себе об'ясняю это следующими причинами: благоприятной политической обстановкой, создавшейся для нас. Красная армия шла не как завоевательница, а как освободительница в дружественной стране—это облегчило нам чрезвычайно вопрос использования местных средств, а роль и значение именно местных средств в эту экспедицию вполне ясно яз всего предшествующего изложения. Вторая, на мой взгляд не менее важная причина та, что вперед шла армия Революции. Солдаты революции, движимые ее моральным импульсом, нашли в себе силы преодолеть трудности и перенести лишения, которые буржуазные теоретики посчитали бы несовместимыми с человеческой природой, в коллективном героизме войск потонул и сделался незаметным героизм отдельных личностей.

Какой же вывод сделаем мы из всего этого. Выводов в интересах революции в Азии сделать можно очень много и один из них тот, что Красная армия может создать собственную теорию [1]) походов в Азии, допускающую для нее несравненно большие достижения при условии благоприятной политической обстановки и соответствующей политической подготовки похода в массах.

В течение всего моего изложения я касался уже стратегии Энвера. На мой взгляд, он оказался плохим стратегом. Главная его ошибка, повторяю еще раз, заключалась в том, что он не уяснил себе свойств и качеств войск, которыми ему пришлось руководить и командуя партизанами хотел вести с ними регулярную войну, как будто он не избегал поражений, а искал их. В отношении правильности оценки обстановки и соответствующего ей образа действий я гораздо выше ставлю муллу Абдул-Кагара, который проявил все качества незаурядного партизанского начальника. От этих выводов общего порядка перехожу теперь к частным моим выводам.

Остановлюсь прежде всего на управлении войсками. В условиях обширности театра и невозможности рассчитывать на всегда безотказную связь с отрядами и колоннами приходится предоставлять большую оперативную свободу начальникам отдельных отрядов и колонн, даже самых незначительных. Поэтому мне в обширных размерах пришлось практиковать способ директив и наставлений, в которых намечался ряд задач, охватывающих целую отдельную операцию и исполнителю предоставлялась широкая свобода во времени и способе их выполнения. Я только тщательно знакомил его с моими взглядами и пожеланиями. Я пришел к убеждению, что в Средней Азии нельзя управлять войсками, ставя им

[1]) Вряд ли нужна особая теория походов в Азию при условии вполне определенной роли революционной России по отношению к борющемуся за свое освобождение востоку. *Редакция.*

узкие и определенные точно во времени задачи. Само собою разумеется, что способ этот требует хорошего знакомства командующего со всеми его начальниками и с индивидуальными особенностями каждого из них.

В отношении организации войск мне кажется, что наилучшей была бы в пехоте организация отдельных стрелковых батальонов, ибо крайне редко целому полку приходится действовать совокупно. Численность роты, учитывая большую убыль людей от болезней, должна быть большая, чем на Европейских театрах войны.

При продолжительном походе, когда придется рассчитывать на прием пополнений необходимо предусматривать организацию особых запасных частей. Войскам, совершающим поход крайне трудно отрывать от себя кадры инструкторов для обучения этих пополнений. Скажу еще два слова об организации обозов: наш форменный обоз сильно страдает при службе в горах, лучше всего были бы повозки местного типа—арбы. Кроме них, крайне необходим вьючный обоз — санитарный и для возки патронов. Вообще в идеале желательно, чтобы каждая рота имела в своем распоряжении несколько вьючных животных для подвоза патронов, воды и вывоза раненых.

Пулеметы должны быть только на вьюках.

В отношении организации конницы могу сказать, что существующая организация Туркестанских кавалерийских бригад по моему вполне удовлетворяет своему назначению.

В отношении артиллерии нахожу, что наилучшим типом орудия по моему является горная и конно-горная пушка образца 1909 г.

В Москве очень хвалили орудие 1913 г. Но главнейший его недостаток—это неразборная система, что крайне ограничивает возможность его применения.

Вообще скажу, что в борьбу с азиатским противником артиллерия должна найти самое широкое применение. Важно не только ее материальное действие, но и моральный эффект. Я всегда предпочту в условиях такого театра войны, каковым была Бухара, пару пушек—десятку пулеметов.

В скалистых горах и против селений с массивными глинобитными стенами работать приходится почти исключительно гранатою. Мною была установлена такая пропорция снарядов: $^2/_3$ гранат и $^1/_3$ шрапнелей. Когда в минувшую империалистическую войну мне пришлось сражаться в Персии и Курдистане в войсках, там действовавших была установлена пропорция $^3/_4$ гранат и $^1/_4$ шрапнелей.

Химические снаряды всегда полезны; к сожалению, бывшие у нас, повидимому, отличались слабым действием газов.

В отношении инженерных войск я не могу сделать никаких особенных замечаний или наблюдений.

В отношении связи у меня накопилось много наблюдений.

В минувшую кампанию в моем распоряжении были все способы связи: радио-телеграф, телеграф, гелиографы, летучая почта.

Остановлюсь на каждом из этих средств связи в отдельности.

Радио-телеграф в горах не является безотказным средством связи: частые грозовые разряды иногда на несколько дней препятствуют им пользоваться. Это средство надлежит всегда дублировать как-либо иным средством связи. Гелиографы, о которых так много говорится, также являются далеко ненадежным средством. У меня была гелио-

графная рота, сформированная с большим вниманием и с большой добросовестностью относившаяся к своему делу, и тем не менее часто случалось, что средней величины гелиограмма шла из Юрчи в Байсун на расстоянии 100 верст—5 дней. Причина—даже малейшая облачность или мглистость атмосферы уже препятствуют работе гелиографа днем. Ночью работы их испытать не пришлось, ибо у них не было горючего.

Телеграф на столбах оказался верным и безотказным средством; единственное его неудобство—это медленность наводки и необходимость охраны.

Летучая почта (конная)—очень хороший, сравнительно скорый и безотказный способ связи. В горной войне он далеко не изжил своей роли.

Таким образом, по степени надежности и удобства различных средств связи на первое место я поставлю телеграф на столбах, затем конную летучую почту, а затем уже все остальные средства связи.

Теперь перехожу к авиации. Это вопрос очень сложный и обширный для того, чтобы ответить на него с исчерпывающей полнотой; мои выводы на это претендовать не могут.

По работе авиации в минувшую кампанию в Бухаре я пришел к заключению, что область применения авиации в горной войне очень ограничена. Причиной этому: аппараты должны держаться на большой высоте, следовательно разведки и наблюдения для них затруднительны. Например, аппараты системы „Либерти", бывшие у меня, не могли держать высоты ниже 3.000 метров. Крайне затруднительно находить для них аэродромы для спуска, что тоже отражается на удобстве совместного их действия с войсками. И то и другое обстоятельство влияют на удобства держания ими связи с войсками.

Мне возразят на это, что в 1919 году англичане широко пользовались авиацией в войне с Афганистаном и чуть ли не бомбардировка Кабула аэропланами принудила афганцев просить мира. Условий применения авиации в Афганистане я не знаю. Думаю, что бомбардировать Кабул с его обширной застроенной площадью, фабриками, заводами, арсеналом, высшими правительственными учреждениями и дворцами Эмира можно было и с пяти тысячи метров с вероятностью попадания в какой-нибудь ценный для противника об'ект, но дело в том, что на том театре, где пришлось воевать мне, не было таких пунктов, представляющих абсолютную ценность для противника, и по ним не пришлось испытать работы авиации.

В тех условиях обстановки, в каких пришлось воевать мне, выводы, доставляемые авиацией, были под сомнением, а риск для нее был очень велик.

В стратегическом отношении я считаю, что операция в целом на горном театре войны должна быть обеспечена занятием стратегически важных пунктов в тылу оперирующих войск, дабы вполне обеспечить их оперативную гибкость и свободу маневрирования.

Для меня такими пунктами явились Карши, Керки, Дербент и как фланговый—Термез.

В тактическом отношении я, пожалуй, не скажу ничего особенно нового: наступление всегда берет верх над обороной; охватам и обходам принадлежит преимущественное значение. Ночные действия могут иметь широкое применение и избавить нас от лишних потерь, почему войска

надлежит усиленно практиковать в них так же, как и в ночных походных движениях. В случаях обороны и наступления эшелонирования в глубину боевых порядков представляет неоспоримые выгоды.

Организация агентурной разведки отличается тою особенностью, что у организатора ее должен быть особенно тонко развит критический анализ, имея в виду, что азиатские базары являются главным поставщиком тех сведений, а факты в освещении базарных слухов можно уподобить китайским теням на экране; в силу впечатлительности характера местного населения они всегда преувеличиваются в ту или иную сторону.

При продолжительном горном походе надлежит внимательно следить и командному и политическому составу за моральным состоянием войск. Продолжительное пребывание в горах порождает чувства оторванности от всего мира и тоскливое состояние духа, особенно у жителей долин.

Возможно частое общение, совместные беседы и доклады высшего командного и политического состава при посещении войск, насколько я мог заметить, являются одним из хороших способов противодействия этому настроению.

Остановлюсь теперь на снаряжении, обмундировании и снабжении войск. Как принцип, чем снаряжение легче, тем лучше. Поэтому желательно часть патронов в роте возить на вьючных животных.

Обмундирование в общем отвечало своему назначению: летние шлемы оказались очень хорошим головным убором, вполне пригодным при сильной жаре. Шаровары летние и суконные чрезвычайно быстро изнашивались в горах; считаю, что кожаные чембары оказались бы в бухарских условиях весьма полезными.

Войска обязательно должны иметь палаточный лагерь и подстилку в виде войлока для каждого солдата. Это уменьшает простудные заболевания, сбережет обмундирование, избавит от укусов ядовитых насекомых.

Предварительная хинизация войск крайне желательна. Вообще в условиях экспедиции в климате в роде бухарского, хина так же необходимо войскам, как патроны.

Вот и все мои выводы и наблюдения из опыта похода, который, к сожалению, не удалось довести мне до полного конца.

Москва. Октябрь 1922 г.

Приложения.

Приложение № 1.

Первоначально предположенный состав колонн.

Наименование колонн и частей войск.	Батальонов.	Эскадронов.	Орудий.	Штыков.	Сабель.	Пулеметов.	Примечание.
9 стр. п-ки [1]	4 2/3	—	—	2.000	—	—	[1]) 3-й б-ды 9-го стр. п-ка в Самарк. области; там же рота 1-го б-на и к-да конных разведчиков. Из них два тяжелых.
Стр. арт. див.	—	—	8	—	—	—	
1-я кавк. бриг.	—	8	—	—	1.000	—	
1-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
3 погр. эскадр.	—	1	—	—	300	—	
Армейская [2]	—	—	4	—	—	—	
Креп. арт. 3 взв. сапер. кав. эск. стр. бриг.	—	1	—	—	100	—	
Всего	4 2/3	10	16	2.000	1.230	77	
Левая колонна.							
2-й стр. полк	—	—	—	—	—	—	
Одна б-рея 2-го арт. д-на [3]	3	—	—	600	—	—	[3]) В состав войск группы не прибыла.
1-я кавк. бриг.	—	—	4	—	—	—	
1-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
Взвод сапер	—	—	—	—	—	—	
Всего	3	8	8	800	1.000	—	

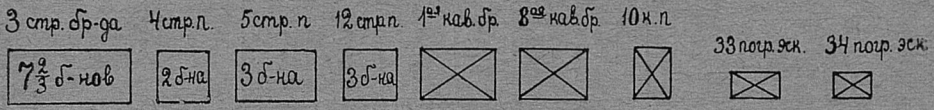
Состав своих колонн при начале их движения в Восточную Бухару.

Наименование колонн и частей войск.	Батальонов.	Эскадронов.	Орудий.	Штыков.	Сабель.	Пулеметов.	Примечание.
Правая колонна.							
1-я стр. бриг.	7 2/3	—	—	2.800	—	—	
Стр. арт. див.	—	—	8	—	—	—	
1-я кавк. бриг.	—	8	—	—	1.000	—	
1-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
3-й погр. эск.	—	1	—	—	130	—	
Жадр. X-й стр. бр.	—	1	—	—	100	—	
Всего	7 2/3	10	12	2.800	1.230	—	
Левая колонна.							
— 5-го стр. полка	3	—	—	1.000	—	—	
1-2-й стр. полк	3	—	—	700			
2-я бат. 7-го стр. дивизиона	—	—	4	—	—	—	
1-я кавк. бригада	—	8	—	—	1.000	—	
2-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
Всего	6	8	8	1.700	1.000	68	

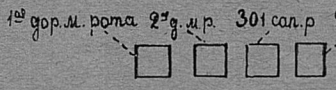
Общее примечание. Цифры взяты с округлением.

Приложение № 2.

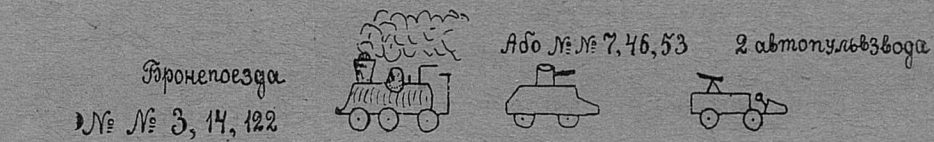
Первоначальный состав войск группы.



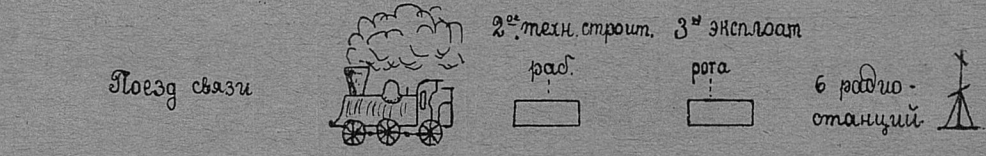
Инженерныя части



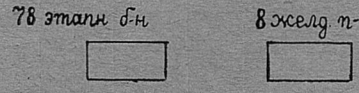
Бронечасти



Войска связи



Специальныя части.



Транспортныя части

Приложение № 3.
(К стр. 22).

Таблица местных этапных складов.

Наименование этапных пунктов.	Количество.		Срок обеспеченности.	Примечание.
	Людей.	Лошад.		
1) Гуливаляк	1.000	400	7 дней.	
2) Тенги хорам	1.000	400	„	
3) Ак Рабат	1.000	400	„	
4) Дербент	1.500	600	„	
5) Сайраб	1.000	400	„	
6) Чиляндзор	1.000	400	„	
7) Лагляк	1.000	400	„	
8) Ангор	1.000	400	„	
9) Термез	2.000	400	„	
10) Яр-тенс	1.000	400	„	
11) Кайнар	1.000	400	„	
12) Чарджуй	2.000	600	„	

Обеспеченность магазинов главнейшими продуктами к моменту начала общего наступления.

Наименование магазинов. / Наименование продуктов.	Каганск.	Карши.	Чарджуй.	Шахрисябзо.	Ширабад.	Гузар.	Керки.	Примечание.
	Обеспеченность в пудах.							
Мука	10.500	—	922	—	—	750	—	
Мясо (в головах)	270	1.000	—	985	—	—	800	
Жиры	300	—	—	—	—	—	—	
Крупа	2.000	—	—	1.190	—	—	—	
Соль	1.200	—	—	—	—	—	—	
Чай	—	—	—	—	—	—	—	
Сахар	—	—	—	—	—	—	—	
Колониальные продукты	—	—	—	—	—	—	—	
Траво-фураж	40.000	—	—	—	—	—	5.000	
Зерно-фураж	4.000	3.200	—	13.500	—	—	2.000	
Пшеница	10.000	13.000	—	6.750	—	—	2.000	

Приложение № 8.

Копии некоторых документов из полевой книжки Энвера-Паши, найденной на его трупе.

В настоящем приложении я помещаю лишь те полевые записки и распоряжения Энвера, которые относятся к организации его войск, их численности, устройству тыла или представляют интерес для выяснения некоторых подробностей боя под Кофрюном и преследования Энвера нашими войсками.

Многие из записок написаны настолько неясно и неразборчиво, что с трудом удается уловить лишь общий их смысл; многие названия несогласованы с картой нашего издания, но в целом они дают ясное представление о том, что происходило в стане нашего врага в момент нашего решительного наступления.

Мною подчеркнуты в тексте некоторые места, заслуживающие особого внимания читателя.

I.

Нурмат-беку.

В виду твоих доблестных дел и старания за веру, возлагаем на тебя в будущем также стойко стоять за намеченную цель.

За проявленные тобою услуги (заслуги? Н. К.) я назначаю тебя полковником.

Энвер.

г. Бальджуан.

Кишлак Акбу. 1922 г. 11 июня.

II.

Из Кармока без №. Заместителю Нафаг-бею.

Афганцы все приехали; прикажите им оставаться на занимаемой позиции.

Местные жители должны выйти в аулы. Я всегда защищу их. Я с Фасил-беком нахожусь в Карлюке, при мне 2.000 кавалерии; устройте палаток для Абдул-Кадыр-бея и (имя другого неразборчиво. Н. К.).

(Далее неразобранный полностью текст, передающий приказание одному из начальников отрядов ночевать на занимаемом им месте. Н. К.).

Энвер.

III.

В Денау. Нафаг-бею из Кармока.

Патроны и ваши рапорта получил. Во время движения больным не говорите; держите себя скрыто. После переправы через Сухан отправим больных в Кабалдиан, потому что оттуда достать медикаменты из Афганистана и другие нужные предметы (очевидно, легче? Н. К.). Я предполагаю пока остаться в Кармоке.

Энвер.

(Письмо, очевидно, написано вскоре после боя под Кофрюном. Н. К.).

IV.

Денау. Нафаг-бею.

19/VI—22 г.

1) В настоящее время опасности нет. 2) В окрестностях Мир-Шадэ происходит сильная разведка. 3) Вы двигайтесь по направлению Джиликуля. Если уехали мастера, вы оставайтесь в Денау с припасами, которые имели возможность набить 6.500 патронов (очевидно, эта фраза относится к мастерам. Н. К.). Сабит и Хусаин-Эфенди пусть отправляются с больными и вещами.

Действуйте по приказанию. Тех, кто не послушается, оставляйте в Денау.

Энвер.

V.

Халил-бею.

Имеющихся при вас пеших и слабых афганцев отправляйте Нафаг-бею с моими вьючными лошадьми и знаменем.

Мухутдин завтра приедет в Юрчи. Нафаг-бек, переправившись через реку в Аргамчи, должен двигаться по берегу очень осторожно. Если русские будут делать кавалерийские налеты, которые могут быть, то Нафаг-бей должен выслать разведку. Он не должен случайно попасть русским.

Я нахожусь в Юрчи и вы должны приехать в Юрчи.

Энвер.

VI.

Всем начальникам отрядов.

Довожу до вашего сведения о том, что русские еще не выступили от Мир-Шадэ. Я остановился в Карлюке, потом за вами приехал в Юрчи. Для отступления от Юрчи нет причины. Прошу вас, вы также, останавливая ваши войска, дайте им отдых и будьте готовы к бою. Я завтра буду в Юрчи.

Энвер.

VII.

Халил-беку.

Бек Эфенди с Мухутдином приезжайте в Юрчи и пусть присоединяется Даниар. Сегодня остаюсь в Юрчи. Если русские будут наступать, буду отступать.

Пришлите двух путеводителей, знающих вьючные дороги.

Энвер.

Приложение № 9.

Письма к Энверу-паше различных лиц, найденные на его трупе.

Письмо бывшего Эмира Бухарского Энверу-паше.

Уважаемому, строгому брату, сердечному командующему войсками Энвер бек Гази.

Нам стало известным, что все назначаемые должностные лица назначены помимо Вашего желания, например Ибрагим Датка, кажется, не слушается Вас. Сейчас ему, Ибрагим Датка, в присутствии нами вынесено постановление и приказали ему не выходить из пределов Вашей воли. Сообщить о состоянии здоровья нашего Вам, нами из среды войск сделано поручение Шахимура Тохсаба, который послан и имеет обо всем донести Вам.

Просьба к Вам создать должную организацию и согласованность среди сотрудников, чем и порадовать меня.

Дано в 7-й день уразы.

Личная подпись и печать Эмира Саид Алима.

Адрес: Пусть достигнет брата Главнокомандующего Энвера бека, из крепости Мурад Бек (Кабул).

Письмо бывшего Эмира Бухарского Энверу-паше.

Его превосходительству, другу моему Командующему армией.

Посланные Вами письма на имя Вашего покорного слуги все получены. Каждое из писем прочитав в отдельности, мы остались ими очень рады. Пусть бог Вас и всех мусульман хранит. Передайте привет от нас султан Хадиса Дяшкар Беш мулла Ибрагим бию-Дат-Халык-боги, Сазыл Максум бию, а также каратогинским их аскерам. Пусть они, приняв приветствие, помнят и не забывают того, что они стоят на охране веры и что стойкость их умножит число защитников ее и чтобы они в единении и согласованности и направляли усиленную деятельность против врага.

Мы, беззащитные рабы, их трудам радуемся до конца. Лишенные родины, мы прибыли в Афганистан. Стоящие во главе духовенства, идут по одному пути с нами.

В одном из писем мы узнали, что бог дал Вам сына, чему радуемся и желаем ему долголетия. Кроме пожелания Вам здоровья желаем и успеха и кланяемся.

Ваш друг Эмир Саид Алим.

Письмо бывших ответственных работников в Бухреспублике: Осман Ходжи, Мухутдин бека, Арифова [2]) на имя Энвера-паши.

Уважаемому Высочеству.

Почтенный господин.

Мы думали, что через 15 дней, навестив Эмира в Кабуле, вернуться, но нас до приезда Вами Хана задержали.

В Асби Хан поехать не могли. Я иностранному комиссару (министру иностранных дел? Н. К.) категорически об'явил, что я 12 июля выезжаю, а также Осман ходжа остаться здесь не может.

---

[1]) „Гази" почетный титул; в переводе означает непобедимый. Н. К.
[2]) Бывший военный назир Бухарской Сов. Республики. Н. К.

Вали хан против нас[1]). Он своей противностью к великому сожалению сильно повлиял на Эмира.

По ниже помещенному шифру военного комиссара Арифова можете понять, что между нами и ими произошло (далее следует шифр Н. К.). Копия этого шифра послана Вам из Ханабада господином военным комиссаром Арифовым.

Фахри паша приехал и я видел его. С ним приехало 12 офицеров, 26 войсковых и несколько канцелярских работников, годных для консульства. Поручик Аташажелтер в Сарыкамыше. Есть здесь негодяй, полковник Шариф-бек, он явно против нас. По этому поводу написал книжку.

Мустафа Кемаль ему поручил ответственную работу и произвел в чины. Шариф бек среди офицеров пропагандировал против нас, но я не дал ходу этой пропаганде. Фахри паша нам сочувствует. Взять нам к себе из среды офицеров Фахри паши не пришлось, потому что Фахри паша нам об'яснил, что по настоящему политическому положению нельзя. Офицеры его нам сочувствуют. Трое наши родственники. Жить нам здесь плохо, поэтому категорически просите Эмира нас отпустить к Вам.

За нами пошлите курьера и одного из наших. Пишите, что мы Вам нужны. Пишите в письме Эмиру, что имеющиеся в организации Бедри бека $7^1/_2$ кило золота послали к Вам посредством внешней торговли или дали бы временно на хранение Фахри паша, потому, что Бедри бек хочет это золото отправить в Берлин.

Вечно целую Вашу руку Салим-Самыг-Кошчи-оглы.

Целую Вашу руку Осман Коджа, Мухут-дин бек и Арифов.

В письме Эмиру пишите, чтобы Осман Ходжа отпустили к Вам.

Приложение № 10.

Письмо Энвера-паши Афганскому Военному министру[2]).

Мой дорогой Назир.

Вчера после сражения я ушел со своими войсками в Кардюк, потому что первая причина была три более самого большого (очевидно плохо переданное переводчиком и выражение, указывающее наше превосходство в силах. Н. К.) и главной причиной было то, что патроны были израсходованы у туземных войск. Одиннадцати зарядных Афганских осталось очень мало. Также я слышал теперь (пропуск в тексте Н. К.)..... Использую это положение, идя на Курган Тюбе и с Давлет мин баем я хочу покончить с Ибрагимовской аферой. Я полагаю, что русские не могут итти вперед, даже совершенно невозможно, чтобы они дошли до Дюшамбэ.

Я послал всех стойких людей и патроны в Джиликуль. Я здесь подожду немного. Так если Вы не можете дать благоприятного ответа для пропуска, тогда я пойду к Джиликулю и Курган Тюдэ. Пожалуйста, пришлите мне новых русских патронов.

Ваш Энвер.

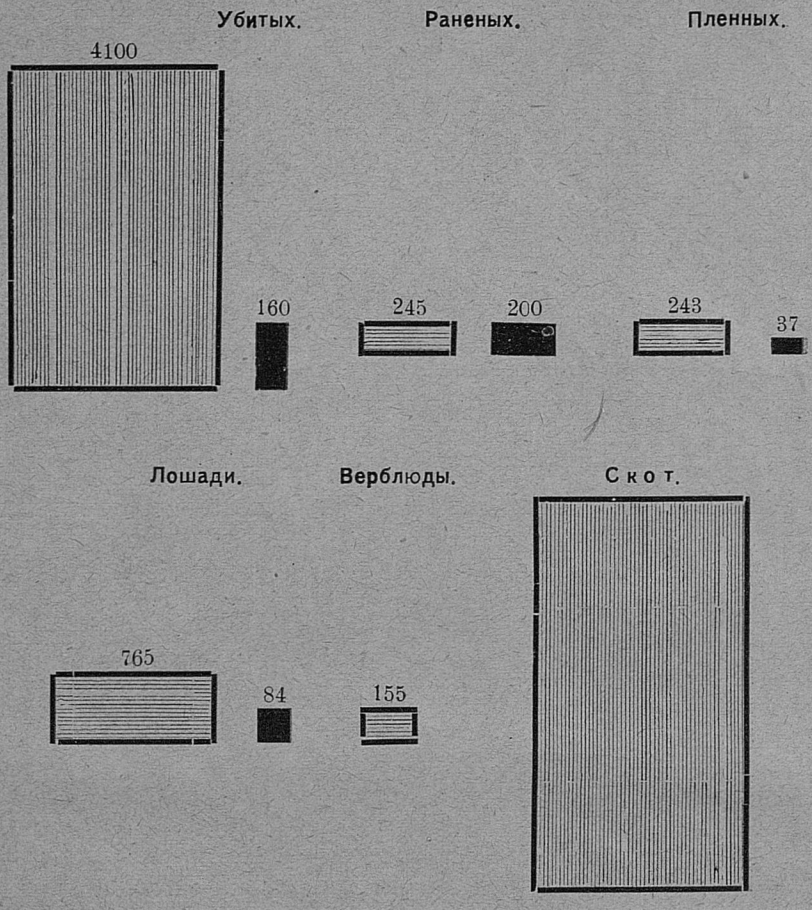
17 июня.

---

[1]) Курсив мой. Н. К.

[2]) Это письмо захвачено при поимке афганского раз'езда частями правой колонны в окрестностях Кабадиана в двадцатых числах июня месяца. Н. К.

Потери обеих сторон с 23 апреля по 23 сентября 1923 г.



Приложение № 13.

Энвер-Паша на 1-м С'езде народов Востока.

В 1920 году, когда победоносная Красная Армия, идя на защиту угнетенных рабочих и крестьян Азербейджана, прогнала Муссаватистов и укрепилась на аванпосте алеющего Востока,—в сентябре состоялся в Баку 1-й С'езд представителей народов Востока, имевший целью об'единить эти народы под красным знаменем III Интернационала для борьбы с хищничеством и эксплоатацией буржуазии и капитализма Западной Европы.

Одним из представителей угнетенных народов, по странной иронии судьбы и истории, оказался и знаменитый Энвер-Паша, чье имя было чрезвычайно популярным среди мусульман всего мира, мечтавших об'единиться под флагом панисламизма.

Герой Триполи во время итальянско-турецкой войны, вождь Младо-турок, виднейший государственный деятель полудеспотической Турции, Главнокомандующий Турецкой армией во время великой империалистической бойни,—Энвер-Паша после прекращения войны вынужден был скрываться от агентов Антанты, разыскивавших его, как одного из виновников всемирного пожара, организатора армянской резни и опасного авантюриста.

Его неожиданный приезд в Баку вызвал массу толков и пробуждал немало надежд среди антисоветских кругов мусульманства, видевших в нем человека с богатым военным опытом, хорошего руководителя, умеющего ориентироваться среди трудных условий обстановки и могущего проявить в нужный момент большую инициативу и предприимчивость.

Когда в 4-м заседании С'езда, 4-го сентября, председатель об'явил, что в президиум поступило письменное заявление Энвер-Паши, имеющее крупное политическое значение, и что президиум решил огласить его с трибуны,—в зале начались

шум и возгласы... Председатель попросил сохранить полное спокойствие, после чего тов. Островский прочел следующую декларацию Энвер-Паши [1]): „Товарищи,—я выражаю благодарность от себя и от имени товарищей III Интернационалу и его президиуму, который дал возможность нам, воюющим против всемирного империализма и капитализма, собраться сегодня в Баку.

Товарищи, мы считаем себя счастливыми, что в противоположность империализму и капитализму, которому недостаточно ограбить и раздеть нас до-нага, но который старается пить нашу кровь и уничтожить нас, и в противоположность лживым европейским политикам, мы сегодня стоим бок-о-бок с союзником верным и правдивым,—III Интернационалом.

Товарищи, когда Турция вступила в войну, мир разделен был на два лагеря. В одном была империалистическая и капиталистическая старая царская Россия и ее союзники, в другом—такая же Германия и ее союзники. Из этих двух групп мы, борясь против стремящихся нас совсем задушить и уничтожить царской России, Англии и их друзей, воевали на стороне Германии, согласившейся подарить нам по крайней мере жизнь.

Нас использовали германские империалисты для своих разбойнических целей. Но наше желание было только сохранить свою независимость.

Товарищи, чувство, которое унесло нас из спокойной беженской жизни в знойные пустыни Триполиса и под бедные шатры бедуинов, и заставило провести с ними самую тяжелую часть нашей жизни, не было чувством империализма. Мы старались спасти Триполис для триполитанцев и радуемся теперь тому, что после девятилетней борьбы им удалось прогнать итальянских империалистов. По отношению к Азербейджану у нас также не было другого намерения. Мы считаем, что Азербейджан принадлежит азербейджанцам. Если мы попадали в ложное положение, то это была наша беда.

Товарищи, во время мировой войны я стоял на важнейшем посту. Я уверяю вас, что я сожалею о том, что мы были вынуждены воевать на стороне германского империализма. Я столько же ненавижу и проклинаю германский империализм и германских империалистов, сколько английский империализм и английских империалистов. По моему, все те, кто думали об обогащении неработающих, заслуживают быть уничтоженными. Это—моя точка зрения на империализм.

Товарищи, я уверяю вас, что если бы теперешняя Россия существовала тогда и вела войну с ее теперешними целями, мы, как в настоящее время, со всей энергией стали бы на ее сторону. Чтобы яснее доказать правдивость своей мысли, я скажу, что в то время, когда мы решили и стали совместно действовать с Советской Россией, армия Юденича стояла вблизи Петрограда, Колчак держал в своих руках Урал, Деникин приближался к Москве с юга. Антанта, двигавшая эти силы и считавшая игру уже выигранной, показала свои хищнические зубы и с удовольствием потирала руки. Таково было положение, когда мы старались стать друзьями России. Если бы буря Черного моря не толкнула меня обратно, сломав мачты моего судна, если бы решетки ковенских и рижских тюрем и падение аэропланов, на которые я садился, не задержали меня, я приехал бы к вам в самое тяжелое для России время и мне не пришлось бы рассказывать эти лишние вещи, чтобы дать об'яснение некоторым товарищам.

Товарищи, вы знаете, что в империалистической схватке этой мировой войны мы были побеждены. Но с точки зрения войны угнетенных, я не признаю нас побежденными, потому что Турция вследствие закрытия ее проливов стала одним из факторов, приведших к крушению ненасытной царской России и к тому, что на место ее пришла естественная союзница всех угнетенных,—Советская Россия. Таким образом она содействовала тому, что открылся новый путь для спасения мира. С точки зрения угнетенных, я это считаю победой.

Товарищи, армия, которая в настоящее время ведет героическую борьбу против империализма и которая силу свою получает от крестьянства, как я уже сказал, не была побеждена,—она только на время опустила руки. И в настоящее время, после проведенных в борьбе против того же врага 15 лет, она все время среди величайших лишений уже второй год ведет борьбу. Настоящую борьбу нельзя сравнить с прежней. Видя, что теперь восточный мир вступил в союз с III Интернационалом, и угнетенные всего мира поддерживают ее справедливые притязания, она преисполнилась решительной надеждой на победу.

Товарищи, напряженный фазис мировой войны, начавшейся со времени Трансваальской войны, продолжался от 1914 до 1917 г. между империалистами и пришел к концу. Но война в настоящее время вошла в решительный период, и она окончится непременно нашей победой, т. е. победой угнетенных, и не только сложением оружия со стороны империализма, но полным его уничтожением.

---

[1]) Цитирую из стенографического отчета книги „Первый С'езд народов Востока 1920 г.".

Настоящий конгресс придает новые силы Красной Армии, проливающей свою кровь для защиты угнетенных, а также и турецким борцам. Точно также этот конгресс посодействует тому, чтобы борьба кончилась нашей победой, т. е. победой права. К III Интернационалу нас направляло не только одно стремление найти опору в борьбе, которую мы начали. Может быть, что в то же время причиной является и близость принципов. Мы нашу революционную силу всегда черпали из народа, из угнетенной части народа, т. е. из крестьян. Если бы наши фабричные рабочие были сильны, я бы их упомянул на первом месте. Однако, они также были с нами. Они душой и телом работали вместе с нами. Это и теперь так. Таким образом мы опирались на угнетенную часть народа. Мы чувствуем его боль, живем с ним и умрем вместе с ним.

Товарищи, считаясь с желанием народа, мы стоим за предоставление ему права самоопределения. Мы считаем себя связанными крепкими узами на всю жизнь с теми, кто хочет жить с нами; тем же, кто этого не хочет, мы желаем предоставить право самим устроить свою судьбу. Вот наша точка зрения по национальному вопросу.

Товарищи, мы—против войны, т. е. против того, чтобы люди ради власти душили друг друга. И для того, чтобы добиться вечного мира, мы идем вместе с III Интернационалом, и поэтому мы в настоящее время вопреки всяким препятствиям ведем кровавую борьбу и продолжаем ее.

Товарищи, мы хотим счастья для трудящихся, т. е. мы против того, чтобы спекулянты, — будь то иностранные или туземные, — пользовались плодами чужого труда. По отношению к ним нужно поступить без всякого стеснения. Мы хотим, чтобы наша страна пользовалась плодами общей работы путем развития земледелия и промышленности в больших размерах. Такова наша мысль по экономическому вопросу.

Товарищи, мы убеждены, что только сознательный народ может добиться счастья и свободы. Мы хотим, чтобы основательное знание, соединенное с трудом и обеспечивающее нам истинную свободу, просвещало нашу страну, и тут мы не признаем разницы между мужчинами и женщинами. Это наша мысль о социальной политике.

Товарищи, я вам заявляю, что союз революционных организаций Марокко, Алжира, Туниса, Триполи, Египта, Аравии и Индостана, пославший меня своим представителем, в этом отношении вполне солидарен с вами. Он вполне убежден, что путем применения всех революционных средств ему удастся поломать зубы хищным зверям и обессилить их окончательно.

Товарищи,—руки, поднявшиеся с этой целью, протягиваются друг другу. Я жму руку всем, кто будет работать вместе с нами до окончания этой борьбы, которая продлится долго, но окончится только нашей победой. Желаю им успеха.

Да здравствует союз угнетенных.

Долой угнетателей, дрожащих перед этим союзом".

Эта декларация Энвер-Паши произвела на С'езде большое впечатление. Умеющие разбираться в вопросах чувствовали, что под словами Энвер-Паши скрыто много недоговоренности, а другие наивно верили в искренность заявлений этого старого авантюриста и политического обманщика.

Но президиум С'езда, руководимый комфракцией, понял истинную подоплеку декларации Энвер-Паши и раскрыл его карты. Тов. Бела Кун огласил следующую резолюцию, единогласно предложенную Президиумом: [1]) „Заслушав заявление Энвер-Паши о турецком национальном движении, С'езд Народов Востока принимает следующую резолюцию:

1) С'езд выражает свое сочувствие всем турецким борцам, которые борятся против мирового империализма, угнетающего и эксплоатирующего восточные народы и держащего в рабстве трудящихся всего мира, и прежде всего против английских и французских империалистических бандитов. Подобно II Конгрессу Коммунистического Интернационала I С'езд Народов Востока заявляет, что он поддерживает те общенациональные революционные движения, которые стремятся освободить угнетенные народы Востока из-под ига чужеземных империалистов.

2) Однако, С'езд устанавливает, что общенациональное революционное движение в Турции направлено только против чужеземных угнетателей и его успех отнюдь не означал бы освобождения турецких крестьян и рабочих от угнетения и эксплоатации всякого рода. Успех этого движения не принес бы с собой разрешения самых важных для турецких трудящихся классов вопросов—аграрного вопроса и вопроса о податях и не устранил бы самые главные препятствия к освобождению Востока—национальные распри.

3) С'езд находит необходимым особую осторожность по отношению к тем вождям движения, которые в прошлом вели на бойню турецких крестьян и рабочих

---

[1]) Цитирую по той же книге.

в интересах одной империалистической группы и таким образом привели трудящиеся массы Турции к двойной гибели за интересы маленькой группы богачей и высшего офицерства. С'езд предлагает этим деятелям показать делом, что они готовы теперь служить трудящемуся народу и загладить прошлые ложные шаги. Предлагая трудящимся массам Турции и всего Востока поддержать турецкое общенациональное революционное движение, С'езд призывает крестьян и рабочих Турции сплотиться в самостоятельные организации, быть готовыми довести дело освобождения до конца и не допустить, чтобы чужеземные империалисты, стремясь помешать делу освобождения, могли использовать свои связи и влияние на туземных богачей, кулаков, бюрократов и генералов (паши, деребейлеры и проч.). Только таким образом может трудящийся народ Турции добиться освобождения от всех его угнетателей и эксплоататоров и только тогда земля, фабрики, копи и вообще все богатства страны будут служить интересам трудящихся и только трудящихся. Только таким образом".

Так разоблачил Президиум С'езда Энвер-пашу, так раскрыл глаза присутствовавших на С'езде на личность Энвер-паши, который через несколько времени, перебравшись в Туркестан, сбросил с себя маску и, став во главе басмаческих банд, стал на сторону заклятых врагов Советской власти, пока не погиб, раздавленный колесами ее победной колесницы.